

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ № 4(12) 2009

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Теория войн, философия, психология, социология, политика, экономика, история, прикладная математика

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК
ЦЕНТР ПРОБЛЕМ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ЯДЕРНЫХ СИЛ

Издается с апреля 2007 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-28172
от 28 апреля 2007г.

ISSN 1996-4544

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

В. Л. Шульц

Научно-редакционный совет

Баркалов С.А.

Гареев М.А.

Гринин Л.Е.

Кирдина С.Г.

Киршин Ю.Я.

Корабельников А.А.

Коротаев А.В.

Лепский В.Е.

Редакционная коллегия:

Белоглазов В.А.

Бухарин С.Н.

(первый заместитель главного редактора)

Герасимов В.И.

(заместитель главного редактора)

Дугин А.Г.

Коробушин В.В.

Ковалёв В.И.

(заместитель главного редактора

по направлению)

Кульба В.В.

Малинецкий Г.Г.

Малков С.Ю.

Расторгуев С.П.

Турко Н.И.

Цыганов В.В.

Экспертная группа

Дмитриев И.В.

Кудряшов Н.В.

Мазан Т.И.

Першин С.М.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ТЕОРИЯ

Бухарин С.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю.

О ФОРМАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ..... 2

Ковалев В.И., Коссе Ю.В.

«Гудвилл» США в контексте инициатив по сокращению СЯС
и проблемы России..... 10

II. ИНФОРМАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ.

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ И РИСКАМИ

**Кульба В.В., Кононов Д.А., Косяченко С.А., Цыганов В.В.,
Чернов И.В.**

Средства и объекты информационного управления 20

Нархова Е.Н.

Реклама как социальное явление..... 33

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Бухарин С.Н.

Реплика на Вильнюсскую декларацию..... 37

Найденова Н.В.

А судьи кто?..... 43

Слисаренко И. Ю.

Внешнее влияние на Украину: история, источники, средства..... 47

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Стюгин М.А.

Защита систем от исследования 57

V. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Косов А.В.

Социальная стратификация и становление мифосознания..... 63

Збруева Н.А.

Действие принципов дополнительности и неопределенности
в глобальной культурно-цивилизационной системе..... 71

Ракитянский Н.М.

Феномен англо-американской ментальной экспансии в контексте
психологии веры..... 78

Федоровская Е. О.

Нравственные ориентиры и выбор профессии в современной
России..... 90

©Информационные войны

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Для аспирантов и адъюнктов публикация статей в журнале бесплатная.

I. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ТЕОРИЯ

УДК 681.3.

© Бухарин С.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю.
Bukharin, S.N, Kovalev V.I, Malkov S.Yu.

О ФОРМАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ ABOUT FORMALIZING THE CONCEPT OF INFORMATION FIELD

Аннотация. В работе предпринята попытка количественного описания понятия «информационного поля», посредством которого осуществляется взаимодействие информационных субъектов (как физических, так и юридических лиц, включая государственные учреждения, СМИ и т.п.). Предложены понятия и базовые соотношения, позволяющие формализовать информационное взаимодействие субъектов в терминах «информационного поля» и оценивать результаты этого взаимодействия.

Работа поддержана РФФИ (проект № 08-06-00319).

Annotation. In this paper we attempt to quantitatively describe the concept of «information field», whereby the interaction of information entities (both individuals and legal entities, including government agencies, media, etc.). The paper proposed the concept and the basic relations that allow to formalize the information between subjects in terms of «information field» and evaluate the results of this interaction.

Ключевые слова. Информационное поле, пространство, информационный заряд, сила информационного воздействия, проводимость, сопротивление поля распространения информации.

Key words. Information field, the space charge of information, the power of information, conductivity, the resistance of the field of information dissemination.

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные со становлением «постнеклассического» этапа ее развития [1]. Указанные изменения самым существенным образом затрагивают теорию и методологию, на которых базируется создание технологий управления осознанием выбора.

Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки и основывалось на концептуальной модели «субъект – объект». Опирающаяся на данную модель теория и методология «реактивного управления» строилась на базе модифицирования схем «стимул – реакция». На вышеуказанной базе создавались технологии управления осознанием выбора, кото-

рые можно объединить в две основные группы:

- 1) технологии управления содержанием межличностного информационного обмена;
- 2) технологии управления каналами, характером и трафиком межличностного информационного обмена.

Принципиально недостатки, присущие данному типу управления, вытекающему из классического типа научной рациональности, известны [1]; ограниченность данного подхода отчетливо проявилась при попытках моделирования социальных систем, конфликтных взаимодействий и т.п., в которых поведение объекта оказывалось существенно зависящим от модели ситуации в сознании объекта. Противопоставление субъекта («иссле-

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН, тел. +7(495) 580-48-80.

Ковалев Виктор Иванович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заместитель научного руководителя-ученый секретарь АНО ЦП СЯС, тел. +7(495)543-36-76;

Малков Сергей Юрьевич – доктор технических наук, профессор, руководитель направления АВН, тел. (495) 543-36-76.

Bucharin Sergey Nickolaevich – the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IPM RAS, tel. +7(495) 580-48-80.

Kovalev Victor Ivanovich – the candidate of technical sciences, the senior research scientist, the assistant to the supervisor of studies – scientific secretary of JNO CP SNF, tel. +7(495)543-36-76;

Malkov Sergey Yur'evich – doctor of engineering sciences, professor, leader of direction AMS, tel. (495) 543-36-76.

дователя») и объекта управления оказалось справедливым лишь для объектов «не наделенных психикой» либо когда «исследователь» в силу ряда причин методического свойства не учитывает этот вполне очевидный фактор.

В случае, когда субъекту управления противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между «исследователем» и объектом превращается в отношение между двумя «исследователями», каждый из которых является объектом по отношению к другому. «Исследователь» становится всего лишь одним из персонажей в специфической схеме рефлексивных отношений (см., например, работы [1, 2, 3]), а объекты становятся сравнимыми с «исследователем» по совершенству [1].

Данные особенности вызывают необходимость перехода к «неклассическому» типу рациональности, который учитывает связи между знаниями об объекте и характером деятельности. Это создает возможность перехода в управлении от концептуальной модели «субъект – объект» к модели «субъект – субъект» [1]. Как следствие, появляются новые теории и методологии управления: рефлексивное управление, информационное управление, управление активными системами и др., которые строятся на основе рефлексии сознания.

Таким образом, вышеуказанная «неклассическая» научно-методическая база позволяет перейти от технологий «реактивного управления» к технологиям управления осознанием выбора на основе манипулирования способностью к межличностному информационному обмену [1, 2, 3, 4]. Вместе с тем, несмотря на то, что «неклассические» научные теории (и в частности, модели В.Лефевра [2]) существенно продвинули науку об управлении в экономико-социальной сфере, им присущи определенные ограничения. Как отмечал А.Денисов [4], ограничения моделей В.Лефевра проявляются в ситуациях, когда:

- 1) невозможно выделить ключевое событие выбора;
- 2) ключевое событие выбора вторично по отношению некоторому другому процессу (например, является лишь одним из проявлений этого процесса).

Типичным примером невозможности вычленить ключевое событие выбора для лиц, принимающих решения (ЛПР), является применение технологии «молекулярной агрессии» (по А.Граммши), в которой воздействия на ЛПР в соответствии с определенной схемой распределяются во времени и действуют на него благодаря суммирующему эффекту его индивидуальной памяти. В указанных ситуациях исчезает сам объект счисления – событие выбора, поэтому модели личности, основанные на «алгебре совести» В.Лефевра, теряют операциональ-

ную значимость и не могут служить в качестве средства математического (теоретического) моделирования.

Возникает необходимость перехода к рассмотрению «постнеклассического» типа научной рациональности. Как отмечал В.Лепский, при этом расширяется поле рефлексии над деятельностью, предполагается введение в науку об управлении «среды», в которой оно осуществляется. Базовой концептуальной моделью «постнеклассической» науки становится модель «субъект – среда». Начало соответствующих теоретических разработок положено работами В.Лефевра и В.Лепского [3]. В результате были созданы модели социальных организаций, в которых согласование деятельности их участников происходит путем трансформации информационной среды без создания прямого трафика информационного обмена. В этом случае, если субъекты организации обладают одинаковыми матрицами ценностей и имеют доступ к единому информационному пространству (полю), то при изменениях в данном пространстве эти субъекты будут реагировать на них одинаково в своей деятельности. Так ведется управление, например, «агентами влияния» [5]. Указанное управление может быть проиллюстрировано «дипольной моделью», в которой «агенты влияния» представляются в виде совокупности «элементарных диполей», разворачивающихся по направлению «силовых линий информационного поля». Таким образом, использование концептуальной модели «субъект – среда» открывает возможности создания технологий управления осознанием выбора на основе изменения информационной среды.

Из сказанного выше следует, что при разработке новых «постнеклассических» технологий управления возникает необходимость в описании информационной среды («информационного поля»). Однако исследования по этой тематике ведутся в основном на логико-вербальном уровне, что неизбежно придает им субъективный характер. Объективизация исследований была бы возможна, если бы удалось разработать адекватный формальный язык для описания информационных процессов. Примером науки, в которой формализация знаний находится на высоком уровне, является физика. Возможность формального описания физических законов позволила достичь впечатляющих успехов в ее практических приложениях, сделала возможным современный технический прогресс. В области технологий рефлексивного управления общепринятые подходы к формализации знаний пока отсутствуют, что связано со сложностью формального представления знаний в этой сфере.

В настоящей работе предпринята попытка ввести такую формализацию с помощью понятия «информаци-

онного поля», посредством которого осуществляется взаимодействие информационных субъектов (как физических, так и юридических лиц, включая государственные учреждения, СМИ и т.п.). Каждый субъект в заданный момент времени занимает определенную позицию в многомерном информационном пространстве $\{X\}$, результат информационного воздействия выражается в том, что эта позиция смещается, описывая определенную траекторию. Если адекватно описать силу воздействия и характеристики субъекта, то можно предсказать результаты информационного взаимодействия в виде траектории координат субъекта в информационном пространстве. При этом целесообразно воспользоваться богатым опытом моделирования взаимодействий различного характера, накопленным в естественных науках.

Согласно концепции близкодействия, принятой в современной физике, взаимодействие между телами на расстоянии осуществляется посредством особого состояния материи – поля. Информационное поле обеспечивает взаимодействие между объектами-людьми, которые могут быть клиентами, избирателями, конкурентами, партнерами, врагами, союзниками, лицами, принимающими решения, и т.д. Кроме того, такими объектами могут являться организации, в частности, партии, фирмы, предприятия, правительства, государственные учреждения и т.п. Организации в свою очередь могут быть представлены в виде совокупности лиц, принимающих решение, экспертов (разработчиков информационных операций), менеджеров, исполнителей и т.п.

Отсюда следует, что число объектов информационного поля конечно.

Объекты информационного взаимодействия («частицы» информационного поля) разделяются на две группы:

- источники информации – глобальные и локальные центры капитала и власти¹, монополии, политические партии и т.п.;
- адресаты – объекты информационного воздействия, которые при определенных условиях могут становиться источниками информации в коммуникации «из уст в уста».

Отметим, что каждый источник информации одновременно является объектом информационного воздействия.

Информационное взаимодействие может принимать следующие формы:

- сотрудничество;
- противоборство или конкуренцию;

- информационную войну, как крайнюю форму конкуренции, когда снимаются многие правовые ограничения на методы ее ведения.

Информационное поле задано, если для каждого элемента (точки) поля задана функция $F(X)$, где X – радиус-вектор, (координата элемента (точки) информационного поля).

Будем считать, что радиус-вектор X имеет следующие координаты:

X_1, X_2, \dots, X_m – ценности (убеждения);

X_{m+p}, \dots, X_p – знания;

X_{p+p}, \dots, X_n – отношения.

Действительно, каждый человек и организация (поскольку ее члены в определенном смысле отличаются «единомыслием» и общими ценностями) обладают какой-то совокупностью убеждений, знаний, отношений (к кому-либо, к чему-либо). Выбор данной системы координат основан на гипотезе о том, что поведение человека и стратегия деятельности организации определяется совокупностью ментальной, когнитивной и аффективной компонент [7].

Рассмотрим, в частности, людей (как элементов информационного поля) в координатах ценностей (убеждений) (рис. 1). Данный пример, во-первых, позволяет ограничиться трехмерной системой координат, что делает его наглядным. Во-вторых, рассмотрение людей в

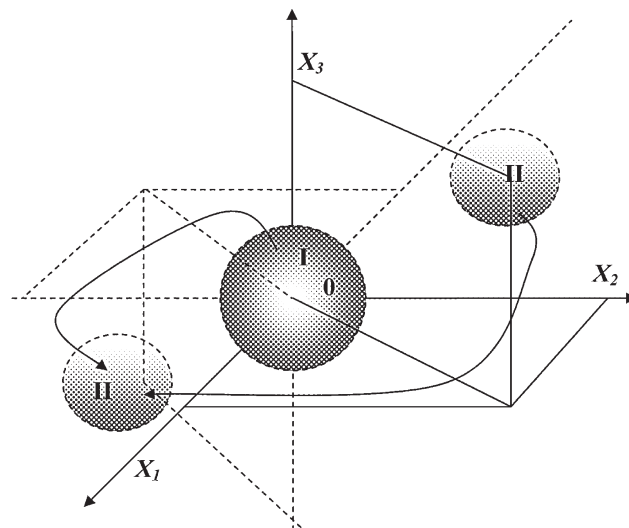

Рис. 1. Люди в координатах ценностей

пространстве ценностей имеет самостоятельный интерес при исследовании проблем государственного воспитания и образования [8]. Кроме того, как правило, в ходе информационной кампании редко приходится заниматься комплексным воздействием на все компоненты, влияющие на поведение целевой аудитории. Например,

¹Определение терминов, которые приводятся в настоящей статье, можно найти в монографии [7].

при организации рекламной кампании приоритет имеет аффективная составляющая информационного воздействия, в процессе воспитания – ментальная, образования – когнитивная. Но при всем этом комплексный подход к информационному воздействию всегда более эффективен, однако требует больших затрат и усилий.

Рассмотрим пространство ценностей, изображенное на рис.1.

Здесь координата X_1 характеризует характерное для каждого человека отношение к «личным» и «общественным» интересам. Данная координата представляет собой шкалу, полюсами которой являются две оценки: $X_1 > 0$ – «общественное» выше «личного» (положительное направление); $X_1 < 0$ – «личное» выше «общественного» (отрицательное направление). Между двумя данными полюсами может находиться сколько угодно, вплоть до бесконечности, промежуточных оценок. Ноль поместим в точку «безразлично».

Координата X_2 характеризует соотношение между «духовным» и «материальным» человека. Данная координата также представляет собой шкалу. Полюсами этой шкалы являются следующие оценки: $X_2 > 0$ – «духовное» выше «материального» (положительное направление); $X_2 < 0$ – «материальное» выше «духовного» (отрицательное направление). Между полюсами существует некое множество промежуточных оценок. Ноль помещается также в отметку «безразлично».

Координата X_3 представляет собой шкалу потребностей Маслоу [9]. Ноль помещаем на границу раздела между базовыми потребностями и метапотребностями. Полюсами являются: $X_3 > 0$ – «самоактуализация» (положительное направление); $X_3 < 0$ – «физиологические потребности» (отрицательное направление).

Большинство элементов информационного поля находятся, как правило, в области I (зона безразличия). Элементы пассионарных этносов – в области II ($X_i > 0$). Данные элементы характеризуются плохой управляемостью. Хорошо управляемы элементы из области III ($X_i < 0$) [1].

С целью упрощения процедуры формализации закономерностей в теории информационного поля проведем анализ. Во-первых, отметим, что практически все элементы информационного поля находятся в первом и третьем квадранте плоскости (X_1, X_2). Данное утверждение можно объяснить следующим образом. Трудно себе представить облик элемента, находящегося во втором квадранте. У данного субъекта «духовное» преобладает над «материальным», при этом «личное» выше «общественного». Такое в принципе возможно, но с малой ве-

роятностью. То же можно сказать и об элементах, располагающихся в четвертом квадранте плоскости (X_1, X_2).

Далее отметим следующее: «самоактуализация» может быть присуща как элементам из первого, так и третьего квадрантов, при этом преобладание «физиологических потребностей» над «самоактуализацией» характерно лишь для элементов, расположенных в третьем квадранте.

Введение координат X_i элементов информационного поля позволяет определить расстояние между ними в информационном пространстве. При условии евклидовости этого пространства расстояние между R элементами **A** и **B** будет определяться следующим образом:

$$R(\mathbf{X}_A, \mathbf{X}_B) = \sqrt{(X_{A1} - X_{B1})^2 + (X_{A2} - X_{B2})^2 + (X_{A3} - X_{B3})^2} \quad (1)$$

Наличие информационного поля проявляется в силовом воздействии на объекты, в него помещенные. То есть на объект в любой точке пространства, где имеется поле, действует «сила» **F**, стремящаяся изменить положение объекта в информационном пространстве (в рассматриваемом примере это изменение выражается в трансформации системы ценностей объекта). Эта сила есть совокупный результат действия различных источников информации, каждому из которых можно приписать свой *информационный заряд* q , величина которого пропорциональна интенсивности воздействия данного источника на объект (в свою очередь каждый объект воздействия можно также рассматривать как источник информации со своим информационным зарядом). Сила воздействия **F**, создаваемая конкретным источником **A**, представляет собой вектор, направленный от объекта воздействия в точку \mathbf{X}_A , то есть эта сила действует с целью перемещения объекта в ту точку информационного пространства, в которой находится сам источник информации (другими словами, любой источник информации стремится навязать всем остальным свою систему ценностей).

В этом смысле близким физическим аналогом информационной силы **F** является *сила гравитации*, посредством которой одни физические тела притягивают к себе все остальные тела. Соответственно аналогом заряда q источника информации является масса m физического тела. Однако гравитационная аналогия не полная. Дело в том, что сила гравитации коммутативна: с какой силой тело **A** действует на тело **B**, с такой же силой и тело **B** действует на тело **A**. Математически это выражается в том, что в формуле, описывающей силу гравитации

$$F_{sp} = \gamma \cdot m_A \cdot m_B / r^2, \quad (2)$$

абсолютное значение силы F_{zp} не зависит от того, в какой последовательности записаны массы m_A и m_B (здесь r – расстояние между телами **A** и **B**, γ – коэффициент пропорциональности). Это является следствием того, что для любого тела характеристика его гравитационного воздействия на другие тела и характеристика восприятия им гравитационного воздействия со стороны других тел описываются одним и тем же параметром – массой m .

В информационных взаимодействиях ситуация сложнее. Характеристика воздействия и характеристика восприятия описываются разными параметрами; соответственно сила действия не равна силе противодействия. Характеристика воздействия описывается уже упомянутым параметром – информационным зарядом q , а характеристика восприятия – параметром g , отражающим *восприимчивость* объекта к информационному воздействию. Причем воздействие может быть адресным, а восприятие – избирательным. В общем случае выражение для силы информационного воздействия источника

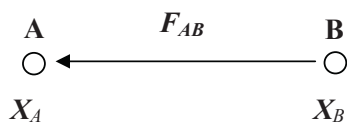

Рис. 2. Направление силы воздействия источника информации **A** на объект **B** в информационном пространстве $\{X\}$

информации **A** на объект **B** имеет вид (см. рис.2)

$$F_{AB} = k \cdot q_{AB} \cdot g_{BA} \cdot f(R_{AB}), \quad (3)$$

где F_{AB} – вектор силы, приложенной к объекту **B** и направленной от X_B к X_A ;

коэффициент k – отражает свойства внешней среды;

q_{AB} – характеризует интенсивность адресного воздействия **A** на **B**;

g_{BA} – характеризует избирательную восприимчивость **B** к информационному воздействию со стороны **A**;

$f(R_{AB})$ – функция информационного расстояния R_{AB} между **A** и **B**, вид которой предстоит установить.

Чтобы разделить анализ вопросов *воздействия* (определяемого внешней по отношению к объекту средой) и вопросов *восприятия* (учитывающего реакцию объекта на внешнее воздействие) целесообразно ввести в рассмотрение такую характеристику, как *напряженность* информационного поля **E**. Эта характеристика определяется как отношение силы **F**, действующей на объект **B**, к величине восприятия g_B . То есть по отношению к информационному воздействию на **B** со стороны **A** имеем

$$E_{AB} = F_{AB} / g_{BA} = k \cdot q_{AB} \cdot f(R_{AB}). \quad (4)$$

В первом приближении можно считать, что информационное поле **E** подчиняется принципу суперпозиции (то есть напряженности информационного воздействия на объект со стороны различных источников A_i можно векторно складывать). Тогда результирующая напряженность информационного поля в точке X_B будет иметь вид

$$E_B = F_{A1B} / g_{BA1} + F_{A2B} / g_{BA2} + \dots = k \cdot (q_{A1B} \cdot f(R_{A1B}) + q_{A2B} \cdot f(R_{A2B}) + \dots), \quad (5)$$

где суммирование ведется по всем источникам информации A_i . Если индивидуальной адресностью воздействия можно пренебречь (что характерно для средств массовой информации, ориентированных на охват максимально широкой аудитории), то напряженность информационного поля E_B в точке X_B зависит только от взаимного расположения взаимодействующих элементов поля, свойств информационной среды и характеристик источников информации A_i и не зависит от индивидуальных характеристик объекта **B**, находящегося в точке X_B :

$$E(X) = k \cdot (q_{A1} \cdot f(R_{A1X}) + q_{A2} \cdot f(R_{A2X}) + \dots). \quad (6)$$

Это позволяет рассматривать свойства информационного поля независимо от особенностей объектов воздействия, что существенно упрощает анализ, одновременно расширяя его возможности.

Итак, информационное поле задано, если для каждой точки информационного пространства $\{X\}$ задана напряженность $E(X)$. Силовыми линиями информационного поля называются такие линии, касательные к которым в каждой точке совпадают с вектором напряженности поля.

Чтобы закончить определение информационного поля следует уточнить определение «притягивающей» силы, действующей на объект информационного воздействия, величины информационного заряда q и параметра k , отражающего свойства информационной среды.

Сила, действующая на объект информационного воздействия, должна характеризовать способность источника информации подчинять поведение целевой аудитории своей воле путем целенаправленных информационных воздействий. Как уже отмечалось, в пространстве ценностей это означает перемещение объекта информационного воздействия в направлении источника информации. Чем больший процент целевой аудитории выполняет волю Заказчика информационной кампании, тем больше результат действия этой силы.

Величина информационного заряда q должна характеризовать как ресурсную, так и информационную составляющие источника информации. В настоящее время известны две составляющие, формирующие инфор-

мационный заряд.

1. Ресурсная составляющая – это интеллектуальные, административные, технические и прочие ресурсы, которые, как правило, являются функцией финансовых ресурсов. Располагая финансовым ресурсом можно обеспечить необходимые охват целевой аудитории и частоту информационных контактов, а также скупить «золотые перья» и лучших экспертов. На рис. 3 представлена типовая зависимость величины заряда q от финансовых

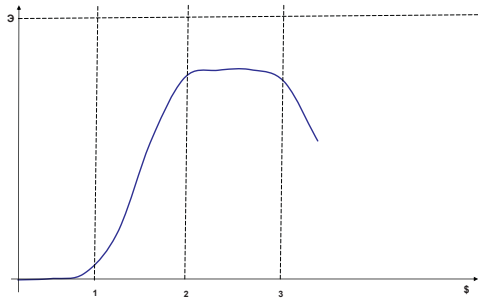

Рис. 3. Кривая зависимости эффективности воздействия (величины информационного заряда) от затраченных финансовых ресурсов

ресурсов.

На интервале $\{0,1\}$ изменение заряда q слабо зависит от роста финансирования. Многие заказчики этой закономерности не знают и, вложив определенные финансовые ресурсы и не видя отдачи, прекращают оплачивать информационную операцию, тогда как с некоторого порогового значения начинается стремительный рост величины информационного заряда. На рис. 3 участок роста соответствует интервалу $\{1,2\}$. Далее ситуация изменяется: сколько не вкладывай финансовых средств в информационную операцию, никакой дополнительной отдачи не наблюдается. Более того, правее точки 3 на оси s происходит уменьшение величины информационного заряда q (такое происходит, например, когда рекламная компания хорошо финансируется, но реклама становится слишком назойливой и начинает вызывать отторжение).

2. Информационная составляющая – это информационные инновации (идеи, способы убеждения и пр.), резко увеличивающие эффективность воздействия и позволяющие овладеть умами людей. Высокий уровень информационной составляющей имели, например, мировые религии. Их основатели обладали колоссальным информационным зарядом, не имея при этом сколько-либо значащих материальных ресурсов. Основным средством коммуникаций была «народная молва», информация передавалась из уст в уста. Информационное воздействие вызывало в аудитории резонанс и многократно усиливалось, охватывая широкие массы.

Взаимодействие элементов информационно-

го поля осуществляется по следующей схеме: источник информации стремится охватить целевую аудиторию и осуществить доведение управляющих информационных воздействий с необходимой частотой. Таких источников много, они могут конкурировать и сотрудничать, вступать во временные и устойчивые коалиции. Цель каждого источника – добиться нужного поведения целевой аудитории. При определенных условиях адресат может превращаться в источник информации. Модели взаимодействия элементов информационного поля исследованы в работах [7,8]. В основе данных моделей лежат следующие понятия: охват целевой аудитории, частота информационных контактов, степень сенсационности информационного сообщения (обращения). Данный подход удобен тем, что с его помощью легко оценить величину необходимых для проведения информационной кампании финансовых ресурсов.

Что касается зависимости силы F от информационного расстояния R между взаимодействующими элементами, выражаемой с помощью функции $f(R)$, то можно принять, что $f(R) \sim 1/R^s$, где $s > 1$. Качественно данную закономерность можно объяснить следующим образом. Чем ближе расположен элемент информационного поля по отношению к информационному источнику, тем понятнее для него информация, получаемая от источника. По мере увеличения расстояния R от источников до элементов, принимающих сообщение, такое понимание становится более размытым. Человек без образования хуже понимает человека с высшим образованием, христианин не всегда поймет, что имеет в виду иудей и т.п. Следовательно, сила информационного взаимодействия ослабевает с расстоянием R . Скорость убывания интенсивности воздействия в зависимости от расстояния должна определяться эмпирически; можно лишь предположить, что она, по-видимому, будет достаточно большой (соответственно $s > 1$). Для сравнения у гравитационного и электромагнитного поля аналогичная зависимость подчиняется закону обратных квадратов, то есть $s = 2$.

Введенный выше комплексный параметр k , отражающий свойства информационной среды (ее влияние на быстроту и качество передачи информационного воздействия), в первом приближении можно представить в виде произведения двух показателей k_1 и k_2

$$k = k_1 \cdot k_2, \quad (7)$$

где k_1 – характеризует технические и организационные факторы доведения информации до объектов;

k_2 – характеризует социально-психологические факторы распространения информации в рассматриваемом обществе.

Значение показателя k_1 отражает технические возможности распространения информации, в частности, тиражи печатных средств массовой информации, величины охвата населения радио- и телеканалами и др. Его значение пропорционально плотности коммуникационной среды (количеству телефонных линий, компьютеров, подключенных к Интернету, теле- и радиоприемников на 100 жителей страны (региона) и т.п.). Чем меньше плотность коммуникации, тем больше проблем в доведении информации до адресата, тем слабее взаимодействие объектов в информационном поле. Коммуникационная плотность, таким образом, характеризует возможности населения принимать информационные обращения.

С другой стороны, значение показателя k_1 отражает существующие организационные и административные факторы, влияющие на доведение информации до объектов, например, наличие цензуры, регламентации информационной деятельности, специальных законодательных ограничений, контроля (явного и неявного) за работой СМИ со стороны государства или других (политических, религиозных, финансовых) структур.

Значение показателя k_2 отражает готовность элементов информационного поля к восприятию распространяемой информации. В разные периоды времени интерес общества к восприятию новостей (особенно политических) различен. Всплески интереса к новостям наблюдаются, например, перед выборами руководителей государства, в периоды социальной напряженности, во время военных конфликтов и т.п. В эти периоды возникает кумулятивный эффект, когда небольшое (в смысле финансовых затрат на его распространение) информационное воздействие не затухает, а быстро распространяется по всему информационному полю. При этом эффективность информационного воздействия зависит от того, насколько оно близко или совпадает с ожиданиями и настроениями целевой аудитории.

Пользуясь физической аналогией, можно сказать, что комплексный параметр k характеризует *проводимость* информационного поля. Соответственно обратная величина $1/k$ характеризует величину *сопротивления* поля распространению информации.

Необходимо специально сказать о принципе суперпозиции в теории информационного поля.

В реальных ситуациях существует множество источников информации, обладающих зарядами q различной величины, в свою очередь количество объектов информационного воздействия может достигать огромных значений. При этом каждый из объектов информационного воздействия в свою очередь обладает некоторым

информационным зарядом и воздействует на все остальные заряды. Это приводит к взаимодействию элементов информационного поля. В связи с этим актуальна следующая проблема: удовлетворяется ли для информационного воздействия принцип суперпозиции. Согласно этому принципу эффект суммарного воздействия на объект эквивалентен векторной сумме эффектов от каждого воздействия в отдельности. При этом данное определение предполагает, что эффекты не влияют друг на друга.

Как уже отмечалось выше, в первом приближении можно считать, что напряженность информационного поля E [см. формулу (5)] подчиняется принципу суперпозиции. Это делает его похожим на физические поля (электромагнитные, гравитационные). Однако сила информационного воздействия F , учитывающая *восприимчивость* объекта [см. формулу (3)], принципу суперпозиции уже не подчиняется. Последнее объясняется спецификой формирования предпочтений у объекта информационного взаимодействия. Американские психологи Г. Бейтсон и А. Капра [6] показали, что человек не просто получает новости сами по себе, но подсознательно выстраивает их в определенную иерархию на основе индивидуальных предпочтений. При этом сведения, оказывающиеся на втором и далее местах в этой иерархии, достаточно быстро уходят на периферию памяти и в дальнейшем, как правило, из нее стираются.

Каждый источник информации должен бороться за то, чтобы их информационные обращения оказывались «в первых строках» рейтинга сведений, подсознательно составляемого объектом информационного воздействия. Именно в этом случае информационное обращение (сообщение) имеет шанс трансформироваться в макроинформацию. В настоящее время известно множество технологий для решения данной задачи [3]. Проблема заключается лишь в том, насколько хорошо источники информации данными технологиями владеют.

Таким образом, суммарный вектор силы информационного воздействия на элемент целевой аудитории не может быть получен с помощью правила сложения векторов F (правило параллелограмма). Для каждой информационной кампании суммарный вектор F следует оценивать отдельно. Чтобы не делать этого, для каждого элемента информационного поля последнее разбивается на сегменты, после чего один или несколько сегментов принимаются в качестве целевой аудитории. Далее достаточно оценить силу суммарного воздействия на несколько элементов данной аудитории, чтобы оценить силу, действующую на все элементы целевой аудитории.

Сила F , действующая на конкретный объект,

может приводить к его перемещению в информационном пространстве $\{X\}$ (это, собственно, и является целью информационного воздействия). Однако при перемещении возникает сила сопротивления, стремящаяся вернуть объект в исходное состояние. Дело в том, что положение объектов в информационном поле не является произвольным, оно обусловлено их предысторией (воспитанием, окружением, системой сложившихся взглядов и убеждений и т.п.), которая формирует индивидуальный аттрактор (устойчивое состояние) объекта в занимаемой им точке информационного пространства. Физической аналогией этому является «потенциальная яма», которую наглядно можно представить в виде «рельефа» с локаль-

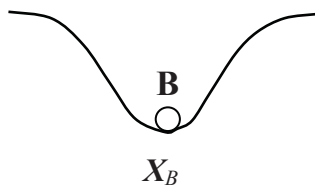

Рис. 4. Расположение объекта **B** в «рельефе» информационного пространства $\{X\}$

ным углублением, на дне которого располагается объект (см. рис. 4).

Чтобы вытолкнуть объект из его «потенциальной ямы» и переместить в другую точку информационного пространства, требуется сила F тем большая, чем больше глубина «ямы». В свою очередь, глубина и форма «ямы» для каждого объекта индивидуальны и зависят от множества факторов. Например, для пожилых людей характерна глубокая «потенциальная яма»: они упорны в своих убеждениях, сложившихся под влиянием их жизненного опыта, их взгляды на окружающий мир трудно изменить. У молодых людей, наоборот, «потенциальная яма» достаточно мелкая: их убеждения еще только формируются и

легко подвержены внешним влияниям.

В связи с этим воздействие на целевые аудитории с целью их смещения в информационном пространстве может осуществляться с помощью двух стратегий:

- путем выталкивания объектов из их локальных аттракторов («потенциальных ям») посредством интенсивных информационных воздействий F (агитация, «промывание мозгов») с дальнейшим перемещением объектов в нужную область информационного пространства;
- путем смещения всего «рельефа» с локальными аттракторами в нужном направлении.

Вторая стратегия нередко оказывается весьма эффективной. Именно ею, например, пользуются террористы: они никого напрямую не агитируют, однако их действия (террористические акты) сеют панику и смещают настроения общества («рельеф») в требуемом им направлении.

Часто смещение «рельефа» происходит естественным путем, без специальных усилий со стороны заинтересованных лиц. Такое происходит, например, во время стихийных бедствий и войн: в этих ситуациях, как правило, усиливается коллективизм и патриотические настроения у населения, в то время как в спокойных условиях данный эффект трудно достижим.

Таким образом, изложенный подход позволяет формализовать описание информационного взаимодействия субъектов терминах и понятиях «информационного поля». Это делает возможным в дальнейшем переход к количественному описанию информационных процессов в обществе, к разработке методик контроля и управления этими процессами. Безусловно, это только первый шаг в данном направлении, но его необходимо сделать, чтобы путь был преодолен.

Литература

1. Лепский В.Е. *Рефлексивный анализ парадигм управления*. – М.: ИПУ РАН, 2008.
2. Лефевр В.А. *Конфликтующие структуры*. – М.: Высшая школа, 1968.
3. Лефевр В.А., Баранов П.В., Лепский В.Е. *Внутренняя валюта в рефлексивных играх* // Известия АН СССР. Техническая кибернетика, 1964, №4.
4. Денисов А.А. *Новые перспективы управления знаниями в управлении стабильным развитием* // Тезисы V Международного симпозиума 11-13 октября 2005 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН, 2005.
5. <http://www.chubvi.ru>.
6. Аткинсон Р.А. и др. *Введение в психологию*. / Р.А. Аткинсон, Р.С. Аткинсон, Э.Е. Смит, Д.Дж. Бем, С. Нолен-Хоксема. – 15-е международное издание. / Пер. с англ. - Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
7. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. *Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология*. / М.: Академический проект, 2007.
8. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. *Методы и технологии информационных войн*. / М.: Академический проект, 2007.
9. <http://chiron.valdosta.edu/wbuit/col/regsys/maslow.html>.

Материал поступил в редакцию 23. 09. 2009.

УДК 657.1.

© Ковалев В.И., Коссе Ю.В.
Kovalev V.I., Kosse Yu.V.

«ГУДВИЛЛ» США В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВ ПО СОКРАЩЕНИЮ СЯС И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

«GOODWILL» OF U.S. IN THE CONTEXT INITIATIVES TO REDUCE SNF AND THE PROBLEMS OF RUSSIA

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о том, что в настоящее время США выстраивают новые механизмы управления конкурентным столкновением на основе «гудвилла» страны. Показана направленность внешнеполитических инициатив США в области сокращения СЯС на обеспечение своего положительного образа. Выявлены положительные для США аспекты политики «ядерного разоружения», повышающие геополитический статус страны, указаны возникающие при этом вызовы и угрозы для России

Annotation. The paper put forward the hypothesis that currently the U.S. to build new mechanisms for managing a competitive clash on the basis of «goodwill» of the country. Shows the direction of U.S. foreign policy initiatives in the reduction of strategic nuclear forces to ensure a positive image. Identified positive aspects of U.S. policy of «nuclear disarmament», raising the country's geopolitical status is indicated with the emerging challenges and threats for Russia.

Ключевые слова. «Гудвилл», инициатива, сокращение, стратегические ядерные силы, проблема, государство, технологии, военная мощь.

Key words. «Goodwill», initiative, the reduction, the strategic nuclear forces, the problem, the state, technology, military might.

1. Исходные положения

Мощь государства (в том числе его геополитический статус) определяется рядом составляющих, в числе наиболее важных из которых можно перечислить следующее:

- экономическую мощь (включая уровень развития технологий, науки, промышленности);
- занимаемую территорию, включая запасы природных ископаемых, климат, географическое положение и др.;
- население – количество, уровень образования, «законопослушность», ассамблея и др.;
- военную (силовую) мощь – размер ВС (количество военнослужащих), структуру ВС, современный технический уровень вооружений, уровень развития обеспечивающих подсистем (например, разведка, связь, медицинское обеспечение) и т.д.;
- положительный образ государства на мировой

арене (так называемый «goodwill» – англ. «добрая воля»).

Анализ происходящих в последнее время мировых событий, в том числе связанных с внешнеполитической деятельностью новой администрации США, дает основания выдвинуть гипотезу о том, что интегральным критерием, на основе которого США будут выстраивать новые механизмы управления конкурентным столкновением может стать «стоимость конкурентоспособности» страны.

Стоимостное представление конкурентоспособности регионов и стран исторически берет свое начало в договорах купли-продажи предприятий и выражается указанной выше экономической категорией «goodwill» («гудвилл»).

При этом свой «положительный образ» и соответственно «отрицательный образ» потенциального противника в настоящее время, особенно с учетом бурного развития информационных технологий, является наиболее легко формируемым и управляемым. Более

Ковалев Виктор Иванович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заместитель научного руководителя, ученый секретарь АНО ЦП СЯС, тел. +7(495)543-36-76;

Коссе Юрий Владимирович – аналитик научного центра Академии военных наук, кандидат технических наук, тел. 543-36-77.

Kovalev Victor Ivanovich – the candidate of technical sciences, the senior research scientist, the assistant to the supervisor of studies – scientific secretary of JNO CP SNF, tel. +7(495)543-36-76;

Kosse Yuri Vladimirovich – analyst Research Center of Academy of Military Sciences, PhD, tel. (495) 543-36-77.

того, с экономической точки зрения (при грамотной постановке дела) он может стать еще и экономически выгодным: часть образа в виде кинофильмов, телевидения, печатных и электронных средств массовой информации (дезинформации), произведений культуры и т.д. можно продать, в том числе и вероятному противнику (для подтверждения этой мысли достаточно включить телевизор). Т.е. он может не только быть самокупаемым, но еще и приносить прибыль.

В качестве аналога «положительного образа» государства можно привести goodwill крупных фирм: «доброе» имя фирмы является важным фактором в борьбе с конкурентами, является основанием для более высоких цен на продукцию этой фирмы (по сравнению с конкурентной продукцией) и определяет существенную часть капитализации фирмы (т.е. выполняет чисто экономические функции).

Анализ причин возникновения так называемого «кризиса» и направленности действий администрации США по «выходу» из него дает основание полагать, что будущим источником мировой власти могут стать не только и не столько успехи в гонке материальных технологий. Одним из центральных источников власти субъекта международных отношений, его статусного положения в мировом сообществе представляется овладение *новой системой технологий управления поведением акторов международных отношений*. В отличие от уже существующих (и задействуемых США) технологий управления поведением новая система технологий может быть очень глубоко переплетена с управлением стоимостью. Точнее, может являть собой гибрид из управления поведением противостоящими акторами международных отношений и управления стоимостью «гудвилла» США.

Это обусловлено тем, что в современном мире рост позитивной репутации стран среди критически важных целевых аудиторий представляется не менее важным, чем рост текущих экономических результатов. Поэтому благотворной оказывается даже просто имитация деятельности типа «стремление (продвижение) к всеобщему ядерному разоружению».

В свете вышесказанного направленность ряда внешнеполитических усилий США на международной арене дает основание предполагать, что в их основу положено «производство стоимости гудвилла».

Указанная деятельность представляется как процесс создания различного вида репутационных решений. При этом задействуются технологии производства новых решений, основывающихся на неклассической («субъект-субъектной») и постнеклассической («субъект-среда»)

научно-методической базе разработки технологий управления осознанием выбора. Как известно, в рамках постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация управляемых систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их изменения в нужном для управляющего субъекта русле.

В контексте вышесказанного можно выдвинуть гипотезу о том, что после создания новой мировой посткризисной финансовой системы или существенной модернизации существующей значимым источником власти может стать неконтролируемая кредитная эмиссия, а интегральная «стоимость конкурентоспособности», не доллар, а «goodwill».

2. Дискурсивный анализ развития goodwill США в последние годы

Развитие «goodwill» США за последние 20 лет можно разбить на несколько этапов.

1-й этап – конец 1980-х – конец 1990-х годов.

В этот период три (наиболее важные) составляющие мощи США были очень «велики»:

- *в экономическом плане* США стали самыми развитыми. Этому способствовали бурное развитие информационных и финансовых технологий, то, что США остались единственным государством, которое могло позволить себе поддержание и развитие ВСЕХ существующих научных направлений. Значительный вклад в экономическое развитие США в этот период внесла программа по конверсии военных технологий и их интенсивное использование в гражданской сфере (например, Интернет). Также к этому можно добавить то, что после развала СССР и всего восточного блока у Запада и, прежде всего США, появилась возможность практически бесплатно получить научные и технологические разработки (в том числе и военного назначения) СССР и других бывших социалистических стран, а также *«импортировать» значительную часть интеллектуального потенциала всего мира и в том числе СССР.*

При этом бывший главный противник США СССР и его приемник – Россия в экономическом плане очень быстро деградировал и превращался в сырьевой придаток. Это открыло выход на большую часть ранее закрытых для США рынков сбыта, что позволяло достаточно эффективно (в смысле очень выгодно) обменивать высокотехнологичную продукцию на различного вида ресурсы. Еще более выгодно в реальные материальные ресурсы конвертировались «добрые советы» американских специалистов.

Китай, Индия и другие развивающиеся страны в

то время хоть и бурно развивались, еще не представляли значительной экономической угрозы для США.

Но в развитии экономики США (и всего Запада) также появились новые тенденции – сокращение собственного промышленного производства, особенно товаров народного потребления, ориентация имеющегося промышленного потенциала на новые высокотехнологичные направления в области химии, микробиологии, радиоэлектроники, авиации и т.д., значительное увеличение в ВВП доли сектора услуг, *виртуализация экономики*;

- с *военной точки зрения* США стали единственной сверхдержавой. Это позволило даже несколько снизить военные расходы (в первой половине 1990-х годов).

Проведенная военная операция в Ираке «для обуздания агрессора» которая в том числе выполняла функции крупномасштабных учений вооруженных сил США и крупномасштабных испытаний новых видов вооружений (авиация, разведка, связь, управление и т.д.) в реальных условиях показала всему миру военное превосходство США.

Единственно, что омрачало это состояние – наличие крупных запасов ядерного оружия и средств его доставки в России, а также наличие у нее достаточно большого объема современных вооружений. Однако это легко компенсировалось высокой управляемостью российского руководства и активностью СМИ (в том числе и российских), ведущих «информационные войны» против российских Вооруженных сил;

- в *части «положительного образа»* у США наступил «золотой» век: победа над «империей зла» и бурный экономический рост способствовали широкому распространению в мире американского образа жизни. Пожалуй, единственно, что в это время могло вызвать озабоченность США – это то, что ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция, Италия) стали позволять себе «слишком» много независимости, что вылилось в усиление экономической и политической мощи Евросоюза (в старом ее составе).

2-й этап – конец 1990-х – начало 2000 г.

В экономическом плане положение США стало ухудшаться. Это определялось следующими факторами:

- надежды на развитие информационных технологий себя не оправдали (по крайней мере, так, как того ожидали);

- спрос на высокотехнологичную продукцию США оказался существенно ниже предложения, что потребовало для поддержания высокотехнологичных отраслей промышленности увеличения госзакупок в виде военного заказа;

- Евросоюз (в составе государств Старой Европы) стал мощным конкурентом для США, особенно после введения безналичного и наличного евро;

- усилилась экономическая мощь Китая, по крайней мере, в качестве производителя товаров повседневного спроса, что вызвало некоторую зависимость в экономическом плане от него и др.

С точки зрения «положительного образа» у США начались некоторые проблемы, обусловленные несколькими причинами:

- активное внедрение американского образа жизни в странах восточной Европы, в том числе России, и активное участие американских специалистов в управлении этими государствами привели к резкому повышению отрицательного отношения к США со стороны обнищавшей части населения этих стран;

- нарастание, с одной стороны, экономической мощи развивающихся стран (Латинская Америка, и т.д.) и их желание оградить себя от очень плотной опеки со стороны США привели к тому, что в этих государствах к власти пришли политики левой и антиамериканской направленности;

- усиливающийся «положительный образ» Китая, основанный на его экономических успехах, давал пищу для сравнения экономической и политической моделей Китая и США далеко не всегда в пользу США;

- экономические проблемы в США вызвали напряженное отношение к ним. При этом появились первые публикации (например, ЛЛяруш), предрекавшие наступление скорого экономического кризиса и др.

В военном плане США не только остались сверхдержавой, но и начали резкое увеличение своего военного потенциала, в первую очередь за счет развития и активного внедрения новых высокотехнологичных видов вооружений.

Для компенсации указанных выше негативных явлений США предприняли ряд мероприятий, например:

- для снижения экономической роли Европы и привлекательности евро как альтернативной доллару США валюты в 1998-1999 гг. была организована агрессия против Югославии (в начале 1999 г. Китай, Япония и др. страны объявляли о том, что планируют перевести часть своих золотовалютных резервов в евро. После войны в Югославии этот процесс на несколько лет существенно замедлился).

Также США способствовали усилению напряженности и неопределенности на новых границах Евросоюза и на важных транзитных каналах поставки ресурсов (в первую очередь, энергоресурсов), например, те же

Югославия, Украина;

- для снижения «самостоятельности» Евросоюза США активно способствовали включению в его состав государств Восточной Европы бывшего соцлагеря (Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Эстония и т.д.), которые, во-первых, снизили экономический потенциал Евросоюза (со стороны стран старой Европы потребовались существенные вложения в экономику новых государств Евросоюза), во-вторых, поскольку руководство новых государств Евросоюза зависело от США и проводило их политику, резко снизилась внутренняя управляемость Евросоюза и опосредовано усилилось влияние США на весь Евросоюз);

- для создания образа «жертвы» были использованы теракты 11.09.2001 г. (по крайней мере, идеологические, да и экономические результаты этих терактов были использованы очень эффективно). В результате:

а) удалось предотвратить надвигавшийся экономический кризис (его начало прогнозировали на ноябрь 2001 г. – Л.Ляруш);

б) привлечь в качестве сторонников к борьбе с «международным терроризмом» большинство стран мира, а ряд стран объявить рассадниками терроризма и угрозой миру (Иран, Ирак, Афганистан, Северная Корея и т.д.) – т.е. *эффективно создать образ врага*;

в) обосновать резкое увеличение военных расходов, которые были направлены на поддержку собственной промышленности;

г) провести военную операцию «по борьбе с распространением оружия массового поражения и международного терроризма» в Ираке (в том числе опять провести крупномасштабные испытания и учения);

д) получить согласие России и развернуть военные базы на территории СНГ в Центральной Азии;

е) и главное – *повысить goodwill США как жертвы терроризма и активного борца с ним*.

3-й этап. Начало 2000-х годов – 2008 г.

Этот этап в целом является продолжением второго этапа с появлением нескольких новых тенденций:

- резкое усиление виртуализации экономики США, раздувание финансовых пузырей;

- резкое увеличение военных расходов и соответственно увеличение военной мощи. Военные расходы США в середине первого десятилетия XXI века составляли более 50% от всех мировых расходов;

- усиление конкурентов США на мировой арене (Евросоюз, Китай, некоторое усиление России);

- на фоне этих тенденций - снижение положительного образа США.

После того как в 2008 году разразился экономический кризис, это отразилось на геополитическом статусе США.

Экономическая составляющая. Несмотря на то, что экономика США остаётся наиболее мощной, кризис показал, что у нее очень много проблем. В результате – снижение экономической мощи США, начались активные обсуждения вопроса о необходимости отказа от доллара США как резервной валюты (для справки, в начале XXI века статус доллара США как резервной валюты давал США до 1 трлн. долл. дохода в год), усиление экономической мощи Китая и других развивающихся стран и т.д. Пожалуй, главным здесь нужно упомянуть то, что реально появилась угроза борьбы с США экономическими методами (угроза выброса на международные рынки золотовалютных резервов Китая и других стран).

«Положительный образ». После того как мировой экономический кризис затронул практически все страны мира и почти все активное экономическое население мира, *сформировался образ США как источника и причины экономических проблем*.

Единственно, что стало существенно больше, так это военная мощь США. При этом опыт Ирака и Афганистана показал, что подавляющее военное превосходство не позволяет добиться быстрой и легкой победы в партизанской войне.

В этой ситуации перед руководством США встала очень важная задача – *резко улучшить «положительный образ» США* и тем самым, во-первых, способствовать улучшению экономической ситуации в стране, во-вторых, получить дополнительные возможности для управления конкурентным столкновением.

Эта задача весьма многоплановая и комплексная.

Одним из ее направлений может стать *политика «ядерного разоружения»*.

Данная политика обладает рядом весьма существенных (с точки зрения США) достоинств:

- сокращение ядерных вооружений (и других видов оружия массового поражения) создает положительный образ у практически всех людей на планете. Ведь «белые и пушистые» США предлагают избавиться от того, что угрожает жизни всех людей. Соответственно те, кто противится ядерному разоружению – угрожают всему миру, они плохие, с ними нужно бороться;

- обладая неядерным высокоточным оружием (в том числе неядерной компонентой стратегических наступательных сил), которое по своей эффективности уже близко к ядерному оружию малой мощности, и другими новыми видами вооружений (например, лазерным) США

не очень сильно снижают свой военный потенциал;

- даёт возможность (как это было в прошлые десятилетия) привлечь к решению своих военных проблем страны Западной Европы и других союзников или, по крайней мере, добиться от них более сдержанной экономической политики, учитывающей интересы США;

- сокращение ядерного оружия в России при отсутствии у неё современных видов вооружений, разведки, связи и т.д. делает ее в военном плане практически безоружной (с одной стороны) и потребует резкого увеличения расходов на ликвидацию отставания в этих видах вооружений и очередной виток ядерных разоружений (с другой стороны);

- развертывание США противоракетной обороны (независимо от способа ее базирования) при значительном сокращении ядерного оружия США и России делает ситуацию близкой к той, которая была в конце 1950-х годов, т.е. практически к ядерному доминированию США. Отличием будет являться то, что всегда можно будет сказать, что «ведь у них тоже есть ядерное оружие. В смысле обеспечения собственной безопасности ядерными средствами мы практически равны». При этом «противоракетная оборона не является наступательным оружием, поэтому-де она не угрожает другим странам, а только повышает военную безопасность США и всего цивилизованного мира от неадекватного поведения стран-изгоев». При этом смена способа базирования перспективной ПРО с наземного (в Восточной Европе) на морской и/или авиационный позволит данной ПРО быстро адаптироваться к изменению текущей международной ситуации;

- борьба за нераспространение ядерного оружия позволит активно и «обоснованно» вмешиваться в дела государств, которые подозреваются и/или проводят работы по созданию собственного ядерного оружия (например, Иран, Северная Корея) – «ведь мы (США) сократили свое ядерное оружие, а они его производят. Значит мы мирные, а они агрессивные. Значит нужно их остановить любыми средствами, в первую очередь – экономическими, но не исключаются и военные»;

- появляется возможность «обоснованно» вмешиваться во внутренние дела государств, уже обладающих ядерным оружием, но имеющих реальные или потенциальные проблемы (например, Пакистан). *При организации таких проблем на территории России* (по аналогии с Чечней и парадом суверенитетов начала 1990-х годов) можно будет «обоснованно» вмешаться и в наши дела;

- взаимодействие РФ и США по сокращению СЯС будет способствовать в России активизации и повышению снизившегося за последние годы статуса «аген-

тов перемен» (различного рода НКО, политологов, институтов и других субъектов прозападной либерально-компрадорской направленности).

3. Проблемы России

Предложение США о ядерном разоружении для современной России может стать очередной ловушкой. Поскольку ядерные вооружения РФ по сути обеспечивают ее военную безопасность, их сокращение нецелесообразно. Но прямое (простое) отрицание со стороны РФ ядерного разоружения создает образ РФ как агрессивного государства, которое не желает «ликвидировать угрозу жизни на Земле для всех ее жителей» и способно защищать свои интересы только военными средствами – ведь ядерное оружие (в отличие от ПРО) является «наступательным».

Попытки объяснить большим массам людей нецелесообразность ядерного сокращения с использованием рассуждений о необходимости обеспечения стратегической стабильности, достаточности параметров СЯС для решения задачи сдерживания (деэскалации конфликтов) и др. малоэффективны, такие рассуждения понятны только специалистам. Тем более, что давать такие объяснения придется на фоне рассуждений либеральных «экспертов», которые на основе «простых, доступных для понимания неправильных решений» обоснуют, что глубокие сокращения с сфере СЯС не только возможны, но и остро необходимы. Чтобы противостоять их демагогии у наших военных экспертов нет ни опыта, ни умения вести информационное противоборство. Таким образом, американские предложения поставили Россию перед «выбором» – либо действовать в интересах США и пойти на существенное снижение своего геополитического статуса за счет снижения потенциала СЯС, либо, отказавшись следовать американскому сценарию развития будущего, снизить свой «гудвилл».

При этом необходимо указать на следующую ситуацию с «гудвиллом» России, в которую она попала. В общем, ее можно охарактеризовать как «использование извне потенциала организации-объекта управления (России) для действий, которых эта организация в нормальных условиях не стала бы совершать». Например, одним из объектов информационного управления, цель которого заключается в формировании негативного имиджа («гудвилла») России является ее история. Для реализации данной цели задействованы колоссальные административные и финансовые ресурсы – от публичных высказываний первых лиц «демократических» государств до индустрии Голливуда.

Россия в настоящее время не в состоянии этому

противостоять по двум причинам.

Во-первых, все наши попытки оказать противодействие информационной агрессии остаются в рамках технологий информационных войн «второго поколения» [1–3]. В частности, «Доктрины И.Панарина», практическая реализация которой не может быть ресурсно обеспечена. Технологии информационных войн второго поколения эффективны в «стационарных» условиях обстановки. В этом случае решающее значение для победы играет соотношение финансовых ресурсов конфликтующих сторон. Примером технологии информационных войн второго поколения являются технологии так называемых «цветных революций». Россия сейчас не располагает ресурсами, необходимыми для применения данных технологий с целью сдерживания информационной агрессии.

Во-вторых, в тяжелые девяностые годы в России был запущен механизм ее саморазрушения. Наши геополитические конкуренты через систему грантов поддерживали и продвинули на ключевые позиции множество лиц, которые ныне в системе государственного управления и СМИ представляют их интересы. Помимо этого, в России при поддержке США и международных неправительственных фондов был создан ряд новых ВУЗов, к руководству авторитетных академических институтов, ВУЗов и кафедр были приведены «агенты перемен». Следует отметить, что ни фундаментальную, ни прикладную науку наши геополитические конкуренты, как правило, не поддерживают. В сфере их интересов в основном находятся экономический и гуманитарный циклы обучения и направления «научной» деятельности. В данной сфере готовятся управленческие кадры для государства и бизнеса. Эта сфера формирует ментальную модель россиян (систему убеждений). Лица и организации, представляющие интересы наших геополитических конкурентов, разрабатывают нормативно-правовую и нормативно-методическую базу отечественного образования, поддерживают атмосферу нетерпимости к критике их разрушительной деятельности. Любая критика расценивается как попрание «свободы» и «демократии».

Возникает парадокс, чем выше темпы экономического роста России, тем больше ресурсов направляется на разрушение общества и государства.

А что же Российская сторона, как организовано противодействие информационной агрессии по снижению ее «гудвилла»?

Вот, например, «историк» Н. Сванидзе является председателем комиссии Общественной палаты и членом Комиссии при Президенте РФ по оказанию противодействия попыткам фальсификации истории. Но какие

передачи он создает за бюджетные деньги! Как представляют историю России его «Исторические хроники»? Почитайте публицистику, ознакомьтесь с «научными результатами», просмотрите телевизионные программы, которые создают наши ведущие «историки» Ю. Афанасьев, Б. Соколов, семейство Правдюков и прочих. Создается впечатление, что даже директор Института истории России РАН, член-корреспондент РАН А. Сахаров по ряду ключевых моментов истории Второй мировой войны не считает необходимым противодействовать позиции В. Резуна (Суворова)[4]. Как было отмечено в работе [4], согласно А.Сахарову: «... наряду с традиционной историографией, не выходящей в основном за рамки официальной версии войны, данной в свое время И.В.Сталиным и последующими партийными документами, разрабатывается и иная версия о значительной ответственности советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции». Таким образом, напрашивается вывод, что Российская академическая наука в определенной мере может быть причастна к «обоснованию» известных положений Вильнюсской декларации ОБСЕ. При этом необходимо четко понимать, что за объявлением СССР равноответственным с Германией за развязывание Второй мировой войны последуют и соответствующие финансовые претензии. Появится немало стран, которые захотят «заработать» на снижении «гудвилла» России, происходящем в том числе и в результате деятельности лиц и организаций, финансируемых государством. Россия попадает в положение «унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла».

В борьбе за «историческую правду» дошло до того, что академик Ю. Пивоваров, директор авторитетного академического института ИНИОН РАН, публично называет православного святого А. Невского «смрадной фигурой» в нашей истории, а русского национального героя М. Кутузова «лентяем» и «эротоманом» [5].

Какой «гудвилл» России создают эти «историки»?

И пока такие люди заседают в «Комиссиях» при Президенте РФ, руководят ВУЗами, академическими институтами, кафедрами, занимаются преподаванием, никакой речи не может идти об организации и проведении в масштабах страны мероприятий по формированию положительного имиджа («гудвилла») России.

Наша политическая терпимость позволяет «заслуженным либералам» приносить любой вред стране.

Пока действует механизм саморазрушения России, любой рубль, вложенный в подобные проекты, наносит ей ущерб.

Что касается возможностей российской стороны

на переговорах с США по проблеме сокращения СЯС, то усилиями лиц и организаций, представляющих интересы геополитических конкурентов России сформировалась среда, в которой становятся весьма затруднительны действия, направленные на сохранение (повышение) ее геополитического статуса.

4. Что делать?

В связи с указанными обстоятельствами ответ России должен быть асимметричным. В первую очередь, находясь в рамках существующего информационного поля, целесообразно демонтировать механизм саморазрушения. Для последующих действий необходимо привлечение технологий войн третьего поколения – технологий интеллектуальных информационных войн, где исход противоборства не зависит от соотношений финансовых ресурсов конфликтующих сторон [1–3].

К таким технологиям, в частности, относятся технологии сетевых войн. В постсоветские годы из России эмигрировали сотни тысяч интеллектуалов. Они учатся или уже закончили на Западе престижные университеты, защитили диссертации и в настоящее время весьма успешно делают карьеры в бизнесе и политике. При этом многие из них остаются патриотами своей Родины. По нашим оценкам, через 15–20 лет русские эмигранты займут ряд ведущих позиций в западной политической и деловой элите. При системной работе с русской диаспорой можно решить множество задач в государственных интересах России, в том числе и формировании ее положительного имиджа. Современные помпезные мероприятия, обозначающие активность работы с «русским зарубежьем», стоят дорого и совершенно не эффективны.

При определенных усилиях с помощью русских эмигрантов можно заставить мир смотреть на Великую Отечественную войну и историю России нашими глазами.

При овладении новой системой технологий управления поведением акторов международных отношений основная деятельность российской стороны сегодня должна быть направлена на демонтаж механизма саморазрушения, поскольку основные источники угроз ее безопасности находятся в самой России. Работа в первую очередь должна охватывать сферы воспитания и обучения.

Информационные воздействия, направленные вовне, целесообразно в том числе организовывать и осуществлять через сети русской эмиграции.

Сегодня Россия не в состоянии следовать в военно-стратегической области тем курсом, которым следовали

до начала горбачёвских реформ. Это была «стратегия сильного», когда на американский военный, технологический и стратегический вызов давался адекватный по масштабу и эффективности ответ.

Поэтому должно быть понятно, что, по крайней мере, в течение ближайших 15–20 лет для обеспечения своей безопасности России в условиях значительного и постоянно увеличивающегося отставания в военно-технологической области во взаимоотношениях с Западом придется следовать «стратегии слабого».

Какой может быть эта стратегия?

Подобно тому, как в мировой художественной литературе фольклористы выделяют 11 базовых сюжетов, можно выделить набор базовых вариантов действий во взаимоотношениях «слабого» с «сильным». Интересно отметить тот факт, что большинство из них было известно еще в древнем Китае под названием «стратогем». В качестве предмета для обсуждения можно указать на несколько стратегий, которым, как нам представляется, разумно следовать, реализуя «стратегию слабого» при сдерживании возможных противников в условиях глубоких сокращений российского ядерного арсенала.

Во-первых, это стратегия «достаточной враждебности». Каждое государство имеет внутренних и внешних врагов. Если меры, направленные на парирование угроз, своевременны и адекватны опасности, а имеющихся ресурсов достаточно, государство может успешно противостоять своим врагам. Но есть одна проблема, которая не может быть решена только разумностью и компетентностью руководителей. Она заключается в том, что президент не всемогущ, он может лишь направить и усилить имеющиеся в обществе тенденции, но если их в обществе нет, то он бессилен.

Тенденция, которая используется для усиления мер по обеспечению стратегического сдерживания вероятных противников, может существовать только тогда, когда общество осознает существующую и надвигающуюся опасность. Причем общество должно осознать эту опасность своевременно, поскольку многие процессы обеспечения безопасности требуют значительного времени. Другими словами, обеспечить защиту страны невозможно в отсутствие оборонного сознания.

Оборонное сознание само по себе не приходит, его невозможно сформировать в обществе без «образа врага» и четкого, откровенного формулирования внешних угроз.

Для того, чтобы в новых исторических условиях сформировалось оборонное сознание, важно не поддерживать на государственном уровне кампаний, направленных

ных на сокрытие истинного положения дел и перспектив России, по либеральной дезорганизации общественного сознания. Напротив, надо поддерживать те общественные инициативы, научные проекты, различные организации, связанные с выявлением, объективным исследованием, ранжированием и анализом угроз.

В качестве другой стратегии действий, дополняющей описанную выше, необходимо указать на стратегию «отложенной угрозы». Ее суть сводится к тому, чтобы дезориентировать противника, затруднить для него оценку угроз, опасностей, рисков, ущербов, с которыми могут быть связаны его возможные силовые действия.

В современной России царит определенная неразбериха в определении направлений ее военно-технической политики. До сих пор нет общепризнанного понимания ни образа будущих войн, ни ответов на реальные угрозы, затрагивающие государственные интересы России. В этой ситуации сама указанная неопределенность может быть использована как инструмент рефлексивного управления – затруднить вероятным противникам проведение военно-технического планирования, выиграть необходимое для восстановления страны время.

В основу указанных технологий рефлексивного управления могут быть положены следующие неопределенности.

Во-первых, это «неопределенность будущих изменений». Ее смысл состоит в следующем.

И в обществе, и в армии растет понимание ошибочности «курса реформ», проводившихся в стране в целом и в армии в частности в последние 18 лет. Возникает понимание необходимости перемен, направленных на возрождение страны, укрепление ее вооруженных сил. Ситуация во многом напоминает ту, которая имела место в XIX веке после поражения России в Крымской войне. Тогда великий русский дипломат и государственный деятель А. М. Горчаков сформулировал основу стратегии страны на несколько десятилетий: «Россия сосредотачивается». По мнению многих военных историков, его дальновидная политика позволила оттянуть Первую мировую войну более чем на 30 лет, дав возможность России провести военную реформу. Было бы целесообразно сейчас вернуться к этой стратегии. Серьезность намерений должен подтверждать государственный публичный анализ того, как, каким образом, для чего и кем была разоружена Россия, как создавался кризис в ее вооруженных силах.

В частности, должны быть проанализированы рекомендации экспертов, которые привели к неверной оценке угроз и ошибочным решениям, действия лиц, принимавших эти решения. Целесообразно гласно про-

анализировать на государственном уровне причины и ход развала армии и оборонно-промышленного комплекса и выявить основных причастных к этому лиц. Это на длительный срок создаст у возможного противника представление о неизбежности будущих перемен.

Другой неопределенностью может быть «нестабильность в организационных структурах, которые будут задействованы в ходе вооруженных конфликтов». Ее смысл состоит в следующем.

Многовековой опыт войн, недавний опыт прошлой войны показывает высокую эффективность уничтожения руководящего центра. В отсутствие такового боеспособные части теряют управление, возникает хаос, войска, как правило, легко уничтожаются. Но если мы не можем играть по правилам, по которым играют равные противники, то очевидно, следует показать (убедить, создать представление), что в случае серьезных угроз мы готовы играть по другим правилам.

Поэтому представляется разумным предусмотреть создание структур, способных эффективно вести боевые действия в отсутствие централизованного управления или предательства ряда военных руководителей, как это было в последней иракской войне.

Иными словами, может оказаться целесообразным создание в России сети жизнеспособных боевых единиц, которые в течение длительного времени могут быть способны решать боевые задачи и наносить урон противнику, сравнимый с тем, который они наносили бы при наличии централизованного руководства.

Для сокращаемых СЯС в этом направлении представляется актуальной реализация стратегии «мертвой руки», заключающаяся в создании сети автономных высокоживучих боевых единиц («ядерный спецназ») с приданием им возможностей самостоятельного принятия решения на нанесение ответного ядерного удара в условиях уничтожения высших звеньев боевого управления в результате эффективно проведенного противником «обезглавливающего удара». При этом обязательно должен предусматриваться не просто контрценностный тип указанного ответного удара, а удар по «болевым точкам» – хранилищам отработанного ядерного топлива, ядерным электростанциям, плотинам и т.д. Если указанные боевые единицы будут объективно живучи, то можно полагать, что у противника сильно снизятся стимулы к планированию нанесения первого (в том числе и неядерного) удара по верхним звеньям управления ВС России.

Если традиционная структура вооруженных сил иерархична и уничтожение любого уровня, а тем более верхнего, фатально, то существует ряд других структур,

гораздо более эффективных в позиции слабого.

Это, прежде всего, сетевые структуры, которые активно используют у спецслужбы и террористические организации. Эти структуры, не имея жёсткого руководства, могут действовать, имея общие представления о «своих» и точные о «чужих», о своем образе действий, использовать тактику роения (swarming), изматывая сильного противника, нанося ему неожиданные удары в наиболее уязвимых местах.

Естественно, чем больше уровень дезинтеграции систем, тем по более жестким правилам должны иметь возможность действовать подсистемы и отдельные элементы. В идеале противник должен осознать (мы должны его в этом убедить), что уничтожение центров управления в ходе конфликта, в том числе и в неядерный его период, будет представлять для него большую опасность, чем их сохранение.

В условиях проводимых глубоких сокращений ядерного арсенала можно пойти и дальше по этому пути – предоставить военной подсистеме большую автономность в выборе методов и средств решения задач на различных уровнях противостояния. При этом, как показывает история, во многих случаях системе в целом гораздо удобнее и эффективнее иметь политически активную и достаточно самостоятельную военную структуру «ястребов», которая уравнивается более умеренным политическим руководством «голубями». Неопределенность в принимаемых решениях, связанная с тем, чья позиция возьмет верх, может также оказаться важным сдерживающим фактором.

Следующая неопределенность может быть сформулирована как «неопределенность в выборе возможных средств».

Террористический акт 11 сентября 2001 года, катастрофа «Колумбии», отключение от электроснабжения более 3 миллионов американцев значительно усилило ощущение уязвимости своей страны у большинства американского населения. Поэтому взаимосвязь возможных военных конфликтов с «рисками нового поколения», которые плохо прогнозируются и от которых нельзя создать надежную защиту, следует всячески подчеркивать и усиливать. Естественно, отрабатывать и доводить до сведения общественности стран вероятных противников возможные сценарии боевых действий, увязывающие воедино создание катастрофических нестабильностей в техногенной, экономической, информационной, социальной сферах с недалекими неосторожными действиями их собственного руководства.

Значительные усилия нужно было бы сейчас вло-

жить (они не требуют существенных экономических затрат) в ликвидацию «синдрома безнаказанности», который формируется в общественном сознании США как результат действий по развертыванию ПРО. Целесообразно обосновать и широко распространить информацию о невозможности надежной защиты территории страны в современных условиях.

При правильной организации «удара возмездия» даже ограниченными силами груди созданного у противника самого современного и экзотического оружия могут оказаться бесполезными. Этот факт может быть доведен и до лиц, принимающих решения, и до населения стран, которые будут противостоять России в будущих конфликтах.

Это может быть сделано силами ученых, политиков, популяризаторов науки, трезвомыслящей интеллигенции. Получившие в свое время резонанс исследования (кстати достаточно сомнительные с научной точки зрения), связанные с так называемой «ядерной зимой» – климатическими последствиями широкомасштабного обмена ядерными ударами показывает, что это можно сделать. На первом этапе важно было бы показать наличие серьезных возможностей нанесения катастрофического ущерба даже от ограниченного применения ядерного оружия. Естественно, это отчасти уменьшило бы чувство превосходства в сознании руководства и в массовом сознании «сильного» противника.

Сама возможность вывода конфликта на уровень наиболее жесткого варианта войны на уничтожение значительной части населения для сверхдержавы, декларирующей свою ответственность за поддержание порядка и стабильности, уже может стать эквивалентной сдерживающему ущербу.

Следующей стратегией «слабой стороны» может быть стратагема, определяемая в древнем Китае, как «выманить тигра на равнину». Ее смысл состоит в следующем.

Особенность войн нового поколения (Югославия, Афганистан, Ирак) заключается в том, чтобы дискредитировать руководство страны-противника внутри и внешне, снизить волю к сопротивлению, нанести ряд ударов с воздуха, в условиях полного господства подкупить или запугать власть или оппозицию и далее установить марionеточный режим.

Первый этап каждой из этих войн состоял в информационном управлении конфликтом - анализе «с позиций справедливости», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» правящего режима и действий противника.

Поэтому для обеспечения внешней безопасности при сокращении СЯС целесообразно выбить этот козырь

из рук наших «контрпартнёров». Один из главных способов – уменьшение у противостоящей стороны так называемого индекса оптимизма, ожидания благоприятного исхода, успеха «маленькой победоносной войны».

Естественно, ряд шагов в этом направлении можно предпринять загодя. Один из первых – переход с чужого языка, метафор, образов, символов на свой и трактовки уже прошедших событий в рамках своей системы аксиом.

Другой – анализ и доведение до массового сознания неприемлемости действий и моральной неправоты противника (например, единственные в мировой истории события, не имеющие морального оправдания, – ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, варварская бомбардировка Дрездена, создавшая огненный шторм, ложь относительно оружия массового уничтожения у Ирака с целью установить в конечном счёте контроль над ближневосточной нефтью и т.д.).

Третий – поднятие индекса оптимизма у своего населения и армии и воспитание патриотизма, формирование собственной идеологии в той жизненно важной части, которая касается сознания и защиты государственных интересов.

Каждый из этих шагов не требует значительных материальных средств, однако требует времени и систематических усилий политического и военного руководства, в частности совершенствования системы информационного противоборства.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить следующее.

В настоящее время США, выступая с инициативами о глубоких сокращениях СЯС, играют в беспроигрышную игру: «орел – я выиграл, решка – ты проиграл».

В условиях, когда Россия «обречена» пойти на глубокие сокращения потенциала своих СЯС, требуются ре-

шительные меры по недопущению обвального снижения ее геополитического статуса, по сохранению сдерживающих возможностей.

В этой связи необходимо отметить, что только военная сверхдержава (такая, как США) еще может себе позволить «смотреть сквозь пальцы» на деятельность внутри страны различного вида консорциев, направленную непосредственно или опосредованно на снижение ее геополитического статуса. Для России, если она хочет сохранить сдерживающие возможности и не допустить обвального снижения своего статусного положения в мировой системе, такое поведение недопустимо.

Надо отчетливо понимать, что существенно сокращая свои СЯС, мы уже достигли и перешагнули «критический порог сокращений». Данный шаг просто детерминирует другие (очень даже непопулярные в либеральной среде) действия.

Процесс глубоких сокращений СЯС в России (независимо от неизбежных вопли «заслуженных либералов») должен сопровождаться ликвидацией внутренней «пятой колонны», демонтажом внутренних сетевых структур, созданных геополитическими соперниками России, формированием в обществе оборонного сознания. «Провал» в военной компоненте геополитического потенциала должен быть скомпенсирован подъемом «ассабийи», а также переходом государства на новую финансовую систему (этот вопрос предполагается обсудить в 2010г.).

Если российская сторона не осознает необходимости целенаправленной информационной борьбы, мы рискуем проиграть в борьбе за обеспечение достойного статусного положения в мировой системе и покорно следовать американской политике по снижению геополитического статуса России за счет снижения потенциала ее СЯС.

Литература

1. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. М.: Академический проект. 2007.
2. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект. 2007.
3. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационный менеджмент. М.: Академический проект. 2009.
4. Бухарин С.Н. Как и почему лгут «историки». Ю.: Издательство ПСТМ, 2008.
5. Ю.Пивоваров. «Должность царя у нас стала выборной». М.: журнал «Профиль», № 32, сентябрь 2008 г., стр. 18–26.

Материал поступил в редакцию 6. 10. 2009.

II. ИНФОРМАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ. УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ И РИСКАМИ

УДК 330

© Кульба В.В., Кононов Д.А., Косяченко С.А., Цыганов В.В., Чернов И.В.
Kulba V.V., Kononov D.A., Kosjachenko S.A., Tsyganov V.V., Chernov I. V.

СРЕДСТВА И ОБЪЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ

MEANS AND OBJECTS OF THE INFORMATION MANAGEMENT

Аннотация. Проанализированы механизмы и средства массового информационного управления и формирования общественного мнения при демократии. Рассмотрено информационное управление на основе терроризма, а также массовое манипулирование сознанием. Описаны объекты информационного управления и их характеристики. Показано, что при выборе методов информационного управления личностью необходимо учитывать ее жизненную позицию, формы общения и темперамент. Проанализировано влияние информационного управления на социально-психологический портрет, климат и формирование коллектива. Рассмотрены особенности массового общества как объекта информационного управления.

Annotation. The mechanisms and means of the mass information management and creation of the public opinion at democracy are analyzed. Information management on the background of the terrorism and mass conscience manipulation are considered. The objects of the information management are described. It is shown that to choose methods of the individual information management it is necessary to take into account life position, forms of conversation and temperament. The information management influence at the social-psychological portrait, climate and creation of the collective.

Ключевые слова. Информационное управление, манипулирование сознанием, механизм, личность, коллектив, общество.

Key words. Information management, conscience manipulation, mechanism, individual, collective, society.

Введение

В работе [1] рассмотрена роль человеческого фактора в задаче обеспечения информационной безопасности и показано возрастающее значение информационного управления (ИУ). Охарактеризованы методы ИУ, стратегия и тактика информационного воздействия. Дана классификация возможных результатов ИУ. Рассмотрены основные функции ИУ, выполняемые СМИ, и способы их

реализации. Приведены примеры и охарактеризованы перспективы ИУ. В продолжение работы [1] в настоящей статье рассматриваются средства и объекты ИУ.

1. Средства массового информационного управления

Юридический статус средств массовой коммуникации обуславливает необходимость определенного уче-

Кульба Владимир Васильевич – доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией ИПУ им. В.А.Трапезникова РАН, тел. 334-91-91;

Кононов Дмитрий Алексеевич – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник ИПУ им. В.А.Трапезникова РАН;

Косяченко Станислав Анатольевич – доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПУ им. В.А.Трапезникова РАН; Цыганов Владимир Викторович – доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИПУ им. В.А.Трапезникова РАН, тел. +7(495)953-28-31,

Чернов Игорь Викторович – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ИПУ им. В.А.Трапезникова РАН.

Kulba Vladimir Vasilyevich – Doctor of Engineering Sciences, the professor of IMP RAS of a name of V.A. Trapeznikov, tel. 334-91-91;

Kononov Dmitriy Alexeevich – Doctor of Engineering Sciences, chief researcher of IMP RAS of a name of V.A. Trapeznikov

Kosjachenko Stanislav Anatolyevich – doctor of engineering sciences, professor, main research worker IMP RAS the name of V.A. Trapeznikov;

Tsyganov Vladimir Viktorovich – Doctor of Engineering Sciences, chief researcher of IMP RAS of a name of V.A. Trapeznikov, tel. +7(495)953-28-31,

Chernov Igor Vickytorovich – Candidate of Engineering Sciences, senior researcher of IMP RAS of a name of V.A. Trapeznikov,

та ими интересов и мнений различных социальных групп общества. Особая экономическая и идеологическая близость средств массовой информации (СМИ) к господствующему классу делает их, безусловно, наиболее «чуткими» к интересам власть имущих. Но было бы преувеличением в связи с этим говорить об их полной «глухоте» к интересам других социальных сил. Возможности игнорирования таких интересов отнюдь не безграничны. Подобное игнорирование не только чревато утратой СМИ определенной части аудитории (со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями), но и попросту недопустимо с точки зрения конечных интересов самого правящего класса в целом, не способного обеспечить сохранение социальной стабильности своей власти без знания реальных проблем, стоящих перед обществом.

В свете вышесказанного становится очевидным, что масштабность пропагандистских усилий правящего класса, стремящегося к косвенному устранению масс из политики с помощью фальсификации общественного мнения, далеко не всегда тождественна эффективности этих усилий. Это обстоятельство чрезвычайно важно, с точки зрения реалистической оценки результатов деятельности СМИ по обеспечению социального господства правящих сил. Следует выделить, по крайней мере, два фактора, от влияния которых во многом зависят результаты деятельности СМИ: с одной стороны, противоречия самого информационного процесса, а с другой — усиление в современном массовом сознании мировоззренческой автономии личности, повышение ее самостоятельности в осмыслении окружающей действительности.

Стремление правящего класса использовать масс-медиа для манипулирования общественным сознанием и его стандартизации противостоит целый ряд объективных предпосылок предоставления массам более или менее разносторонней информации. К числу таких предпосылок относятся противоречия экономического, идеологического, политического характера в рамках правящего класса. Разногласия, нередко достаточно глубокие, между отдельными партиями, столкновение экономических и политических интересов разных групп капитала создают условия для появления определенного информационного и идеологического разнообразия в масс-медиа. Большое значение имеет и конкуренция СМИ в борьбе за аудиторию, и отсутствие единых позиций по тем или иным вопросам.

1.1. Формирование общественного мнения

В той или иной мере в деятельности СМИ находит свое отражение и состояние общественного мнения со

многими свойственными ему нюансами. Нередко СМИ, стремясь продемонстрировать свою относительную независимость, обращаются к довольно резкой критике не только отдельных партий, но и правительства. Известно, сколь значительную роль СМИ сыграли в развале СССР, в развязывании войны против Югославии, Ирака и др., в отстранении от власти М.С. Горбачева, Р. Никсона, в разоблачении некоторых наиболее вопиющих нарушений законности представителями политических кругов и крупного бизнеса. И в конечном итоге деятельность печатных органов информации, радио и телевидения, независимо от воли их владельцев, внесла свой определенный вклад в усиление в общественном сознании настроений политической отчужденности, разочарования во многих институтах власти.

Но наиболее важным фактором, противодействующим манипулятивным усилиям правящего класса, является специфика самого общественного сознания. В работах прогрессивных американских социологов, критикующих деятельность СМИ, прослеживается тенденция к преувеличению степени незащитности народных масс перед лицом идеологического наступления господствующих в обществе сил. Эта тенденция восходит еще к точке зрения такого выдающегося представителя либерально-критического направления буржуазной социологии, как Райт Миллс, отчетливо выраженной им в его книге «Властвующая элита». В этой книге Р. Миллс, по сути, рассматривает народные массы как пассивную и инертную толпу, целиком и полностью отданную на откуп СМИ, которые в свою очередь находятся в руках правящей политической, военной и экономической элиты. Она же беспрепятственно манипулирует массами, внушая им определенные представления не только об окружающей действительности, но и о самих себе.

При всей справедливости критики отдельными представителями социологии стремления правящих кругов подчинить массы своему массивированному идеологическому воздействию, подобная оценка конкретных результатов использования СМИ выглядит сегодня довольно упрощенной. Повышение образовательного и культурного уровня широких слоев населения противодействует целенаправленному регулированию общественного сознания, усиливает способность масс к самостоятельным, критическим суждениям. Характерное для эволюции современного массового сознания возрастание познавательных способностей, ослабление установок на послушание и подчинение навязываемым извне нормам мышления и поведения — все эти факторы сужают возможности внешнего контроля общественно-политических,

мировоззренческих позиций масс, снижают эффективность механизма манипуляции сознанием людей.

1.2. Информационное управление при демократии

Предполагается, что демократии сильны именно потому, что они могут осуществлять необходимые перемены, не прибегая к насилию и не допуская «несправедливости». Эта постановка вопроса известна более двух тысяч лет, начиная с Калликла и Сократа. «По Калликлу, высшее благо — неограниченная свобода удовлетворения любых желаний. Природная справедливость заключается в том, что это благо достается сильнейшему, повелевающему толпой властителю. В чем же состоит специфическая сила, позволяющая обрести такую власть? Времена, когда для этого было достаточно большой дубины, уже прошли, а новые времена, когда специфическим средством для этого станет капитал, еще не наступили. Дело происходит в Афинах. Борьба за власть здесь разворачивается на попроще Закона — в форме «состязаний» ораторов в народном собрании, в совете, в судах... Средством захвата власти оказывается форма деятельности афинского законодателя: знание рычагов государственного управления, психологии демоса, владение ораторским искусством. Поэтому совершенно не случайно афинским аристократам, в отличие от персидской знати, пришлось, оставив в сторону учителей фехтования, обратиться к высокооплачиваемым учителям мудрости типа софиста Горгия. Победа или поражение в народном собрании сплошь и рядом становились вопросами жизни и смерти, не говоря уже о потере имущества и изгнании» (цитируется по [2]). Чем закончились для Афин эти методы захвата и осуществления власти, теперь хорошо известно. Развиваясь по спирали, мир прошел этап, когда специфическим средством захвата власти стал капитал. Но теперь и этого стало недостаточно. Демократии приходится опять, как и в древних Афинах, привлекать средства массового ИУ.

Коренной процесс мирных перемен начинается с права страдающей стороны быть услышанной, чтобы представить неопровержимые доказательства их необходимости. И голос страждущих, будучи услышан широким кругом граждан, может создать общественное мнение в отношении путей исправления недостатков. Решающая роль в этом процессе принадлежит СМИ. Если последние не будут сообщать о недостатках, присущих системе, крик, который никто не услышит, никогда не станет значимым общественным фактом. Когда мнение общественности, чувствующей необходимость перемен, не получа-

ет огласки, не сработают механизмы установления согласия. В таких случаях общественное мнение остается бес сильным. А не услышанный глас народа ведет к агрессивности. Возникает разрыв между общественным сознанием и установившимся порядком. Результатом является апатия или насилие, что одинаково губительно для демократии.

Опыт показывает, что власти всегда оказывают сопротивление движению за перемены. При этом они обычно ведут атаку на журналистов, сообщающих о пороках системы. Нападки на «негативную журналистику» концентрируются главным образом вокруг тех, кто сосредоточил свое внимание на конкретных недостатках в правительственной и частной системах. Это с неизбежностью влечет за собой подчеркивание в повседневной информации положительных явлений. Таким образом, отрицательные явления не устраняются, а накапливаются, достигая уровня экономического, политического и социального кризиса. В случае, если нападки на СМИ приводят к тому, что сокращается поток информации, необходимый для осуществления назревших перемен, они служат плохую службу обществу.

Так, например, национальные проблемы, обострившиеся в годы перестройки, вызвали мощные волнения политического и социального характера. Однако лишь после того, как эти волнения начали носить взрывной характер, вылившись в массовые демонстрации и мятежи, они стали главной темой информационных сообщений. Но в них сообщалось в основном о действиях милиции, а не о глубоких проблемах в жизни. То же нежелание сообщать о социальных противоречиях привело к тому, что существование бедности в самой богатой ресурсами стране мира стало явлением, о котором не полагается сообщать и сегодня, хотя скрыть это уже невозможно.

Для различных слоев населения характерно видеть мир по-разному. Но, к сожалению, чрезмерная социальная и экономическая ангажированность СМИ часто усиливает имеющиеся различия внутри данного общества. Это вызывает апатию, склонность избегать при страстного отношения к проблемам общества, политическая система которого создавалась на партийной основе. Трудно даже сказать, может ли такая гомогенизированная система информации, распространяемой на обширные территории, служить интересам граждан, от которых требуется принятие основных политических решений на местном уровне.

Господствующие СМИ все меньше обращают внимания на бесправную часть населения и не затрагива-

ют тем, касающихся недостатков общественного строя. Представители широких слоев населения сегодня практически игнорируются в информационных сообщениях, о них сообщают лишь ради экзотики, зачастую лишь в отрицательном плане. Этнические меньшинства, рабочие, низшие слои среднего класса, бедняки — все они становятся объектами публикаций главным образом тогда, когда замешаны в сенсационных событиях — забастовках, арестах. Другие группы и институты общества — правительство, школы, университеты, новые политические движения — время от времени подвергаются критике. Небольшие группы, например спортсменов, модельеров и актеров, обычно расхваливают. Крупные СМИ быстро превращаются в то самое звено, которое представляет лишь материальные притязания богатых граждан в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, а не звено, способное объединить нацию, преданную демократическим принципам.

Успокоительный тон СМИ в отношении главных политических проблем становится обычным явлением. Социально чувствительный материал, представляющий интерес для одной части населения, не должен задеть тех, кто придерживается другого мнения и кто (безотносительно к этим разногласиям) представляет определенный деловой и финансовый интерес для СМИ. Информация становится нейтральной как по отбору тематики, так и по манере подачи материалов за счет того, что журналистика выхолащивает идеи и идеологию из общественных проблем, за исключением абсолютно безопасного и крайне шаблонного восприятия патриотизма и деловой предприимчивости. Таким образом, журналистика становится в целом ориентированной на то, что поколения газетчиков ошибочно называют «объективностью». Такая «объективность» имеет тенденцию подавать информацию поверхностно, потому что более глубокое рассмотрение какого-либо явления может вызвать раздражение некоторой части общества или наскучить ему. Она отвергает интерпретацию и изложение подоплеку событий, несмотря на острую необходимость в них в век, страдающий от политических травм. Изложение фактических материалов о мировых войнах, геноцидах, кризисах и распространении ядерного оружия полезно, но недостаточно: простое изложение означает, что все факты имеют одинаковое значение.

Наиболее «безопасный» метод подачи новостей состоит в передаче высказываний представителей власти. А в соответствии с характером общественных отношений большинство представителей власти делают, как правило, не совсем точные, но лично их устраива-

ющие заявления. Просто сообщения о преступлениях, стихийных бедствиях и несчастных случаях без оценки безопасны в политическом плане, как будто сообщается о событиях, происшедших где-то далеко и не имеющих отношения к данным читателям. Таким образом, передаваемые новости становятся все более официозными и казенными.

1.3. Телевизионное информационное управление

Телевидение имеет очевидное превосходство над газетами своей непосредственностью, динамизмом, цветом и доступностью. Но оно имеет громадный недостаток: каждая станция может передавать в одно и то же время только одно сообщение. Если это сообщение слишком длинное или неинтересное для некоторой части зрителей, они могут переключить свои телевизоры на другой канал или сделать то, что вызывает главное беспокойство у владельцев телевизионной сети — выключить телевизор. Всякий раз, когда какой-либо зритель выключает телевизор, телевизионная станция теряет одного потребителя своей информации.

Газетам неведома такая проблема. По своему усмотрению газета может опубликовать некоторую историю, которая понравится какой-то части читателей. Другая часть читателей может обратить свой взгляд на следующую колонку или перевернуть страницу, где найдет материал, удовлетворяющий ее вкусам. Движение взгляда или перевертывание страницы не означает, что издатель потерял подписчика.

Владельцы телестудий с самого начала пришли к выводу, что они должны поддерживать максимум внимания среди самых разнообразных клиентов. В значительно большей степени, чем печатные СМИ, программы телевидения — развлекательные, информационные или коммерческие — не могут слишком долго задерживаться на какой-то одной теме, и она не должна быть спорной в социальном или политическом отношении. С самого начала своей истории телевидение разрешило вставшие перед ним проблемы тем, что нашло и эксплуатирует две основные темы, приковывающие всегда внимание: секс и насилие. Для того чтобы преодолеть сопротивление общественности телевидению и рекламе, манипуляция чувствами зрителей стала более изощренной. Социология и психологические приемы увеличили арсенал возможностей телевидения в его воздействии на поведение людей. Так, одна из фирм, например, дает рекламодателям советы о том, на какую часть мозга — левую (аналитическую) или правую (эмоциональную) — должна воздействовать их реклама.

В современной экономике некоторые виды дея-

тельности лучше всего осуществляются крупными организациями, например, железнодорожными и страховыми компаниями. Но они нуждаются в таком изменении структуры, которое гарантировало бы соответствие их деятельности нуждам национальной экономики и социальной политики. Сегодня же слишком часто происходит как раз обратное: государственная политика, в том числе ее информационная поддержка СМИ, проводится в соответствии с интересами национальных и транснациональных корпораций, жаждущих неограниченных прибылей.

1.4. Информационное управление на основе терроризма

Весьма специфичным является распространение и использование информации при освещении терактов. Следует учитывать, что информация при этом может быть более грозным средством, чем оружие в руках террористов или противостоящих им подразделений. От ее грамотного распространения во многом зависит эффективность противодействия терактам.

В 1986 г. специальная правительственная группа по борьбе с терроризмом во главе с вице-президентом США Джорджем Бушем обнародовала специальный доклад, в разделе которого «Терроризм и СМИ», в частности, сказано: «Терроризм — форма пропаганды, нуждающаяся в публицити, чтобы быть эффективной. Среди факторов, способствующих как росту, так и сенсационности инцидентов, следует отметить успехи террористов в получении широкой рекламы и оказании влияния на возможно более многочисленную аудиторию. Террористы видят роль СМИ в распространении их заявлений по всему миру, как одну из главных для достижения своих целей» (цитируется по [2]).

В докладе перечислены практические действия СМИ, которые могут вызвать проблемы в кризисные моменты:

- интенсивное телеосвещение, которое может ограничить или лишить правительство преимуществ в выборе действий по пресечению теракта;
- освещение явно инсценированных террористами действий;
- превращение журналистов в участников инцидента и переговоров, когда СМИ в роли арбитра узурпируют правовую ответственность правительства;
- оплата интервью террористов;
- сообщения о планах антитеррористических подразделений, участвующих в операции по обезвреживанию террористов.

Там же подчеркивается: «Очень важно, чтобы пра-

вительство и СМИ сотрудничали во время террористических инцидентов, которые почти неизбежно несут угрозу человеческим жизням, правам человека и национальным интересам». Одна из основных трудностей для прессы заключается в том, что она не сможет правильно освещать драматические события, если не будет ясно представлять, что именно намерено предпринять правительство для решения проблемы. Официальные лица должны помогать журналистам, обеспечивая их своевременной фактической информацией. Но, как подчеркивается в этом же докладе, в той степени, в какой это позволяет ситуация. Кроме того, «противоречивые заявления представителей различных ведомств создают впечатление неразберихи, которая и является одной из целей террористов».

В ходе развития инцидента необходима четкая координация действий антикризисного штаба и вышестоящих инстанций по организации работы с прессой, в частности по проведению регулярных пресс-конференций в специально созданном для этого месте. Необходимо предусмотреть также введение жесткого полицейского контроля с целью недопущения представителей СМИ к месту инцидента. Во время инцидента все потоки информации должны быть управляемы и контролируемы, все запросы СМИ должны передаваться в антикризисный штаб. Только официальный представитель штаба имеет право давать ответы от его имени в форме тщательно подготовленных письменных пресс-релизов для вручения журналистам.

Ярким примером отрицательной роли СМИ являются их действия при освещении событий 1994-1996гг. в Чечне, особенно терактов в Буденовке, Кизляре и Первомайском. Террористы охотно и умело подпитывали страждущих репортеров «информацией», используя СМИ в первую очередь для запугивания и психологического давления на российское общество. Тезисы, содержащие угрозы в адрес России, и, безусловно, подготовленные при планировании акции, пошли гулять по свету в нужной террористам форме. В итоге — заурядный грабитель мирных поездов и бандит, возглавивший «войсковую» акцию по захвату роддома, в одночасье превратился в страдальца за веру и политического деятеля.

1.5. Массовое манипулирование сознанием

В рамках ИУ обществом реализуется массовое промывание мозгов и манипулирование сознанием. Жизненные ценности и идеалы не столько вырабатываются и закрепляются личным опытом и собственным осмыслением, сколько принимаются в качестве готовых за счет постоянного навязывания и массивного воздействия

СМИ. На Западе это манипулирование использует не одно десятилетие. В России это «промывание мозгов» реализовалось особенно интенсивно в последнее десятилетие XX века. Результаты, на наш взгляд, ошеломляющие. Под вой о процветающем капитализме народ бывшего Союза довели до нищеты и вымирания. Только в 1991 г. было сделано 3,5 млн. аборт, в 1992 — 3,4 млн., в 1993 — 3,2 млн., что не менее страшно, чем ужасы бериевского времени, унесшие жизни около 800 тыс. наших граждан. Если же обобщить эту цифру за годы перестройки, то это сравнимо для России с потерями в Великой Отечественной войне.

В послеперестроечные годы произвол СМИ достиг апогея, когда у нормального человека вырабатывается сознание своей неполноценности и даже виновности. Это многоликое и мелочное унижение достоинства вытраивает из человека качество бойца, борца за правду, справедливость и даже Отечество. Получило широкое распространение циничное отношение к труду, исказились представления о сотрудничестве, дружбе, любви. Под серьезной угрозой оказалось общее нравственное здоровье народов России.

Все это можно было бы назвать специфической формой массового отупления. Но на самом деле это и есть адекватная реакция населения на соответствующие формы ИУ, когда сценарные призраки и ложь становятся более важными мотивами поведения, чем реальные развал, вымирание и голод. Результаты такого ИУ поддаются разумному анализу с большим трудом. Ясно, пожалуй, только одно — в области манипулирования сознанием широких слоев населения достигнут самый передовой уровень.

Возникает вопрос, есть ли у общества, отдельного человека защитные силы, стойкость, способность к анализу реальной ситуации, поиску истины в условиях оболванивания и дешевой пропаганды? Можно выделить следующие уровни разрушения человеческого сознания путем информационного воздействия: не критическое восприятие; неадекватное понимание ситуации; безразличное принятие происходящего; восприятие любой информации, как наркотика; обозленность. На смену этому должно прийти постепенное прозрение и адекватная оценка ситуации.

1.6. Четвертая власть

В российской Конституции говорится о праве свободно искать, получать, передавать и распространять информацию. Однако следует понимать, что свобода слова («гласность», а шире — свобода распространения информации) — лозунг довольно неоднозначный.

Полная гласность сделала бы совместную жизнь людей просто невозможной. Как отмечает социолог К. Ясперс: «Если исчерпывающие сведения вначале давали людям освобождение, то теперь это обратилось в господство над людьми».

Поэтому наличие некоторых, например, цензурных ограничений, реализуемых в той или иной форме через контрольные органы, является необходимым условием для того, чтобы ограничить разрушительное действие информации, не допустить превышения приемлемого уровня риска. В условиях рынка это означает, что потребитель должен знать, к каким последствиям для него и окружающих приведет усвоение и использование той или иной информации. Сегодня же человек, потребляя неконтролируемую или отфильтрованную информацию, не может оценить характер ее воздействия на свою психику и поведение. Более того, он становится зависимым от СМИ, и продолжает потреблять их продукцию даже в том случае, если отдает себе отчет в ее пагубном воздействии. Поэтому, если государственные органы не контролируют информацию, они становятся прямыми участниками манипулирования общественным сознанием.

Вероятно, заслуживает внимания предложение некоторых депутатов Государственной Думы РФ, суть которого в том, чтобы юридически закрепить за СМИ статус четвертой власти — информационной. Для этого предлагается исключить органы, ведающие СМИ, из системы исполнительной власти, и перейти к формированию органов управления СМИ на паритетных началах с парламентом, правительством и судебной властью. Цель этого предложения — изменить ситуацию, при которой одна из фактических ветвей власти (информационная) оказывается невыборной, несменяемой и бесконтрольной.

В любом случае необходимо искать точки опоры, позволяющие человеку ориентироваться в бурных информационных потоках. Примеры таких точек — проверенные факты истории. Опорой может быть и здравый смысл, практический опыт, моменты истины, осознание того, что официальные СМИ способны на обман и что информационное воздействие сегодня является мощнейшим методом управления, оружием более мощным, чем вооруженные силы и даже ядерное оружие. Государственное противодействие бесконтрольной деятельности СМИ должно осуществляться различными способами и методами: перекрытием каналов распространения ложной информации, аргументированной критикой тех или иных положений, прямым разоблачением, противопоставлением дезинформации истины о тех или иных событиях. Причем реализация такого противодействия

должна быть наступательной, динамичной и острой.

В Декларации Ассамблеи Совета Европы «О средствах массовой информации и правах человека» (1970 г.) констатируется: «Печать и другие СМИ ...выполняют весьма важную функцию в интересах широкой общественности». Естественно, особые требования должны предъявляться к СМИ, к журналистам. Они должны соответствовать особым кодексам профессиональной чести, быть неподкупными и независимыми, выслушивать и давать возможность высказаться всем сторонам, допускать возможность критических высказываний и возражений, максимизировать число дискуссий по спорным вопросам. При изложении любого материала новости должны быть отделены от комментариев. Печать и другие СМИ обязаны выполнять свои функции с чувством ответственности перед обществом и отдельными гражданами. Действуя в интересах общественной безопасности, СМИ должны критически относиться к источникам информации, всеми силами бороться с некорректностями, уважать чувства и достоинство пользователей информации, должны отказаться от пропаганды насилия, порнографии, пьянства и т.д.

2. Объекты информационного управления и их характеристики

Объектом ИУ является некоторая аудитория, которую можно подразделить на специализированную и массовую. Основным их различием является характер объединения индивидов в данную аудиторию. Специализированная аудитория может быть выделена формальным образом (например, коллективы производственных предприятий) и неформально (например, болельщики ЦСКА). Массовая аудитория не представляет целостного образования, носит неорганизованный характер, не имеет четких закрытых границ и может меняться от одной ситуации к другой. В количественном отношении массовая аудитория не обязательно больше, чем специализированная.

Основой, базовым элементом любой аудитории является человек, имеющий индивидуальные характеристики, достоинства и недостатки. Поэтому в рамках ИУ должно быть изучено поведение человека в его взаимодействии с другими людьми, а также те аспекты поведения человека, которые связаны с его общением, принадлежностью к социальным классам и группам, участием в трудовых коллективах, политических организациях, неформальных группах и т.д. Поэтому фундаментальными понятиями при использовании ИУ становятся личность, как субъект выработки управленческих решений и объект их прямого и косвенного воздействия на аудиторию и коллектив. Именно в этих рамках в результате общения

реализуется деятельность личности и группы.

Как было отмечено выше, при использовании ИУ основную роль играет личность как элемент общения, участник коллективной деятельности, член многочисленных малых и больших групп и аудиторий. Однако не менее важную роль играют методы ИУ малыми коллективами, большими социальными общностями и массовыми процессами.

2.1. Личность как объект информационного управления

При рассмотрении личности, как объекта ИУ, из огромного числа ее характерных черт и признаков, известных психологической науке, следует выделить основные потребности и методы трудовой деятельности, жизненную позицию, доминирующие формы общения и психологические характеристики.

В настоящее время среди побудительных факторов трудовой деятельности на первый план выдвигается материальное и моральное поощрение личности в целом. Это объясняется тем, что, как правило, человек ценит в себе творческую личность. Ясно и то, что работник приходит к такому пониманию труда не сразу: материальные потребности остаются первичными, но как только они удовлетворены, на передний план выдвигаются более высокие человеческие потребности.

Исследования, предпринятые у нас в стране в последние годы, показали, что наиболее устойчивыми стимулами и мотивами трудовой деятельности являются: содержание труда и особенно наличие в нем творческих начал и инициативы; перспективы роста в избранной области деятельности; ориентация на заработок, как признание трудового вклада и средство удовлетворения многосторонних потребностей развития личности.

Значение творческого содержания труда неодинаково для работников различной квалификации. Для рабочих неквалифицированного ручного труда с высокой физической нагрузкой чаще всего ведущим стимулом является заработок. Однако заработок лишь отчасти компенсирует недостатки неквалифицированного труда. К такой работе можно привыкнуть, но стать потребностью личности она не может.

2.1.1. Жизненная позиция

Важнейшим интегральным признаком личности, означающим главное в ее отношении к обществу в целом, к коллективу, к работе является жизненная позиция. Этот признак наиболее тесно связан с мировоззренческим ядром личности, в нем отражается путь человека, полученное им воспитание, воздействие коллектива

и более широкой социальной среды. Варианты жизненной позиции личности можно классифицировать следующим образом.

Позиция социальной активности. В этом случае предполагается высокое развитие коллективизма, чувство ответственности и общественного долга. Эти качества обычно сочетаются с большой энергией, работоспособностью, компетентностью в порученном деле.

Позиция социальной инертности. Имеются в виду люди, у которых личная добросовестность к работе, честность в выполнении общественного долга сочетаются со слабым чувством коллективизма, ответственности за общее дело. Такая позиция есть определенное отклонение от нормы, хотя эти люди являются весьма благоприятным материалом для формирования позиции социальной активности. При работе с этой категорией сотрудников следует выяснить причины инертности работника или какой-то части коллектива. Эти причины могут состоять в особенностях жизненного пути и проблемах воспитания; в сложившейся неблагоприятной или неопределенной обстановке в коллективе; в природных, биологических чертах личности (особенности темперамента, здоровье и т.п.); в конкретных жизненных обстоятельствах работника. Только определив причины позиции социальной инертности, можно воздействовать на человека в целях повышения его активности.

Позиция потребительского отношения к жизни. Важнейшей чертой является направленность на удовлетворение личных интересов, при равнодушии или даже с возможностью ущерба для коллективных интересов; ориентация на материальные блага, на власть и даже на творчество, но с индивидуальной окраской. Нередко характерны энергичность и даже инициативность, которые при умелом информационном воздействии могут привести к полезным результатам.

Антиобщественная направленность. Такая позиция характерна лишь для очень немногих людей. Тем не менее они есть, и работа с ними, как правило, отнимает у руководителя значительно больше времени и энергии, чем работа с остальным коллективом.

Принимая во внимание позицию личности, надо помнить, что это — схема, а не описание позиций реальных, конкретных людей. В реальной жизни можно встретить смешение черт разных жизненных позиций: человек может быть активен в одной сфере и пассивен в другой; совсем не исключают друг друга высокая трудовая активность и большое внимание к зарплатке. Нельзя забывать и о том, что сама жизненная позиция не есть что-то застывшее и неизменное. Жизнь показывает, что даже у зрелых

казалось бы вполне сложившихся людей возможно целенаправленное изменение всей линии поведения.

Важной характеристикой личности, без знания которой невозможно эффективно использовать методы ИУ, является конформизм, то есть степень согласия с групповым мнением. Изменение поведения человека вплоть до того, что он способен не доверять собственному восприятию в процессе взаимоотношений с коллективом, общеизвестно. Это явление психологической податливости и называется конформизмом, а конформистами стали называть людей, не имеющих собственного мнения, послушных чужой воле. Правда, видимое согласие человека с коллективом ничего не говорит о природе этого согласия и может означать две принципиально разные позиции: действительное принятие коллективных норм, согласие с ними или маскировку за принятием этих норм равнодушия, социальной инертности.

Нонконформизм, противостоящий конформизму, также имеет два варианта. Бывают ситуации, когда человек, сознательно и принципиально убежденный в правоте своего дела и поведения, уверенный в себе, способный не только принимать решения, но и нести ответственность за их эффективность, противопоставляет себя коллективу, обществу — и бывает прав. Однако гораздо чаще нонконформизм переходит в действительное противопоставление личности коллективу, обществу, в раздутое самомнение и тщеславие и т.д. Крайний вариант нонконформизма — негативизм — полное непринятие норм ценностей коллектива и общества.

2.1.2. Информационное управление людьми с разным темпераментом

Наряду с жизненной позицией, важной составляющей поведения человека являются формы общения, к которым он предрасположен. Они зависят от психологических черт личности, называемых экстра- и интравертностью. Эта классификация связана с традиционным разделением людей по темпераментам (сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик), имеет выраженную социально-психологическую окраску и заключается в следующем.

Существенной чертой темперамента является скорость, с которой протекают психические процессы. Темперамент представляет собой основную черту эмоционального состояния человека. Внешним выражением темперамента является скорость, ритм и темп психологических реакций. Темперамент оказывает влияние на психику человека, его восприятие, эмоциональную устойчивость, память, процессы мышления, способы обращения

с другими людьми, отношение к жизни.

Различное поведение, реакция людей на внешние и внутренние возбудители обусловлены тремя основными особенностями или характеристиками нервных процессов раздражения и торможения: силой, уравновешенностью и изменчивостью. Разные типы высшей нервной деятельности определяются различными уровнями проявления указанных характеристик. Рассмотрим некоторые психологические признаки и особенности различных типов темпераментов, знание которых облегчает эффективное информационное управление.

Представитель первого типа темперамента — сангвиник — обладает живой реакцией, легко преодолевает трудности, способен к быстрым действиям, отличается хорошей работоспособностью, имеет широкие интересы, гибок в отношениях с людьми, общителен, дисциплинирован, хорошо работает в коллективе, склонен к оптимизму, отличается хорошим поведением в обществе. Вместе с тем в эмоциональном отношении представитель данного типа темперамента непостоянен, имеет склонность к легкомыслию, не всегда достаточно сосредоточен, несколько поверхностен, быстро воодушевляется, но его воодушевление также быстро и остывает, поведение его непостоянно, уживчив, иногда даже слишком, легко поддается влиянию.

В процессе ИУ человеком, обладающим таким темпераментом, целесообразно учитывать его активность и трудоспособность, его дружелюбие и откровенность. В то же время следует прививать ему терпение и настойчивость, постоянство и самокритичность, сосредоточенность внимания, более равномерный темп работы, укреплять в нем интересы, направленные на достижение более высоких целей.

Представитель второго типа темперамента — холерик — сильно и глубоко реагирует даже на возбудители малой интенсивности, способен к большому напряжению воли, высоким результатам в труде, работает в быстром темпе, предприимчив, может быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, самостоятелен, действует энергично, стремится проявить себя в коллективе. В то же время быстро раздражается, часто впадает в состояние аффекта, и в этом случае принимает необдуманные решения, иногда даже агрессивен. Его деятельность не всегда равномерна. При воодушевлении он нетерпелив, несколько неуживчив, упрям и строптив, властолюбив, легко обижается, не умеет владеть собой и иногда проявляет недисциплинированность.

В процессе ИУ таким человеком можно использовать его глубокую эмоциональную впечатлительность,

большую трудоспособность, инициативу, стремление проявить себя в коллективе. Тем не менее следует ослабить его вспыльчивость спокойным и рассудительным обращением, дисциплинировать его, стремиться сделать более терпимым к другим и прививать ему умение жить в коллективе, самообладание и выдержку. В общении с ним необходим скорее примирительный тон, но последовательная, прямая и открытая критика.

Представитель третьего типа темперамента — флегматик — отличается уравновешенностью, рассудительностью, упорством в труде, хладнокровием, надежностью, равномерным темпом работы, мало подвержен влиянию, но умеет приспособиться к требованиям коллектива, общества. Его удовлетворяет установленный порядок труда, он дисциплинирован и отличается самообладанием. В то же время он характеризуется слабо выраженными эмоциями, иногда безразличием, невосприимчив, иногда обладает небольшой гибкостью, склонен к работе в замедленном темпе, к лени, пассивности, имеет склонность к замкнутости, малоразговорчив, нерешителен и медленно избавляется от отрицательных черт и привычек.

В процессе ИУ целесообразно учитывать его спокойствие и рассудительность, равномерный темп работы, уживчивость и уравновешенное поведение. При этом следует развивать в нем инициативу, гибкость, приучать к более быстрому темпу работы, требовать более оперативно-го выполнения заданий и более решительных действий.

Представитель четвертого типа темперамента — меланхолик — отличается глубокой впечатлительностью, добросовестностью, чувством долга, настойчивостью, тщательным выполнением заданий, особенно в спокойной обстановке, дисциплинированностью, надежностью, даже преданностью работе. Такой работник благодарен за помощь и совет, которые должны, однако, оказываться тактично, так как он тяжело переживает жесткое и грубое обращение. Он слишком чувствителен, склонен к застенчивости, даже боязни, к недооценке самого себя, часто впадает в пессимистическое настроение. Его способность к выражению мыслей и чувств менее ярки, он не способен к более быстрым темпам работы и длительному трудовому напряжению, легко утомляется, имеет склонность к одиночеству, даже замкнут, недостаточно гибок и плохо приспосабливается, мало уживчив, скорее недоверчив. В серьезных жизненных ситуациях нерешителен и плохо переносит жизненные неудачи.

В процессе ИУ необходимо использовать его трудоспособность, глубокую восприимчивость и укреплять в нем уверенность в себе, уметь его похвалить, оценивать

его усилия, не предъявлять к нему чрезмерных требований, обращаться с ним спокойно и всегда по-хорошему.

При использовании методов ИУ особенно важно контролировать результаты исполнения решений и смотреть на данные мониторинга объективно. При этом следует учитывать возможность проявления непредсказуемых реакций у отдельных индивидуумов на то или иное ИУ, особенно связанное с изменением привычного стиля, условий или режима работы. Люди не всегда говорят то, что думают, в результате чего информация о проблемах или отклонениях в поведении может оказаться весьма неопределенной. Людям также свойственно не просто сообщать об увиденном, но и интерпретировать события. Поэтому иногда довольно трудно отделить толкования от фактов, истину от ее субъективного представления.

Большую роль при использовании методов ИУ имеют предубеждения и эмоциональность. Там, где дело касается конкретных людей, возникает естественная тенденция к избирательному восприятию и эмоциям, и поэтому задача выработки управленческих решений становится сложнее. И снова на помощь может прийти процедура постановки точных вопросов, как метод сортировки фактов и эмоциональных заявлений.

Практика использования ИУ показывает, что проблемы, связанные с конкретными людьми, решаются крайне тяжело. Обсуждение взглядов и личностей зачастую туманны, звучат угрожающе. Для поощрения желательного поведения людей (и прекращения нежелательного) весьма эффективен метод подкрепления. Этот метод с большим искусством применяется опытными государственными руководителями. Выработка в человеке ожидания положительной реакции на желательные действия (и негативной на нежелательные) является эффективным средством формирования поведения людей. При использовании этого метода не следует ждать момента, когда поведение, желательное или нежелательное, проявится полностью. Следует опережать события, распознавать их первые признаки и соответствующим образом реагировать. Немедленная реакция обычно оказывает сильное воздействие, а отложенная может вызвать только недоумение, досаду и путаницу.

2.2. Коллектив как объект информационного управления

Из множества групп, членом которых является каждый человек, главной является трудовой коллектив, где осуществляются основные социальные функции личности — труд, учеба, общественная деятельность. Именно в коллективе человек проявляется как работник и обще-

ственный деятель, здесь он ощущает общественное признание своего вклада в общее дело, свою связь с обществом в целом. В трудовом коллективе формируется чувство товарищества, взаимопомощи, ответственности и дисциплины.

Трудовой коллектив — это не просто группа людей, пусть даже и объединенная общими целями. Это сложное социальное образование с многослойной структурой внутренних и внешних связей, с определенным местом каждого члена коллектива в его структуре.

К внешним связям коллектива относят: его место в широкой социально-производственной структуре, характер заданных этой структурой целей, материальные и прочие потоки в процессе деятельности и т.п. Все эти и прочие внешние условия оказывают влияние как на коллектив в целом, так и через коллектив на каждого человека в отдельности.

2.2.1. Социально-психологический портрет коллектива

Важнейшим аспектом социально-психологического портрета коллектива являются его внутренние связи. К ним относятся как формальные связи между членами коллектива, определяемые выполняемыми функциями, должностными инструкциями, так и неформальные, определяемые психологическими взаимоотношениями внутри коллектива, характером деятельности, степенью зрелости коллектива, стилем руководства, особенностями характеров людей и многим другим. Важным моментом является, в частности, соотношение между формальной и неформальной структурой коллектива.

Формальная структура включает два различных типа отношений, а именно: отношения, связанные с общественным и производственно-техническим разделением труда, с одной стороны, и отношения, зависящие от имеющихся на предприятии социальных институтов — с другой. Эти структуры различны по своему происхождению и сущности, но их существование дает основание относить их к формальной структуре.

Внутри коллектива, как правило, образуются более мелкие группы — микрогруппы. В разных обстоятельствах, на разных этапах развития коллектива, цели и интересы подобных групп могут совпадать с коллективными, не иметь к ним отношения (любительские занятия) или в некоторых случаях противостоять коллективным целям. В процессе развития коллектива, целенаправленных действий по его формированию, возрастает единство коллектива, стираются существенные различия между микрогруппами. Однако само их существова-

ние — объективный факт, в котором реализуется возможность выбора личностью различных форм общения и деятельности. В подобных микрогруппах осуществляются межличностные отношения людей, основанные не на профессионально-функциональных связях, а на сопровождающих их отношениях симпатии, дружелюбия, привязанности, взаимного интереса. Ничто не мешает возникновению этих чувств по отношению и к другим членам коллектива, но сложившиеся различия людей, их вкусов, предпочтений, прошлого опыта и т.п. определяют их более узкий выбор. Межличностные отношения в коллективе представляют собой пестрый сплав симпатий и антипатий, взаимного уважения и равнодушия, лидерства и подчинения. Характер этих отношений во многом определяет психологический климат коллектива, его стабильность и эффективность деятельности.

Условием и предпосылкой существования всякого коллектива людей являются социально-коммуникативные процессы. Производственный коллектив формируется на основе совместного труда. Единство или близость интересов всех членов коллектива формирует социальную солидарность, общую заинтересованность в постоянном развитии производства, в умножении общественного богатства. Эти общие по своему характеру факторы «живляются» людьми в механизм и нормы взаимоотношений. Возникает своеобразный социально-психологический климат коллектива, оказывающий огромное влияние не только на производительность труда, но и на психологическое самочувствие людей, на их всестороннее и гармоничное развитие.

2.2.2. Социально-психологический климат

Благоприятный социально-психологический климат в коллективе характеризуют: непринужденная атмосфера общения; свободное обсуждение различных вопросов; понимание целей коллективной деятельности; выработка в случае разногласий общей точки зрения, превращающейся в групповую норму; принятие многих решений в так называемом «рабочем порядке», без предварительного обсуждения и голосования; влияние и авторитет руководителя; незначительная текучесть кадров и т.д.

На социально-психологический климат в коллективе большое влияние оказывают взаимодействие официальных и неофициальных организационных связей между его членами, стиль работы официального руководителя, уровень социально-психологических взаимоотношений членов коллектива. Практическая деятельность по совершенствованию взаимоотношений в коллективе не может быть успешной там, где не ведется работа по

улучшению условий труда и повышению его производительности, по совершенствованию организации и управления производством, где нет реальных возможностей творческого и профессионального роста.

2.2.3. Формирование коллектива

Формирование коллектива как социально-психологической общности достигается в процессе его превращения из простого объединения людей в группу, спаянную не только общими целями и корпоративными интересами, но и обладающую идейным единством.

Процесс формирования коллектива является достаточно сложным и длительным и включает следующие этапы: формирование целей коллектива и средств их достижения; определение требований к деятельности каждого члена коллектива и формальное создание коллектива; выделение ядра коллектива с одновременным разделением коллектива на микрогруппы по неформальным признакам и по отношению к целям коллектива. На этом этапе, по сути дела, определяется структура коллектива, ядро которого воспринимает цели и задачи коллектива, как свои собственные, между микрогруппами возникает тесное взаимодействие. При этом меняются взаимоотношения между коллективом и руководителем. Он теперь оказывается не какой-то внешней целеполагающей силой, а человеком, в котором наиболее полно воплощены цели коллектива. Соответственно меняется и стиль руководства, требования к коллективу начинают сочетаться с требованиями руководителей к эффективности своего руководства.

Следующий этап — этап зрелости коллектива, на котором достигается осознание единства интересов коллектива и каждого его сотрудника.

Представленные этапы формирования коллектива в значительной степени условны. Часто возникает задача формирования коллектива там, где люди работают вместе, но по каким-то причинам действуют разрозненно, вступают в конфликты между собой и руководителем. В целом, как показывает практика, именно перечисленные стадии характеризуют последовательное развитие коллектива, отражают реальный процесс формирования его и межличностных отношений, влияющих на эффективность управления.

На всех стадиях развития коллектива руководитель проводит целенаправленную работу по его консолидации. Пожалуй, важнейшим направлением является воздействие на структуру коллектива, в частности, соблюдение определенных пропорций между молодыми и опытными работниками, между мужчинами и женщинами, учет куль-

турного и общеобразовательного уровней т.п.

Наблюдения показывают, что сплоченность коллектива вовсе не требует, чтобы люди были одинаковыми. Более того, коллектив ровесников имеет определенную тенденцию замыкаться в рамках своего возраста, что может привести к известному застою, замедлению развития коллектива. И наоборот, когда вместе работают люди разного возраста, профессионального и житейского опыта, с разными вкусами и привычками, это сочетание разных качеств, усложняя организацию коллектива, повышает интерес сотрудников друг к другу и коллектива в целом. При этом люди старшего возраста приносят в общую деятельность опыт, рассудительность, высокие моральные нормы, а молодежь — энергию, стремление к новому. Ясно, что ни одна из этих черт не является привилегией какой-то одной возрастной группы, но чаще всего это соотношение бывает именно таким.

Следует отметить, что сложившиеся коллективы — один из самых сложных объектов ИУ. Примерами неформализованных специализированных аудиторий могут служить этнические группы, религиозные организации, организации рабочего движения, политические партии и т.д. Внутри таких аудиторий формируется определенная культура и идеология, поведение регулируется с помощью морального давления, в иных случаях — и принуждения. Их «идеология» направлена скорее на сохранение сплоченности, чем на достижение целей и решение задач. Связь между группой и ее членами основана скорее на эмоциональных узах, чем на рациональных идеях и целях.

2.3. Массовое общество как объект информационного управления

Смысл, вкладываемый в понятие «массовое общество», часто весьма различен, и за редким исключением, негативен. Обычно «массовое общество» выступает как «царство толпы», часть социума, противостоящая элите.

Понятие «масса», используемое для определения людских множеств, заимствовано, по мнению французского социолога С. Ориа, из физики, где масса характеризует единообразное поведение материи. Употребление этого понятия в общественных науках подчеркивает аналогию с инертностью и однородностью физических тел. С. Ориа пишет: «Индивиды, составляющие народные массы, так похожи друг на друга установками, вкусами, что кажутся повторением одного и того же психологического клише. Каждый воспроизводит стиль анонимной жизни, духовного склада, которые принадлежат не ему, но общественной группе, частью которой он яв-

ляется» [2].

Ряд социологов рассматривает массу как болезнь общности, в которой личность деградирует. При этом масса состоит из людей, индивидуальность которых уничтожена, как бы поглощена. Эта потеря личности происходит в пользу «стадного» и одновременно «атомизированного» индивида, потеря суждения в пользу лозунга, потеря внутренней глубокой жизни в пользу стадной экзальтации. Масса ведет себя как упрощенная личность: сохраняет общие черты и исключает индивидуальное превосходство. Главными типами массового поведения считают панику, апатию, бумы и сумасшествия, моды, мятежи, социальные движения.

Стереотипное мышление, комфортность, отсутствие самостоятельных суждений, недемократичность, внутренняя пустота — такими чертами обычно наделяют «человека массы» социологи. Суммируя различные характеристики толпы, массы, представленные в работах западных социологов, Г. Лиши выделяет три наиболее характерные ее особенности:

- 1) толпа, масса представляет единое целое, оказывающее воздействие на психику составляющих ее людей;
- 2) толпа оценивается как организм низшего порядка, по сравнению с «цивилизованной общностью», которую М.Тард называл публикой;
- 3) личность в массе нивелируется, «опускается вниз по лестнице цивилизации». В изолированном положении представитель толпы может быть культурным человеком, как заявляет С. Либон, в толпе — это варвар, то есть существо инстинктивное.

Рассматривая массовое поведение, социолог Г. Корнхаузер выделяет следующие его основные черты:

- 1) фокус внимания его участников перемещен с повседневных проблем на отдаленные цели — национальные или международные. Это ведет к утрате чувства реальности;
- 2) это «прямой способ реакции на отдаленные объекты», т.е. действия в обход «законных процедур». Г. Корнхаузер отмечает, что «политическая активность масс имеет тенденцию быть недемократичной, ...отрицает уважение к принципам свободной конкуренции и публичной дискуссии как основы для компромисса»;
- 3) чертой массового поведения является «нестабильность, готовность переместить фокус внимания, изменить интенсивность своей реакции — от апатии до активизма»;
- 4) «в массовом обществе массовое поведение протекает на высокой скорости и охватывает центры общества».

Заключение

Проанализированы механизмы и средства массового информационного управления и формирования общественного мнения при демократии. Рассмотрено информационное управление на основе терроризма, а также массовое манипулирование сознанием

Описаны объекты информационного управле-

ния и их характеристики. При выборе методов информационного управления личностью необходимо учитывать ее жизненную позицию, формы общения и темперамент. Рассмотрен коллектив, как объект информационного управления. Проанализировано влияние информационного управления на социально-психологический портрет, климат и формирование коллектива.

Литература

1. Кульба В.В., Кононов Д.А., Косяченко С.А., Цыганов В.В., Чернов И.В. Характеристики, методы и функции информационного управления / Информационные войны, №2, 2009, с.33–42.
2. Информационная безопасность систем организационного управления. Теоретические основы в 2-х т. / под ред. В.В.Кульбы. – М.: Наука, 2006.

Материал поступил в редакцию 6.05.2009.

© Нархова Е.Н.
Narkhova EN

РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

ADVERTISING AS A SOCIAL PHENOMENON

Аннотация. Мощным механизмом внедрения в массовое сознание социальных норм и ценностей выступает реклама. Объектом её влияния становится сознание человека, не только человека – потребителя, но и члена общества. Поэтому реклама как социальный институт, формирующий стиль жизни, распространяющий и пропагандирующий ценности и жизненные установки, может выступать как мощная интегрирующая сила для общества.

Annotation. Powerful mechanism for the introduction into the mass consciousness of social norms and values serves ads. The object of her influence is the human mind, not just individual - consumer, but also a member of society therefore, advertising as a social institution, shaping the style of life, spreading and propagating values and attitudes, can act as a powerful integrating force for society.

Ключевые слова. Плюрализм мировоззрений, моностилизм, полистилизм, молодое поколение, социальный заказ, реклама, социальный институт.

Key words. Pluralism outlook, monostilism, polistilism, the younger generation, social order, advertising, social institution.

Демонтаж советской общественной системы сопровождался переоценкой многих идей, традиций, ценностей. Потеря ценностных ориентаций, ценностный вакуум, хаотическое смещение общепризнанных ценностей, экспансия западной культуры – все это привело к возникновению плюрализма мировоззрений и может характеризоваться как переход от «моностилизма» к «полистилизму». Переходное состояние российского общества от принудительно направляемого хозяйствования к рыночному обусловило сдвиги в ценностных ориентациях и типах поведения различных слоев населения, но особенно ярко «полистилизм» проявляется в молодежной среде, что объясняется характерными особенностями молодежи как социальной группы, спецификой молодежной субкультуры, особенностями социализации в условиях переходного периода. «Сознание молодого человека обладает особой пластичностью, податливостью, способностью к усвоению огромного потока информации. Неустойчивость как черта молодежного сознания оказывает влияние на многие формы поведения. В этот период оформляются и приобретают устойчивость политические взгляды и мировоззрение, возникают профессиональные интересы, развивается сознание, складывается новый образ жизни, меняется стиль поведения» [1].

Молодое поколение несет в себе все противоречия, которые присущи обществу в целом. Трагедия молодежи как гомогенной, недифференцированной группы чревата ошибками и серьезными социальными последствиями, так как не только «конкретно-исторический образ молодежи отражает реально существующие в массовом взрослом сознании мнения, стереотипы, предубеждения, но и выводы социологов во многом влияют на этот имидж» [2].

Негативная общеполколенческая характеристика молодежи может сформировать «определенный социальный заказ», так как динамизм, неустойчивость, переходность социального статуса молодежи может способствовать формированию «навязанных» характеристик. Данный алгоритм формирования «социального заказа» отражен в полной мере в теории стигматизации, иллюстрирующей негативные последствия «навязывания ярлыков».

Молодое поколение лучше адаптируется к нынешним условиям и входит в современную экономическую систему, чем старшее поколение. Как показывает мировой опыт, в условиях становления рыночных стандартов (экономическая свобода действий, предприимчивость, готовность к риску, ориентация на успех, рационализм и прагматизм) появляется опасность возникновения доминанты материального благополучия, власти денег, легкой нажи-

вы, эгоизма. На фоне мировоззренческой неопределенности экспансия массовой коммерческой культуры, популяризация и идеализация западных ценностей и западного образа жизни способствовали формированию общества потребления. В системе жизненных ценностей образовался феномен гипертрофированного стремления иметь материальные блага, не обеспеченный равнозначным стремлением эти блага создавать. Этот феномен определяющим образом повлиял на основной вектор ценностных изменений у молодого поколения, выросшего в условиях неоднозначных, противоречивых рыночных реформ.

Мощным механизмом внедрения в массовое сознание социальных норм и ценностей выступает реклама. Объектом её влияния становится сознание человека, не только человека – потребителя, но и члена общества. Поэтому реклама как социальный институт, формирующий стиль жизни, распространяющий и пропагандирующий ценности и жизненные установки, может выступать как мощная интегрирующая сила для общества. Необходимо понимание того, как рекламное объявление вписывается в контекст нашей повседневной жизни, к каким социальным последствиям может привести, какие ценности оно пропагандирует.

Исходным и определяющим звеном в рекламной коммуникации выступают рекламодатель и рекламопроизводитель (рекламное агентство). Именно они определяют ситуацию на рынке рекламы и в рекламном бизнесе. В значительной степени на результат рекламной деятельности влияют их ресурсы, организации, степень включения, потребности, степень профессиональной компетенции и мировоззренческая позиция. Степень компетенции подразумевает не только уровень подготовки по прикладным отраслям знания (маркетинг, реклама, связи с общественностью, социальные технологии), но и общегуманитарным дисциплинам (философия, социология, антропология, психология, история), лежащих в основе мировоззрения коммуникатора. Целеполагание человеческой деятельности с необходимостью требует первоначального ответа на вопрос «зачем, для чего, каков смысл» и только затем поиски ответов на вопросы второстепенной значимости «каким образом». Поэтому высокий уровень освоения последних дисциплин способствует формированию аналитического, стратегического стиля мышления, концептуальных основ рекламной деятельности для решения не только экономических, но и социальных задач. Коммуникатор с высоким уровнем профессиональной компетенции определяет рекламу не только как экономико-маркетинговый инструмент, но в большей степени как технологию социального влияния. Технологический аспект организации

рекламной деятельности рассматривается как операциональный, детерминированный концептуальными основами рекламной деятельности, которые, в свою очередь, определяются системой ценностей коммуникатора, его отношением к обществу, своей деятельности, личности, потребителю.

Теоретической основой для изучения рекламных коммуникаций является теория коммуникаций, объясняющая различные способы взаимосвязей коммуникатора и реципиента.

В самом общем контексте рекламу можно определить как неличную форму коммуникации, инструмент воздействия коммуникатора на реципиента или субъекта рекламной деятельности (рекламодатель) на объект (потребителя). Исходя из этого положения, можно выделить четыре основные коммуникационные модели.

1. Модель одностороннего воздействия коммуникатора на реципиента характерна для начальных этапов появления маркетинговой теории. Она выстроена на экономическом подходе к потребителю. В рамках данной модели реципиент рассматривается как объект воздействия, реагирующий, как марионетка, на различные маркетинговые инструменты. Предполагается однозначная поведенческая реакция, при этом не принимается во внимание степень обратного влияния реципиента на коммуникативное сообщение. Данная модель рассматривает человека как средство для решения проблем бизнеса, основываясь на формуле «цель оправдывает средства».

2. Один из основателей теории информации К. Шеннон предложил модель двусторонней коммуникации, в которой признается влияние не только коммуникатора на реципиента, но и обратное влияние реципиента на коммуникативное сообщение как непосредственное, так и опосредованное. В данной модели реклама предстает как многоступенчатый процесс кодировки, передачи, декодирования и интерпретации информации. Данный процесс имеет информационные фильтры или барьеры, под воздействием которых декодирование и интерпретация информации могут не соответствовать первоначально передаваемой информации. Отсюда поведение реципиента не может быть спрогнозировано абсолютно точно.

3. Двухступенчатая модель коммуникации основана на исследованиях П. Лазарсфельда. В данной модели принимается во внимание не только взаимоотношение коммуникатора и реципиента, но и реципиента с другими потребителями. Здесь реципиент выполняет функцию коммуникации для коммуникации. Информация передается дважды, при этом на втором этапе происходит не только передача, но и трансформация информации в зависимо-

сти от восприятия первым реципиентом.

4. Социально-психологическая модель, в рамках которой рассматриваются взаимосвязи не только коммуникатора и реципиента, но и их взаимосвязи с их социальным окружением и их референтными группами. В данном случае коммуникатор и реципиент выступают не только как субъекты рыночных отношений, но прежде всего, члены общества, личности. Данная модель базируется на концепции социального маркетинга и направлена на установление равноправных, доверительных и взаимовыгодных отношений между членами общества.

Таким образом, экономические и социальные результаты рекламной деятельности зависят не только и не столько от знания рекламных технологий, но в значительной степени от системы ценностей, социальной ориентации коммуникатора, его взглядов на сущность человека, общества и мир в целом. Мировоззренческая позиция коммуникатора детерминирует его деятельность как субъекта рынка и как члена общества.

Социальные аспекты рекламы приобретают особое значение. Преследуя прагматические цели, реклама пренебрегает социальной составляющей, когда общечеловеческие высшие ценности (любовь, долг, истина, справедливость) стремится подчинить удовлетворению витальных потребностей. Например, когда фильм Н.С. Михалкова «Сибирский цирюльник», формирующий черты личности, являющиеся основополагающими в цивилизованном обществе (честь, достоинство), становится основой для рекламы пива «Сибирская корона», и офицер за бокал пива с лёгкостью способен расплатиться свадебным подарком. Возможно, с точки зрения рекламодателей пива такая абсолютизация желания и правомерна, но с социальной точки зрения это совершенно безответственно. Помимо этого, некоторые рекламные слоганы, слепо переносимые на российскую почву (например, «Я этого достойна. L'Oreal») могут при недостатке финансовых возможностей привести у наиболее социально-зависимых от воздействия СМИ и рекламы групп к не всегда осознаваемым, к невербализованным убеждениям (например, «Я этого недостойна»), отражающим общее неудовлетворенное состояние по отношению к себе, к своему месту в жизни, к статусу и т. д., а также создает повод для конфликта и ведет к дестабилизации семейных отношений вследствие растущих претензий подростка к формированию родителями его стиля жизни. Кроме того, смысл данного лозунга «человек достоин вещи» не выдерживает критики, так как достоинство человека приравнивается к обладанию определенными вещами, что находится в противоречии с ментальными основами российской культуры. Молодое поколение в ка-

честве ориентиров может выбрать под влиянием рекламы определенные ценности «общества потребления». Такой тип рекламы способствует формированию мировоззрения, искажающего родовую сущность человека: происходит отказ от преобразующей деятельности, тем самым человек отчуждается от своих имманентных характеристик.

Необходимо отметить наличие и другого типа рекламы, признающего достоинства человека не в обладании, а в знаниях, умениях и их нравственных характеристиках, т. е. в самом человеке. Такова реклама пива «Охота» и «Арсенальное», где в основе в первом случае лежит мысль о том, что человек не тот, у кого есть определенный набор благ и вещей, а кто сам своим трудом этого достиг, реализует себя и свои знания в преобразующей деятельности. Во втором случае на первое место выводится альтруистическая помощь, проявляющаяся в таком отношении к другому человеку и миру (герой ролика вернул отвязавшийся косяк на место).

Несомненно, в самом общем виде состояние рекламы в России отражает кризисное положение в экономике, культуре, государственности, равно как и трудности периода формирования рыночных отношений. Это обстоятельство объясняет, но не снимает с отечественной рекламы ответственности за «нестандартное» влияние на общество.

Формирование рыночной экономики способствует становлению и развитию общества массового потребления. В литературе превалирует отрицательная характеристика этого общества. Необходимо отметить его амбивалентность. Общество массового потребления также можно рассматривать как общество, где каждый его член имеет возможность удовлетворять свои потребности. Широкий спектр предлагаемых товаров и услуг при определенных условиях может способствовать развитию сущностных характеристик человека.

Становление рыночных отношений способствует формированию рыночно-ориентированного типа личности. Необходимо отметить, что у личности рыночной ориентации есть как положительные, так и отрицательные черты. Среди положительных Э. Фромм выделяет целеустремленность, контактность, любознательность и т. д. [3]. К отрицательным он относит беспринципность, релятивизм, неразборчивость в средствах достижения цели и т. д.

Опасность заключается в абсолютизации значимости вещей (перенос «центра тяжести» от человека на окружающие его вещи, замещение человека вещью) как средства идентификации, самоактуализации, что создает условия для манипуляции сознанием «человека потребляющего», превращает его в «вечного младенца». «Чело-

век потребляющий» попадает в сети рыночного общества потребления и уже не может остановиться и вырваться из порочного круга: производя все более разнообразную продукцию, он не в силах удержаться от соблазна приобрести и потреблять ее, тем самым стимулируя еще более разнообразное производство. В результате его бытие всецело подчиняется обладанию и потреблению. Он уже живет не для того, чтобы быть, а для того, чтобы иметь. И себя, и других он определяет с помощью формулы: «Я есть то, чем я обладаю и что я потребляю». В рыночном обществе с помощью социальных технологий формируется «рыночная личность», которая ведет себя подобно товару. Человек-товар предлагает свои таланты, возможности, способности в обмен на социальные блага. Если его таланты не востребованы, он вынужден в условиях рынка отказаться от своей сущности. Приобщение к миру престижных и красивых вещей становится самоцелью существования, смыслом бытия. Средство становится целью, отчуждая личность, деформируя саму структуру личности. Насаждаемая психология потребительства и выгоды приводит к нравственной деградации личности, к снижению ценности человеческой жизни, примитивизирует смысл бытия.

Основопологающим фактором для формирования определенного типа рынка («дикого» или «цивилизованного») является ценностная ориентация личности:

- как члена общества, как субъекта различных видов деятельности от вектора альтруизма, проявляющегося в концепции социально-этичного маркетинга до личности, возводящей в абсолют свои потребности;
- на уровне индивидуального бытия – ориентация на специфические ценности как смысл жизни.

Формирование определенного типа личности детерминирует определенный тип культуры, соответствующий тому или иному типу рынка. «Дикий» рынок с присутствием ему теневой экономикой, стремлением к прибыли любой ценой, конкурентной борьбой без правил, резким расслоением общества, несоразмерностью доходов и качества труда, практическим отсутствием социально значимых программ, пропагандируемым индивидуализмом и интерпретацией свободы как вседозволенности при внедрении в общество основополагающих общечеловеческих

ценностей трансформируется в рынок цивилизованного типа с социально ориентированной экономикой, более высоким уровнем оплаты труда, ориентацией на социальное партнерство, пониманием свободы как ответственности, инициативы и предприимчивости в рамках закона [4].

Процесс становления жизненных ценностных ориентаций не однозначен и не прямолинеен. Он протекает в борьбе взглядов и мнений, многие из которых через социальные институты оказывают влияние на формирование мировоззренческих установок молодежи. Многочисленные социологические опросы молодого поколения за последние годы убедительно свидетельствуют о противоречивости, сложности ценностных ориентаций, детерминирующих поведение молодежи, и их растущей дифференциации.

Реклама, транслируя определенные ценности и жизненные установки, формирует общественное мнение как по поводу рекламируемых товаров и услуг, так и по поводу связанных с ними потребностей, стремлений, стереотипов поведения и тем самым детерминирует образ жизни современного человека. Реклама, как форма коммуникации, информационным путем передает и формирует новые культурные стереотипы, образцы поведения, которые трансформируются в неотъемлемую составляющую культуры. Рекламные коммуникации способны выступать инструментом сохранения национальных традиций и передавать их другим поколениям, используя знаки, мифы, символы, олицетворяющие образ страны. Функция рекламы по созданию потребительских установок по своей социокультурной значимости выходит далеко за пределы узко экономической сферы. Здесь речь может идти о новой функции – формирования стиля жизни, распространения и пропаганды ценностей и жизненных установок, что возможно лишь при формировании общественного мнения по поводу стандартов и норм поведения, а также интеграции общества на основе этих стандартов и норм.

Таким образом, реклама – это фактор, который оказывает все возрастающее влияние на ход общественного воспроизводства. Диапазон воздействия рекламной информации распространяется практически на все основные формы человеческой жизнедеятельности.

1. Левичева С. И. Молодежная субкультура: уч. пособие. – М.: Фаир-пресс, 2004. – С. 27.

2. Вишневский Ю. Р. Социология молодежи: перспективы развития / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шатко // Большой Урал – XXI век: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конф. Ч. 1. Тринадцатые Уральские социологические чтения. – Екатеринбург: УТУ–УПИ, 2001. – С. 122.

3. Фромм Э. Человек для себя // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя: Пер. с англ. м М: АСТ, 2004. м С. 512 – 514.

4. Вишневский Ю. Р., Шатко В. Т. Социология. Курс лекций. – Екатеринбург, 2000. – С. 130.

Материал поступил в редакцию 6. 10. 2009.

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 316.65

© Бухарин С.Н.
Bucharin S.N.

РЕПЛИКА НА ВИЛЬНИОССКУЮ ДЕКЛАРАЦИЮ

REMARK ON THE VILNIUS DECLARATION

Аннотация. «ОБСЕ обвинила СССР и Германию в развязывании Второй мировой», которая начинается словами: «Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) на 18-й ежегодной сессии одобрила Вильнюсскую декларацию, состоящую из 28 резолюций. Декларацию поддержали 213 парламентариев из 320 заседающих в ассамблее».

Annotation. «OSCE has accused the USSR and Germany of starting the Second World War» saying that: «the Parliamentary assembly of the Organization on safety and cooperation in Europe (OSCE) at 18th annual session has approved the Vilnius declaration consisting of 28 resolutions. The declaration was supported by 213 members of parliament from 320 sitting at assembly. <http://top.rbc.ru/politics/03/07/2009/313698.shtml>».

Ключевые слова. ОБСЕ, Вторая мировая война, Вильнюсская декларация, фальсификация истории, деструктивный механизм.

Key words. OSCE, the Second World War, the Vilnius declaration, history falsification, the destructive mechanism.

Принятая резолюция полностью уравнила роли Советского Союза и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны. При этом нацистские преступления были приравнены к «преступлениям сталинизма». В частности, в резолюции отмечается, что «советский режим несет ответственность наравне с Германией за развязывание Второй мировой войны», – передает Associated Press».

Далее следовала просьба подготовить «аналитический материал, где оценивался бы пакт «Риббентроп-Молотов», Мюнхен, Вторая мировая и все-все, что имеет отношение к делу».

Начнем с того, что все было бы очень просто, если бы подобные «аналитические материалы», даже самые глубокие и самые честные, хоть как-то могли изменить сложившуюся ситуацию, тогда уже завтра, более 200 парламентариев ОБСЕ отказались бы от своей оценки роли СССР во Второй мировой войне.

Сейчас очень важно понять, что главная угроза России исходит не от литовского депутата Вилии

Алекнайте-Абрамикене и ее польских, прибалтийских, словенских и пр. коллег. Источники многих угроз для суверенитета и территориальной целостности России находятся в ее столице.

На протяжении четверти века наша так называемая интеллектуальная элита при государственной поддержке с маниакальной последовательностью и упорством добивалась «мирового признания» положений, изложенных в Вильнюсской декларации ОБСЕ. Академические институты, университетские кафедры, государственные СМИ двадцать пять лет «вдалбливали» населению простейшие «истины»: коммунистический режим преступен, войну развязал СССР, Сталин оккупировал Восточную Европу и устроил там геноцид. Либеральные реформы системы российского образования до сих пор направлены на то, чтобы и в многочисленных учебниках и учебных пособиях по истории доминировали подобные оценки.

Стоит ли вообще России возмущаться, ОБСЕ только подвела итог многолетней кампании по стиранию

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН, тел. +7(495) 580-48-80.

Bucharin Sergey Nickolaevich – the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IPM RAS, tel. +7(495) 580-48-80.

«белых пятен» в российской истории, так щедро финансируемой нашим государством и международными неправительственными фондами.

Существенную роль в доведении «исторической правды» до широких масс играют, например, многолетние проекты «Переписывая историю Второй мировой», «Цена победы» («Эхо Москвы»), «Историческая Комиссия» («Радио Свобода») и др. На бюджетные деньги, в частности, семьей Правдюков создан 100-серийный (!) документальный телевизионный фильм «Вторая мировая. День за днем», направленный, по нашему мнению, на искажение роли Красной Армии в победе над фашизмом и прививающий негативное к ней отношение, и фильм В. Синельникова «Последний миф» о В. Резуне (Суворове), где осужденный за государственную измену предатель представляется борцом с тоталитарным режимом. Финансируется бесконечный телевизионный проект «Исторические хроники» Николая Сванидзе, в котором у телезрителя может создаться впечатление, что история Россия предстает собой смердящее выжженное пространство, населенное рабами, время от времени поедающими своих детей.

И, вообще, чему удивляться, если, как представляется, оценки ответственности СССР и Германии за развязывание войны, данные Вильнюсской декларацией и директором Института российской истории РАН (головного по истории России!) А. Сахаровым не противоречат друг другу.

Из высказываний ведущего (по должности) историка России можно сделать вывод, что член-корреспондент РАН согласился с тем, что советский режим несет «значительную» ответственность «за развязывание войны в рамках концепции мировой революции». В программной статье «О новых подходах в российской исторической науке. Рубеж XXI века» позиция А. Сахарова сближается с идеей «историка» В. Резуна (Суворова). «На одно из первых мест в переосмыслении истории России и СССР выдвигается проблема Великой Отечественной войны СССР в 1941 – 1945 гг. Наряду с традиционной историографией, не выходящей в основном за рамки официальной версии войны, данной в свое время И. В. Сталиным и последующими партийными документами, разрабатывается и иная версия – значительной ответственности советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовки Сталинского руководства к превентивной войне против Гитлера. Сегодня, кажется, уже никто не сомневается в наличии у Сталина такого намерения».

В 2004 г. в статье «О сталинизме» упомянутый ди-

ректор академического института пишет: «Модным в последнее время стало отождествлять тоталитарную систему, которая сложилась в Советском Союзе при Сталине, и тоталитарную систему, которая сложилась в Германии при Гитлере. По форме здесь было много общего, много аналогий и совпадений: и однопартийная система, и вождизм, и система репрессий и бешеный идеологизм, и даже тяга, стремление к огосударствлению собственности и установление командной системы в экономике. Но люди, которые являются адептами этого отождествления, забывают о главном – о том, что у германского фашизма и советского тоталитаризма была совершенно разнородная социальная основа». То есть, по А. Сахарову, режимы И. Сталина и А. Гитлера суть одно и то же и отличаются лишь «социальной основой».

Директор не менее авторитетного академического института Ю. Пивоваров, как представляется, также полностью согласен с оценками Вильнюсской декларации. В интервью журналу «Профиль» №32, сентябрь 2008 г., академик констатирует: «СССР – империя зла», а советская власть «самая большая трагедия России за 1000 лет ее существования».

«Александр Невский, по Ю. Пивоварову, одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории», а «Кутузов был лентяй, интриган, эротоман, обожавший модных французских актрис и читавший французские порнографические романы».

Председатель международного комитета Совета Федерации Михаил Маргелов, представляющий интересы России в ОБСЕ, не отрицает «ответственности СССР», но поскольку Российская Федерация является правопреемницей СССР, то признавая «ошибки сталинского режима», российский конгрессмен, по существу, соглашается с положениями Вильнюсской декларации [1].

Мне, как и многим россиянам, непонятна необходимость участия России в этой ОБСЕ, а также чьи интересы уже много лет представляет там господин Маргелов.

Хочется обратить внимание на то, что автор публикации «ОБСЕ обвинила СССР и Германию в развязывании Второй мировой» – патриот, он глубоко возмущен содержанием Декларации, но «Вторая мировая война» пишет с большой буквы. К слову сказать, «Родина» у нас уже никто не пишет с большой буквы. За двадцать лет изменились даже грамматические нормы. Весьма уважаемый многими нашими «историками» В. Резун (Суворов) очень этого желал. Вот что он в свое время написал: «Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа, я замахнулся на единственную святыню, которая у народа осталась, – на память о Войне, о так называемой “вели-

кой отечественной войне». Это понятие я беру в кавычки и пишу с малой буквы... Вторая мировая война – это термин, который коммунисты приучили нас писать с малой буквы. А я пишу этот термин с большой буквы и доказываю, что Советский Союз – главный ее виновник и главный зачинщик... Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали и с того самого момента началась «великая отечественная война». Эту легенду я вышибаю из-под ног, как палач вышибает табуретку... Похоже, что «историк» В. Резун (Суворов) своего добился.

При информационном противоборстве с геополитическими конкурентами России мы не обладаем сегодня ресурсами, необходимыми для доведения информации до целевой аудитории и обеспечения нужного числа информационных контактов для формирования «правильных», с нашей точки зрения, убеждений населения не только для Западной Европы, но даже для нашей страны.

Здесь важно понять то, что на российской территории в конце прошлого века был сформирован механизм ее саморазрушения, который эффективно действует через СМИ, систему государственного образования, академические институты, университетские кафедры, неправительственные организации. Для обеспечения достойного статусного положения России в мировой системе будущего надо данный механизм демонтировать и «запустить» механизм, который будет способствовать обеспечению интересов России.

Для этого необходима лишь политическая воля нашего руководства видеть Родину суверенной и процветающей.

Первый шаг в этом направлении сделан 15 мая 2009 года. В этот день вышел Указ Президента Российской Федерации №549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Вокруг Указа развернулась информационная война. Его выход явился поводом для дополнительного финансирования структур, осуществляющих информационную агрессию против России. Так, на сайте «Радио Свобода» появилась новая рубрика «Историческая комиссия», значительно выросло количество публикаций, направленных на очернение российской истории, авторы которых совершенно не боятся ответственности за публикуемую ложь. Более того, есть основания утверждать, что Вильнюсская декларация ОБСЕ является ответом на выход настоящего Указа. «Так, среди мер по осуждению тоталитаризма ОБСЕ предлагает странам-участницам отказаться от «структур и моделей поведения, нацеленных на то,

чтобы приукрасить историю». Этот пункт может быть истолкован Россией как упрек в адрес президента России, недавно создавшего комиссию по борьбе с фальсификацией истории»[2], то есть наши геополитические конкуренты активно действуют.

У Комиссии же «мертвый сезон» – пора отпусков длилась несколько месяцев. Пока никакой активности с ее стороны не наблюдается. Первое собрание Комиссии констатировало необходимость инвентаризации учебников истории. Ни критериев фальсификации (как и фальсификаторов) истории, ни требований к данным учебникам при этом не существует. Отсюда идея инвентаризации не имеет никакого смысла. Не была отмечена необходимость пересмотра общеобразовательных стандартов. В словах членов Комиссии наблюдалось большое желание «выглядеть стерильными демократами в глазах цивилизованного человечества» и ничего более. Помимо всего прочего, имена и деятельность некоторых членов Комиссии вызывают сомнения в эффективности ее работы.

P.S. Прошедшие мероприятия по поводу 70-летия начала Второй мировой войны вызвали целый вал публикаций во всемирной «паутине». Следует отметить, что за явным преимуществом здесь лидируют фальсификаторы.

Наиболее популярными среди них являются следующие приемы ложного доказательства:

1. *От сказанного в относительном смысле - к сказанному безотносительно.*

Здесь в обоснование тезиса лжец приводит аргументы, которые верны только при определенных условиях или в определенное время, а их рассматривают как верные при любых обстоятельствах. В частности, это происходит тогда, когда событие вырывается из исторического и временного контекста и рассматривается с точки зрения сегодняшнего дня. Например, события, произошедшие в условиях войны в мирное время можно оценить как преступления. Но боксера, пославшего в нокаут соперника, не сажают в тюрьму за хулиганство, а солдат и офицеров после боя за убийство.

Статья «историка» А. Гогуня «За Родину, за Сталина!» является яркой иллюстрацией лжи, построенной на данном приеме доказательства. Приведем следующую цитату [3]:

«Кирилл Александров поднимает вопрос о том, были ли действительно виновны власовцы в правовом смысле слова (безотносительно к советским законам сталинского времени). Однозначный вывод не сформулирован, но аргументация автора заслуживает внимания: «В уголовном праве существует понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния. К ним относятся не-

обходимая оборона, причинение вреда при задержании, физическое или психическое принуждение... и – особо нас интересующее – состояние крайней необходимости. Под последним подразумевается наличие опасности, непосредственно угрожающей личности, правам, интересам общества и государства. При наличии политической воли не подлежит сомнению и не потребует особых доказательств тезис о степени крайней опасности партийного... государства... Оценка всего антисталинского протеста 1941-1945 гг. с точки зрения наличия де-юре для его участников состояния крайней необходимости устраняет любые рассуждения об «измене Родине»...

В условиях военного времени измена – это нарушение воинской присяги со всеми вытекающими последствиями. Безотносительно это к советским законам сталинского времени или не безотносительно. В данном конкретном случае «историк» Александров выбор военнослужащего «предать – не предать» во время кровавой войны приравнял к выбору обывателя в супермаркете «покупать – не покупать» шампунь той или иной торговой марки. Если этот «историк» сделал это умышленно с целью ввести читателей в заблуждение – он лжец.

Аналогично, по нашему мнению, лжет «историк» Б. Соколов, «изобличая» маршала Г. Жукова в статье «Георгий Жуков: народный герой или маршал-людоед» [4].

Понятно, что посылать подчиненных в атаку, обрекая многих на смерть, с позиций сытого, живущего в мирной Москве «историка» является страшным преступлением, но на войне это необходимо делать, иначе не победишь. Можно назвать десятки выдающихся полководцев, вошедших в мировую историю, которые превосходили по жесткости маршала Жукова. Например, маршал авиации Артур Харрис и командующий стратегической авиацией США генерал Спаатс не были выдающимися полководцами, но по их приказам была «выбомблена» Германия. Бомбардировке подвергались мирные города со слабой системой ПВО. В результате санкционированного убийства было уничтожено полтора миллиона беззащитных женщин, стариков, детей. Досталось даже союзной Франции, в результате налетов союзников погибло 59 тысяч ни в чем неповинных французов.

2. Нарушение закона противоречия.

Суть этого приема заключается в том, что сознательно нарушается истина: «Не могут быть истинными (ложными) две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении». Это так называемый принцип «двойных стандартов», когда одни и те же действия, совершенные разными субъектами оцениваются по-разному. Как гово-

рится: «Что дозволено Юпитеру, то недозволено быку!». Например, Польше, Англии, Франции можно заключать мирные договоры с нацистской Германией, а СССР никак нельзя.

В статье «В Польше считают, что Сталин несет не меньшую, чем Гитлер, ответственность за развязывание Второй мировой» [5] авторы доктор Славомир Дембский – директор Польского института международных дел и доктор Марек Корнат – доцент Института истории Польской академии наук пишут следующее: «особенное значение имел подписанный Германией и Польшей в 1934 году договор о ненападении».

Этот шаг сегодня зачастую представляется в ложном свете, в том числе некоторыми представителями российских СМИ. Между тем заключение этого договора было одним из важных достижений польской дипломатии в период распада международной системы, опиравшейся на Лигу Наций.

Без нормализации отношений с немцами польское государство могло превратиться в разменную монету, благодаря которой английские и французские политики попытались бы выиграть для себя несколько лет мира». То есть договор, заключенный Польшей с нацистской Германией, благо и «важное достижение польской дипломатии. Совсем другое дело «пакт Рибентропа-Молотова». Этот шаг Советского Союза оценивается иначе.

«В результате договора, заключенного 23 августа 1939 года, Центральная Европа на многие годы потеряла возможность независимого развития. Начался период завоевания региона двумя тоталитарными державами, а его народы более чем на полвека утратили право на самоопределение.»

Однако очень трудно вести исторический диалог, если не признать государство Сталина агрессивным, стремящимся к экспансии и не соглашающимся с территориальным статус-кво. Нелегко конструктивно обсуждать внешнюю политику СССР, если не учитывать его тоталитарный характер. Сталинский режим вошел в историю как одна из самых преступных систем власти, которая вместе с немецким нацизмом сформировала страшный опыт человечества в XX веке. Самую высокую цену заплатили народы, входившие в состав СССР, а также те, которые стали предметом совместных действий Гитлера и Сталина, начавшихся с договора, заключенного ими 23 августа 1939 года». Приводя данную обширную цитату, необходимо отметить тот факт, что маститые польские ученые в статье ни словом не обмолвились о территориальных приобретениях Польши в Чехословакии после Мюнхенского соглашения.

Таким образом, Польше в 1938 г., действуя совместно с союзной Германией, можно оккупировать Тешинскую и Фриштадскую области Чехословакии, а СССР нельзя выйти на линию Керзона, определенную международным сообществом как границу между Россией и Польшей. Польша может присоединить чешские области с польским населением, а СССР вернуть, захваченные той же Польшей части Украины и Белоруссии ни в коем случае нельзя. Русские должны извиняться за «пакт Риббентропа-Молотова», а поляки, англичане, французы, итальянцы, испанцы и прочие «белые люди» – не должны стыдиться мюнхенскогоговора, полагают Б. Соколов в статье «Сажание на протокол» [6], И. Павлова в статье «Договор о ненападении» [7].

«Действия польской стороны в Чехословакии, которые в Польше считают исторической ошибкой, никак нельзя сравнивать с массовыми депортациями и расстрелами, которые происходили на оккупированных советскими войсками польских территориях», – так буквально заявил Михник в своей статье «Путин привел сомнительные сравнения» [8]. Правозащитник, видимо, считает справедливой и обоснованной массовую депортацию немецкого населения с их исконных земель, которые в результате соглашения СССР, Англии и США отошли Польше, кстати, это соглашение никто не называет «преступным». В результате массовой депортации немецкого населения, осуществленной поляками, чехами и венграми, погибло два миллиона человек. Но «что дозволено Юпитеру, недозволено быку».

Россия должна извиниться за Катынь, но такое извинение было сделано и памятники установлены. Польша, однако, не собирается извиняться за заморенных голодом и холодом наших красноармейцев, не собирается и памятники возводить. То, что десятки тысяч людей скончались от голода и тифа в польских концентрационных лагерях не может квалифицироваться, как убийство. «Ничего страшного! Ведь их не расстреляли», – считает Борис Соколов в статье «Варшавское воззвание» [9].

«Давайте будем серьезны: вся правда о судьбе советских военнопленных должна быть раскрыта. Но одно уже ясно: ни один из них не был убит выстрелом в затылок», – пишет «правозащитник» Михник [10].

В связи с этим преступлением вспомним один эпизод из истории Великой Отечественной войны. В самом ее начале более 100 тысяч красноармейцев были помещены в концентрационный лагерь недалеко от населенного пункта Саласпилс. Место было обнесено колючей проволокой. Пленные жили под открытым небом, ни еду, ни питья им не давали. Люди пытались выжить,

объели всю кору с деревьев, рыли норы, в которых прятались от холода, но, в конце концов, все до одного скончались. Смерть их была ужасной, уж лучше пулю в затылок.

На месте трагедии недалеко от станции электрички «Доле» стоит памятник замученным советским воинам. Никто не подвергает сомнению преступление нацистов. А аналогичное «деяние» поляков, как оказывается, никакое не преступление. И извиняться не за что, не говоря уж о памятниках.

3. Ошибка произвольного вывода.

В этом случае у фальсификатора доказываемое положение вытекает из аргументов лишь кажущимся образом, тогда как на самом деле из этих аргументов вытекает или другое положение, или же не вытекает никакого. Приведем следующий пример применения данного приема ложного доказательства. В статье «Меркель: Не забывайте о депортированных немцах» [11] приводятся слова канцлера Германии Ангелы Меркель: «Мы признаем, что Германия напала на Польшу, развязала Вторую мировую войну и причинила невероятные страдания, Однако изгнание более чем 12 миллионов людей с территорий бывшей Германии и нынешней Польши, конечно, было несправедливым, и это также следует признать».

В августе 1945 года Нюрнбергский трибунал признал депортацию народов преступлением против человечества, однако, несмотря на это, из своих домов в Польше, Чехии и Венгрии были изгнано 14 миллионов немцев. Два миллиона немцев, в большинстве беззащитных стариков, женщин детей, при этом погибли.

В конце упомянутой выше статьи следует справка, то есть некое обобщение, некое следствие из сказанного. Сначала приводятся данные о миграции в конце войны немцев из Восточной Пруссии. Затем следует буквально следующее: «На территориях Восточной Пруссии и прочих землях, переходивших Польше и СССР, также имели место случаи массовых расправ с фольксдойче. Наиболее известна так называемая «резня в Неммерсдорфе» – первое и единственное официально задокументированное свидетельство репрессий Красной Армии против гражданского немецкого населения, имевшее место 21 октября 1944 года. После того, как Неммерсдорф был отбит гитлеровцами назад, они обнаружили 26 трупов местных жителей, часть из которых была раздавлена гусеницами танков. В основном это были люди пожилого возраста, а также несколько детей и подростков». В этой связи уместно обратить внимание на то, что в любой средней по количественному составу армии мира под гусеницами и колесами боевой техники в год во время учений гибнет больше военнослужащих. Тем не менее 26 трупов и

два миллиона трупов по замыслу автора справки должно означать равные величины. Сделано это ради оправдания поляков или обвинения русских – непонятно!

4. *Ошибка относительного следствия – это игнорирование возможности множественности причин.*

Все разговоры о пакте Молотова-Риббентропа и ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны наглядный пример применения данного приема ложного доказательства [6,7].

Напрасно Б. Соколов иронизирует по поводу того, что главной «причиной Второй мировой войны называется Версальский мир 1919 года» [12]. Целая серия событий, протекающих в мире в XIX и начале XX веках, привела человечество ко Второй мировой войне.

5. *Предвосхищение основания.*

Здесь лжец в качестве основания (аргумента), подтверждающего тезис, приводит такое положение, которое, хотя и не является заведомо ложным, однако само нуждается в доказательстве. Так, в частности Б. Соколов в статье «Мифы и правда о Сталинградской битве» пишет: «... В 13-м мехкорпусе вышло из строя 34 танка, из них 27 подорвались на минах противника». Неудивительно, что наши танкисты несли большие потери. Ведь им пришлось руководствоваться идиотическим приказом товарища Сталина от 19 сентября 1942 года, предписывавшего «танковым частям Действующей армии с момента подхода к боевым порядкам своей пехоты атаку противника начинать мощным огнем с ходу из всего танкового вооружения как из орудий, так и из пулеметов, не бояться того,

что стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с хода должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника и прежде всего на его главную силу». Поскольку стабилизаторы, позволявшие вести прицельную стрельбу из танковых пушек, появились только в 50-е годы, сталинский приказ обрекал танкистов на стрельбу в белый свет как в копеечку и бесполезную трату снарядов».

Но совершенно непонятно, как танки, подорвавшиеся на минах, могут быть связаны с приказом Сталина.

Отметим, что Б. Соколов является профессором и преподает историю в одном из столичных университетов. Борис Вадимович часто выступает в СМИ, дает по любому случаю «экспертные» заключения, консультирует. Сеет, так сказать, «разумное, доброе, вечное». Его труд оплачивает Россия, которую он не любит. Кто с последним не согласен, тот пусть попробует найти хоть что-то позитивное в истории нашего государства, создаваемое Б. Соколовым.

В связи с этим хочется отметить одну проблему современной России. «Историки - фальсификаторы» востребованы нашими геополитическими противниками. Они регулярно получают из-за рубежа гранты, но их финансирует, как оказывается, и государство. Создается впечатление, что честные историки, квалифицированные инженеры, молодые ученые не очень-то нужны России.

Если ничего не изменится, Россия обречена на поражение в информационном противоборстве со своими геополитическими конкурентами (контрпартнерами).

Литература

1. <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID#1196402>.
2. <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID#1196402>.
3. [<http://grani.ru/Society/History/m.40238.html>].
4. <http://www.zeka.ru/symbols/articles/zbukov/>.
5. <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/094/11.html>.
6. <http://grani.ru/Politics/Russia/m.153296.html>.
7. <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.155767.html>.
8. <http://grani.ru/Politics/Russia/m.156454.html>.
9. <http://grani.ru/Society/Law/m.87291.html>.
10. <http://grani.ru/Politics/Russia/m.156454.html>.
11. <http://grani.ru/War/m.156503.html>.
12. <http://grani.ru/opinion/sokolov/m.156418.html>.

Материал поступил в редакцию 6. 10. 2009.

© Найденнова Н.В.
Naidyonova N.V.

А СУДЬИ КТО?

WHO ARE THE JUDGES?

Аннотация. Премьер-министр В.В. Путин назвал пакт Риббентропа-Молотова «аморальным», но существуют ли «моральные», отличающиеся «высокой нравственностью», международные соглашения? Ведь по своей сути все без исключения подобного рода соглашения делят рынки и сферы влияния. При дележе всегда остаются обделенные субъекты. В связи с этим какая существует необходимость оправдываться и извиняться? Тем более, что никакие извинения не изменят отношение польских элит к России, как и к Украине, Германии, Чехии, Литве. Только возвращение к границам 1772 года, при условии сохранения западных границ Польши может ненадолго ее успокоить.

Annotation. Prime minister V.V. Putin called Molotov–Ribbentrop Pact «immoral», but whether the «moral» international agreements exist notable for their «high morals»? After all all such agreements without any exception are dividing the markets and influence spheres. There are always deprived subjects at such a sharing. In this connection, what is a necessity to justify and apologise? As no apologies, will change the attitude of the Polish elite to Russia, as well as to Ukraine, Germany, Czechia, Lithuania. Only returning to borders of 1772, under condition of preservation of the western borders of Poland can calm it down for a while.

Ключевые слова. Пакт Риббентропа-Молотова, Вторая мировая война, Мюнхенские соглашения, еврейские погромы.

Key words. Molotov–Ribbentrop Pact, the Second World War, the Munich agreements, the Jewish pogroms.

Меня не удивляет та чудовищная ложь, которая обрушилась на нас после подписания Указа Президента РФ «О Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Не стала неожиданностью и трусливая, продажная, если не сказать больше, позиция ЛПР (лиц, принимающих решения), призванных в силу своего положения и требований должностных обязанностей защитить нас от этой лжи.

Источники лжи находятся как в России, так и за рубежом. Так, польская газета «Дзенник» в статье «Новая версия истории по-русски» комментирует сюжет телепрограммы «Вести недели»: «Сначала на официальном сайте Министерства обороны России появилось утверждение, что это Польша виновата в начале Второй мировой войны, а теперь русские распространяют еще большие глупости. Телевидение «Вести 24» сообщает, что мы вместе с Японией хотели напасть на СССР, а кроме того – что Гитлер был нашим союзником!». Автор статьи обращает внимание на то, что, по мнению российской стороны, пакт Риббентропа - Молотова помог Советскому Союзу вернуть «неза-

конно занятые поляками территории, а Вильнюс вернуть Литве», однако «журналисты не говорят о том, что Прибалтийские республики были оккупированы СССР».

«Газета Выборча», в свою очередь, сообщает, что польское посольство в Москве протестует против неправдивой информации, которую распространяет российское телевидение: «Посольство заявляет, что такие материалы – неудачная попытка пересмотреть результаты работы как польских, так и российских историков. Особенно удивительным представляется то, что в подготовке этих материалов, которые приносят вред интересам России, принимал участие один из членов недавно созданной Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории. Это яркий пример фальсификации истории». Газета приводит слова польского посла в России Ежи Бахра: «Телевизионный репортаж подготовлен без должного старания и содержит лживые сведения, которые наверняка не улучшат польско-российские отношения».

Но, во-первых, Польша, действительно, была союзником Германии и как союзник нацистов приняла деятельное участие в разделе Чехословакии.

Найденнова Надежда Владимировна – студентка Российского государственного университета печати.

Naidyonova Nadezhda Vladimirovna – the student of the Russian state university of the press.

Доподлинно известно, что в сентябре 1938 года польское правительство сообщило Гитлеру о своём желании полностью ликвидировать Чехословакию как независимое государство, так как рассматривало Чехословацкую республику «как создание искусственное... не связанное с действительными потребностями и здоровым правом народов Центральной Европы». Именно на основе этого взаимопонимания в том же сентябре было заключено германо-польское соглашение о координации военных действий против Чехословакии. Далее, как известно, последовал польский ультиматум Чехословакии о присоединении к Польше «земель с польским населением». И чем тогда поляки отличаются от нацистов?

После полной оккупации Чехии Германия была исключена из Лиги Наций, ее интересы представляла Польша, которая тогда приветствовала территориальные захваты не только Гитлера, но и Муссолини.

Наши польские коллеги и отечественные правозащитники никак не комментируют эти факты. В результате союза с фашистской Германией Польша преумножила свои территории. Это известно всем. Со стороны Гитлера была предпринята попытка реализации стандартного приема диктаторов всех времен. В обмен за подаренные союзнику территории, требовать стратегические значимые для него земли. Так часто поступал, например, Наполеон. Но обмен оказался односторонним, что явилось источником раздражения для Гитлера. Это тоже факт. Таким образом, встает вопрос. Несет ли Польша ответственность за то что, будучи союзником Гитлера, оккупировала часть Чехословакии? Не будь этого, были бы сделаны упомянутые предложения к Польше со стороны нацистской Германии. Были бы у нацистов тогда какие-либо основания делать такие предложения?

Во-вторых, всем известно, что такое линия Керзона. Это граница между Россией и Польшей, определенная международным сообществом. Известно в результате каких событий «исконно польские земли» оказались значительно восточнее линии Керзона и в результате чего Вильнюс вошел в состав несостоявшейся Речи Посполитой. В результате событий осени 1939 года СССР не оккупировал Польшу, а вышел на границы, определенные международными соглашениями. В 1945 году эта граница осталась неизменной.

Никто иной как Черчилль представил на одобрение других участников переговоров в Тегеране документ, который гласил: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной

Пруссии и Опфельной провинции». [см. Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1984].

В-третьих, лимитрофные государства вокруг России образовались в результате агрессии Германии и Антанты на отторженных у Российской империи землях. СССР только восстановил свою территориальную целостность. Утверждения об оккупации Прибалтики Советским Союзом голословны, так как имеются документы, которые доказывают легитимность действия СССР и подтверждают желание значительной части населения о воссоединении с Россией.

Польские историки и дипломаты нахраписты и бесцеремонны, они отсекают от рассмотрения множество неудобных для их вздорных обвинений событий. Они осуждают пакт Риббентропа-Молотова, но не осуждают Мюнхенский сговор и соглашения, по которым Польше отошли чешские и исконно немецкие земли.

Поляки предпочитают забыть о депортации миллионов немцев и украинцев (операция «Висла»), осуществленной самым чудовищным образом. По массовости совершенных при этом ужасных деяний наши цивилизованные славянские «братья» во многом превосходили «преступный сталинский режим».

Потсдамская конференция заключила, что немцы, остающиеся в Польше, Чехословакии и Венгрии, подлежат «организованной и гуманной» высылке в Германию. Оценки разнятся, но в любом случае было депортировано от 12 до 14 миллионов немцев, при этом сотни тысяч (по некоторым данным до 2 млн.) человек умерли от голода, болезней и насилия. Вот как поступили бывшие жертвы фашистской агрессии, когда получили возможность отомстить. Проявили «смелость» и «силу» против беззащитных женщин и детей.

Английский журналист Артур Стейн [«Киевский телеграфЪ» №(318)] рассказывал о таком случае: в Силезии в августе 1946 года польские солдаты затолкали в поезд 4200 человек — мужчин, женщин, детей, стариков. К моменту погрузки все они были уже до предела истощены, среди них было много больных. Из-за плохой работы транспорта поезд задержался в дороге и прибыл в Германию только спустя 18 дней. Все это время заключенные не получали никакой пищи. В итоге по прибытии в Берлин в живых остались только 1350 человек.

Свыше миллиона человек (женщин, стариков, детей) погибло, сотни православных храмов было разрушено.

Поляки отличились тем, что в середине прошлого века совершили последние в истории человечества мас-

штабные еврейские погромы, в ходе которых погибли тысячи ни в чем не повинных людей.

Профессор истории Т. Шарота в «Газета выборов» от 19.10.2000 г. написал: «Основные факты выглядят бесспорно. В июле 1941 г. большая группа живших в Едвабне поляков приняла участие в жестоком уничтожении почти всех тамошних евреев, которые, кстати сказать, составляли подавляющее большинство жителей местечка. Сначала их убивали поодиночке – палками, камнями, – мучили, отрубали головы, оскверняли трупы, Потом 10 июля около полутора тысяч оставшихся в живых были загнаны в овин и сожжены живьем...» Таким образом, 10 июля в Едвабне произошел ужасный погром – не менее двух тысяч евреев: женщин, стариков, детей как беженцев, так и представителей местной еврейской общины были зверски убиты поляками.

В 1963 году в Едвабне с помпой устанавливают памятный камень в память убитым евреям. На открытии памятника присутствуют поляки – участники и свидетели преступления. «Место казни еврейского населения. Гитлеровские гестапо и жандармерия сожгли живьем 1600 человек. 10.7.41 г.», – было высечено на камне! Потом почти 50 лет жители Едвабне – свидетели преступления ходят мимо этого памятника, не испытывая при этом никакого дискомфорта от чудовищной лжи. Так продолжается до тех пор, пока историк Томаш Гросс, польский еврей, ныне проживающий в США, не издал свои исследования «Соседи», в которых описал преступления поляков, совершенных против евреев, в том числе и события в Едвабне.

Позднее, в 1946 году, в польском городе Кельце толпа местных жителей, среди которых были милиционеры и военные, насмерть забила около 40 евреев. В последующие дни было убито еще около 50 человек.

Еврейская общественность сумела придать гласности перечисленные преступления и заставить руководство Польши принести публичные извинения за совершенные преступления. Но сколько таких «Едвабне» и «Кельце» было на Западной Украине и Западной Белоруссии, сколько было сожжено деревень, сколько тысяч мирных граждан было замучено польскими «патриотами»?

Вот какие у нас критики, вот кто призывает нас к ответу. В связи с этим для российских граждан оскорбительна трусливая позиция, которую заняло Минобороны России.

Так, на сайте Минобороны России появился текст, автор которого ставит в вину Польше начало Второй мировой войны. Начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны,

кандидат исторических наук Сергей Ковалев в своей статье отметил, что «все, кто непредвзято изучал историю Второй мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии». Исходя из принципов плюрализма и демократии в науке, С. Ковалев имеет на это право. Можно же господам В. Резуну (Суворову), Б. Соколову, Н. Сванидзе выражать свое «независимое» мнение. Но в исторической науке, «что позволено Юпитеру, то не позволено быку». На бедного сотрудника Института военной истории Минобороны России обрушился гнев всего мирового демократического содружества. <http://www.lenta.ru/news/2009/06/04/falsification/>.

В результате Минобороны России снял с сайта статью, глава управления пресс-службы и информации Минобороны Александр Дробышевский заверил «взволнованную общественность», что этот материал не следует рассматривать как официальную точку зрения министерства. Что весьма прискорбно. Кто как не руководство и специалисты Института военной истории должны отстаивать честь и достоинство нашей Родины? А они вместо того, чтобы оказать информационное противодействие фальсификаторам и поставить их на место, позорно покинули «поле боя». А в Институте военной истории все есть для достойного ответа польским «историкам»: специалисты, уникальная библиотека, доступ абсолютно ко всем архивам. Офицеры-защитники и чиновники в лампадах испугались – «кабы чего не вышло».

Следует констатировать, что сегодня с нашими «защитниками» существуют серьезные проблемы. Вот, в частности, что произошло совсем недавно.

«На частной вечеринке в одном из баров Северной столицы выступили музыканты военного оркестра, одетые в костюмы кроликов из журнала «Плейбой». Как сообщил «БалтИнфо» на условиях анонимности один из военных музыкантов Петербурга, это стандартная практика. По мнению экспертов, подобные «концерты» вполне объяснимы в условиях коммерциализации армии, вина за которую лежит на нынешнем министре обороны». <http://www.baltinfo.ru/tops/Voennyi-orkestr-igraet-na-ryankakh-v-kostyumakh-krolikov-iz-Pleiboja-93092>

Вокруг данного скандала в СМИ развернулась дискуссия. В итоге спора получилось, что военнослужащие имеют право в нерабочее время подрабатывать, так, в частности, считает и заместитель ответственного редактора журнала «Независимое военное обозрение» Виктор Литовкин. Отсюда следует лишь разобраться в рабочее или нерабочее время проходило скандальное выступление.

По мнению государственных СМИ, вообще ниче-

го страшного не произошло. Но это не так! В недавнем прошлом за мельчайшее нарушение формы одежды военнослужащих подвергали дисциплинарному наказанию. Например, комендантский патруль Московского гарнизона за нерасшитую сзади шинель, пыльную обувь, неправильно приколотые звездочки военнослужащих задерживал. Нарушители должны были в комендатуре гарнизона на Басманной улице выслушать лекцию и пройти занятия по строевой подготовке. На это уходило 2-3 часа.

Сейчас нарушение формы одежды происходит повсеместно, мало того, что наши военные напоминают некое партизанское соединение, на экранах телевизоров происходит просто глумление над формой. Так, члены ансамбля Виктора Елисеева, исполняя какую-то песенку, по команде сняли фуражки и надели клоунские колпачки.

Есть в России и офицеры, которые подрабатывают стриптизерами. Поскольку работают они в ночных клубах, то никаких проблем не возникает. «Стриптизеры в погонах» в нашей стране не осуждаются.

Никого не волнует такое глумление над армией. Но армия – это важнейшая составляющая государства, офицер в костюме кролика, офицер-стриптизер – это как изгаженный национальный флаг, это как икона, на которой православному святому подрисовали усики.

В советском прошлом комендатура, наказывая нарушителей формы одежды, не издевалась над офицерами, она просто заботилась об авторитете государства.

Кстати, у генерала Елисеева в подчинении несколько десятков человек. Между тем генерал-майор в войсках – это командир дивизии. В его подчинении 12-15 тысяч человек, которых надо одеть, обути, накормить, обучить. Кроме того, тысячи единиц боевой техники, объекты инфраструктуры и т.д. и вытекающая из этого ответственность, а «генералы с дирижерскими палочками» в это время делают карьеру на «корпоративах».

В столице нашей Родины есть генерал-лейтенанты (в войсках это командующий армией), в подчинении которых менее десяти офицеров.

Трусливо, непрофессионально и зачастую предательски повело себя и «экспертное» сообщество. Часть этого сообщества уже много лет создает черный миф о России. Фальсификаторы с удвоенной энергией продолжили свою разрушительную деятельность. Видимо, финансирование подбросил Заказчик.

Другие, такие, как, например, академик В.А. Тишков растеряны и напуганы.

В настоящее время он не знает, как оправдаться за бумажку, которую даже не подписывал. Наши «признанные авторитеты», с одной стороны, боятся показаться в глазах «мировой общественности» пособниками тоталитаризма, с другой – не знают, что делать. Они даже не понимают сути поставленной перед ними задачи.

В настоящее время в России запущен механизм саморазрушения. В частности, государство финансирует систему образования, то есть несет немалое бремя расходов. Геополитические же конкуренты создали в России «либеральную» среду и обеспечили «плюрализм мнений». В этой среде через систему грантов осуществляется точечное финансирование отдельных «экспертов» и СМИ, с помощью которых создана нормативно-правовая база системы образования и осуществляется ее реформа. В результате всего этого наше государство, вкладывая большие деньги в систему образования, на ее выходе получает выпускника, облик которого соответствует требованиям геополитических конкурентов России. Все немногочисленные попытки государства изменить сложившееся положение дел решительно пресекаются с помощью «либеральных» СМИ, неправительственных общественных организаций и международного «демократического» сообщества.

Материал поступил в редакцию 16.10.2009.

© Слисаренко И. Ю.
Slisarenko I. Y.

ВНЕШНЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УКРАИНУ: ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКИ, СРЕДСТВА

FOREIGN INFLUENCE IN UKRAINE: THE HISTORY, SOURCES, AND TOOLS

Аннотация. Представлен критический анализ внешнего влияния на формирование и реализацию внутренней и внешней политики Украины за годы независимости. Особое внимание уделено сравнительно-му анализу применению средств публичной дипломатии, лобби, негосударственных организаций (НГО).

Annotation. The critical analysis of foreign influence on the Ukraine's internal and external policy development and fulfillment is presented. The special emphasis is made on the comparative analysis of the public diplomacy, lobbying, and NGOs tools usage.

Ключевые слова. Внешняя политика, публичная дипломатия, выборы, ноодипломатия, негосударственные организации (НГО), СМИ, лобби, олигархи, агенты влияния, неоконсерватизм, евроинтеграция.

Key words. Foreign policy, public diplomacy, elections, noodiplomacy, non-government organizations (NGO), mass media, lobby, oligarchs, influence agents, neoconservatism, euro-integration.

Чем ближе приближался день 15-го саммита лидеров стран-участниц Движения неприсоединения в Шарм-аль-Шейхе, тем активнее посольство Египта в Киеве добивалось от украинских властей ответа, кто именно из «высоких представителей» Украины примет в нем участие. Каир не скрывал, что рассчитывает на участие президента или премьер-министра. МИД Египта в качестве примера для подражания демонстрировал украинской стороне имеющиеся согласия президентов Беларуси, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии. В итоге Украину на саммите 15 июля с.г. представлял посол Украины в Египте. Казалось бы, участие в саммите, точнее право представлять Украину на собрании 118 стран мира, могло спровоцировать очередной раунд ревностной борьбы между президентом Ющенко и премьер-министром Тимошенко, но... Оба были заняты форматом своей встречи с вице-президентом США Джозефом Байденом, присланным в Киев в качестве компенсации за решение не посещать украинскую столицу президентом Обамой. Известно, что единого мнения в американской администрации, следует ли Обаме завернуть в Киев сразу же после Москвы, не было. Большинство считало, что не стоит. Меньшинство же (оно и слило эти разногласия в украинскую прессу) настаивало на хотя бы на корот-

кой встрече Обамы с Ющенко в пределах международного аэропорта «Борисполь». Но большинство резонно аргументировало, что такая встреча с «хромой уткой» не целесообразна, поскольку может быть истолкована как поддержка Ющенко в его надеждах на переизбрание на второй президентский срок. В результате было решено прислать в Киев Байдена, который перед этим в Тбилиси запомнился назиданием местной оппозиции «уважать президента Грузии, пусть даже это Микки-Маус». Еще до его прибытия в Киев президентской протокольной службе пришлось тяжело договариваться с американскими коллегами о формате встречи Байден-Ющенко. Украинская сторона настаивала на обеде. Американская – только на завтраке, на что и пришлось согласиться. Но то ли сама жизнь, то ли хитрости украинских протоколистов внесла свои коррективы в протокол: церемония совместного возложения венка в памятник жертвам голодомора оказалась короче запланированной, а на встречу к премьер-министру Юлии Тимошенко ехать было рановато. Тут и возникла импровизация скоротать оставшееся время в близлежащем кафе, где Ющенко и Байден перед объективами попили кока-колы, что дало возможность президентской пресс-службе уверять о сложившихся дружеских отношениях.

Слисаренко Игорь Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Дипломатической Академии при МИД Украины, ведущий программ 5-го телеканала (Украина), тел. +38 (044) 351 77 20.

Slisarenko Ibor Yuriyovich – the candidate of philological sciences, assistant professor of the Ukraine's Foreign Ministry Diplomacy Academy, Channel 5 anchor tel. мел. +38 (044) 351 77 20.

Не остался в информационном проигрыше и лидер оппозиции, также кандидат в президенты Виктор Янукович. Его соратники сообщили прессе, что главной целью его встречи с Байденом было «развеесть миф о том, что партия регионов не является проевропейской партией». Более того, уверяли они, Байден спросил у Януковича: «Возможно, я разговариваю со следующим президентом Украины?». На что Янукович скромно ответил: «Ваши слова – да пусть услышит Бог»¹.

В украинском политическом дискурсе такие встречи кандидатов в президенты с американскими или российскими визави давно уже получили определение «смотрины». Традиционными стали и заклинания этих кандидатов о недопустимости внешнего вмешательства в украинские выборы. Тем не менее такое вмешательство даже приветствуется кандидатами, если оно осуществляется с целью их поддержки, или вредит конкурентам.

Ющенко как «инвестиция» американских неоконсерваторов

В исторической ретроспективе началом масштабного влияния/вмешательства со стороны иностранных государств можно считать президентские выборы 1999 г. Именно тогда американская публичная дипломатия применила «жесткую силу» (давление и вознаграждение, «кнут и морковка», по известному определению теоретика и практика американской внешней политики Дж.Найя). Уже после переизбрания президентом Л.Кучмы американские дипломаты в Киеве в частных беседах охотно делились подробностями достигнутых с ним договоренностей и будущей, по определению, «многовекторной и многоуровневой» политикой США по отношению к Украине: «США закрывают глаза на многочисленные нарушения предвыборной кампании и самого голосования, что вполне могло бы послужить объявлению результатов сфальсифицированными, в обмен на назначение премьер-министром В.Ющенко, «которому США окажут всеобъемлющую поддержку включительно с дипломатической защитой»². Помимо этого, Вашингтон потребовал от Кучмы дистанцироваться от олигархов, заполучивших огромное влияние на власть. А министерство юстиции, ФБР и ЦРУ будут разрабатывать не безукоризненных по части репутации олигархов по методу, примененному к бывшему премьеру П. Лазаренко, оказавшемуся в американской тюрьме. Единственной публичной манифестацией такой политики стало заявление посла США Стивена Пайфера: «Препятствием демократическому

развитию Украины являются не те люди, размахивающие коммунистическими знаменами или выкрикивающие антизападные лозунги. Меня больше волнуют олигархи, которые очень удобно себя чувствуют в существующей системе» (На известных записях разговоров Кучмы, сделанных бывшим сотрудником охраны Н.Мельниченко, зафиксировано раздражение Кучмы заявлениями Пайфера – Кучма называет его «мудилой». Характерно и то, что Пайфер – единственный американский посол, уехавший по окончании срока без президентского ордена). Далее мы рассмотрим, почему объявленная охота на олигархов прошла очень выборочно.

Разумеется, что подобный ультиматум не устраивал ни Кучму, ни олигархические кланы. Кучма видел для себя два варианта: побороться за третий срок (позднее Конституционный суд дал ему такую формальную возможность, растолковав, что действующая Конституция принималась в первый срок его президентства) или расчистить путь своему преданному преемнику (таким виделся министр внутренних дел Юрий Кравченко, в дальнейшем фигурант «кучмагейта», в чье загадочное самоубийство в 2005 г. многие не верят). Свои виды на пост президента имели и другие влиятельные лица, прежде всего, Виктор Медведчук, шедший к своей цели через овладение парламентом. Виктор Янукович тогда еще руководил Донецкой областью и в общенациональный дискурс не вмешивался, отметившись только случайным заявлением в местной прессе о необходимости «прямого президентского правления лет на десять». Юлия Тимошенко, оказавшаяся на непродолжительное время в правительстве В.Ющенко и отметившись там ударной борьбой с кланом Медведчука-Суркиса на энергетическом рынке, после увольнения ушла в непримиримую оппозицию к Кучме. Таким образом, любому будущему кандидату предстояла борьба с уже определенным кандидатом на следующих выборах В.Ющенко. Разумеется, никто из конкурентов не хотел, чтобы путь Ющенко к президентству оказался простым прыжком из кресла премьер-министра. Следует сказать, что Ющенко всячески демонстрировал лояльность к теряющему популярность Кучме: публично называл его «отцом», вместе с ним поставил подпись под открытым письмом к народу, в котором участники протестной акции «Украина без Кумы» были названы «фашистами» (позднее Ющенко, в присущей ему манере, оправдывался, что не читал текст, который написал). Отставка Ющенко с поста премьер-министра в 2001 г. только подтолкнула его в оппозицию и повысила

¹Цит. по Дело, 22.07.09.

²Собственный источник.

его популярность во все растущем протестном электорате. В результате парламентских выборов следующего года он получил самую большую фракцию в парламенте.

США и Запад в целом не могли смириться с нарушением Кучмой обязательств 1999 г. Скандал с похищением журналиста Гонгадзе, пленки майора Мельниченко, осужденный Советом Европы референдум по инициативе президента об изменениях в Конституции полностью дискредитировали действующего президента (примечательно, что в 1995 г. Кучма принимал награду американской Freedom House за «развитие демократии и свободы слова», а вплоть до 1999 г. администрация Клинтона не скупилась на похвалы ему как «реформатору»). Финальным аккордом диффамации стал инициированный Вашингтоном скандал вокруг якобы проданных Ираку систем противовоздушной обороны «Кольчуга». Американскую и европейскую прессу захлестнула волна публикаций, что Украина продает оружие врагу номер один. И хотя Кучма это отрицал и согласился на приезд американских проверяющих, его «преступление» уже не требовало доказательств. Свою лепту в кампанию добавляла и оппозиция. Так, уже после проверки (в итоге все «Кольчуги» оказались на месте) Тимошенко заявила, что инспекторам предъявили системы, одолженные на время проверки у Беларуси. Зато главным достижением стало то, что Кучма оказался в полной изоляции (тогда же Тимошенко впервые огласила свои президентские амбиции)¹. Такая обструкция, в свою очередь, подтолкнула Кучму к США и Западу, хотя казалось бы неминуемым для него было сближение с Россией (посол Черномырдин тогда говорил, что «на Западе Украину никто не ждет»²). Унизительной стала для него поездка на Пражский саммит НАТО осенью 2002 г., когда организаторы прямо заявили, что не хотят его видеть. Кучма таки приехал, и тогда протоколисты срочно установили таблички стран не на английском, а на французском языке, дабы украинский президент не оказался рядом с американским президентом и британским премьер-министром. Без официального объявления, но де-факто – согласно списку, появившемуся на сайте Белого дома, - Украина оказалась в антисадамовской коалиции «Иракская свобода». Позднее он провел через Верховную Раду решение о направлении в Ирак 1700 украинских солдат вопреки резко отрицательному к этому решению украинскому общественному мнению. Примечательно, что обещание вывести украинский контингент из Ирака в случае своей победы сразу же пообещал Виктор Ющенко (хотя он сам и многие в его фракции

самопровозглашенные «евроатлантисты» на момент голосования об отправке отсутствовали или не голосовали). Наконец, самым действенным шагом Кучмы в этом дрейфе Украины на Запад стал инициированный им и принятый в Верховной Раде конституционным большинством (319 голосов) закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины», статья 8-я которого определяет «основным направлением государственной политики по вопросам национальной безопасности (...) членство в Европейском союзе и Организации североатлантического договора». Примечательно, что за этот закон голосовала фракция Виктора Януковича, о чем он сейчас, разумеется, вспоминать не любит.

Спустя пять лет после «Оранжевой революции» есть достаточно оснований утверждать, что та острая предвыборная борьба, по сути, война между кандидатами Ющенко и Януковичем не была схваткой между «апостолами» грядущей демократии, верховенства права, свободы и т.д., с одной стороны, и охранителем авторитаризма, плутократии, коррупции и т.д. – с другой. Достаточно проанализировать, сколько тогдашних соратников каждого из претендентов за прошедшие пять лет перебежали в противоположный лагерь, а то и стали обличителями и врагами бывшего патрона. Силу внешнего влияния также не следует переоценивать. Это не была борьба мировоззрений и тем более разных внешнеполитических векторов – к России и в ЕЭП или, наоборот, в НАТО и ЕС. Массовое движение против Януковича вдохновлялось простыми лозунгами Ющенко «Бандитам – тюрьмы!» и «Народу – честную власть!», а в поддержку «единого демократического кандидата» выступили и националисты, и социалисты часто с совершенно противоположными внешнеполитическими установками, прежде всего, в вопросе членства в НАТО.

Грубо говоря, Янукович мог бы вполне устроить тот же Вашингтон, если бы уже не был выпестован свой собственный продукт. Важным видится здесь процитировать стенограмму слушаний по американской публичной дипломатии в Конгрессе США в ноябре 2007г. Бывший заместитель госсекретаря США Ричард Армтейдж привел конгрессменам такой пример, как он выразился, «успешной долгосрочной инвестиции публичной дипломатии»: «Одним из советников Горбачева был парень по имени Яковлев – этот парень появился вместе с перестройкой. Он в худшие времена «холодной войны» среди ограниченного числа советских граждан приехал сюда и учился в Колумбийском университете. Профессор научил его

¹«А почему бы мне не стать Президентом?», Известия, 11.11.02.

²Там же.

плюрализму. Яковлев вернулся в Советский Союз с идеей плюрализма. И через 20 лет стал советником. Таким образом, потребовалось время, чтобы реализовать эту инвестицию, но мы ее реализовали»¹.

На реализацию «инвестиции» в Ющенко понадобилось шесть лет. О ставке на молодого главу Национального банка открыто говорили на дипломатических приемах в Киеве уже в 1998 г. Тогда же госсекретарь США М.Олбрайт заявила о «приоритете развития демократии в Украине и Индонезии в американской внешней политике». Женитьба на американской гражданке украинского происхождения Кэтрин Клэр Чумаченко (какую бы «шпионскую» версию их случайного знакомства в самолете не выдвигали) стала де-факто успешной инвестицией для американских неоконсерваторов, определивших спустя два года новую внешнюю политику США. Определяющим здесь была не предыдущая работа Чумаченко в Совете национальной безопасности, а ее мировоззрение, привитое в крупнейшей украинской организации в Северной Америке – Украинском конгрессном комитете Америки (УККА). Важно отметить, что политическая деятельность украинской диаспоры разительно отличалась от всех других этнических лобби. В отличие, к примеру, от еврейского лобби (президент Никсон в свое время определял по степени влияния украинскую диаспору второй после еврейской), которое всегда руководствовалось правилом «Израиль – прежде всего» (“Israel’s first”), украинское лобби в США действовало под девизом «США – прежде всего». Главный идеолог УККА Лев Добрянский в годы «холодной войны» четко определял, что украинская община обязана всячески содействовать американской внешней политике, а борьба за независимость Украины должна вестись исключительно в контексте общей борьбы против коммунизма во всем мире². В студенческие годы Чумаченко, по собственному признанию, попала под огромное влияние профессора, который и определил ее дальнейшие воззрения и жизненные планы. Тогда же началось ее знакомство и с дочерью Добрянского Полой, сделавшей в дальнейшей успешную карьеру в республиканской партии: в 1996 г. она была в руководстве штабом кандидата в президенты сенатора Б.Доула, в 1998 г. стала подписантом известного манифеста неоконсерваторов – «Проект «Новое американское столетие», начинавшееся такой сентенцией: «Мы считаем, что американское лидерство - это благо как для Америки, так и для мира». В период президентства Буш-мл. Пола Добрянски занимала пост заместителя госсекретаря по глобальным делам.

Таким образом, неоконсервативная администрация США, действительно, должна была бороться за своего ставленника, а не, скажем, искать подходы к другому кандидату, «раскладывая яйца в разные корзины».

В.Янукович убедился в таком нежелании, когда посещал Вашингтон в 2003 и 2004 г., и чьи визиты готовились несколькими ведущими американскими PR-агентствами, организовавшими его встречи в Конгрессе и Госдепе.

Простой расчет показывал, что в сложившихся условиях Янукович был просто обречен позиционировать себя как «пророссийский кандидат». Таким его клеймили медиа, выступавшие на стороне, по их же штампу, «проевропейского» Ющенко. А самое главное, такое позиционирование обеспечивало ему поддержку населения на востоке и юге Украины с традиционной «пророссийской» ориентацией, определяемой, к слову, множеством политико-психологических факторов: от ностальгии по СССР, русской/российской самоидентификацией, противопоставлением «братской» России «наглой» Америке до страха «украинизации» русскоязычных и украинофобии. Украинские политтехнологи хорошо помнят урок поражения (по крайней мере, принятую на веру версию) Кравчука на выборах 1994 г.: мобилизовав электорат на востоке и юге страны Кучма получил численное превосходство явившихся голосовать избирателей.

Ноодипломатия США и России: от американского доминирования к соперничеству

К началу предвыборной кампании 2004 г. американская ноодипломатия [часть публичной дипломатии, нацеленная на создание и поддержку негосударственных организаций (НГО)] уже выстроила в Украине целую сеть НГО: аналитических, юридических, правозащитных, масс-медиа, по подготовке политических активистов и наблюдателей на выборах. Они сыграли важнейшую роль в прорыве информационной блокады, устроенной кандидату Ющенко, и противодействии кампании его диффамации в государственных и олигархических масс-медиа, наконец, в мобилизации населения на протестные акции после оглашения решения ЦВК о победе Януковича. Общий объем финансовых вливаний американской ноодипломатией точно установить трудно. В декабре 2004 г. конгрессмен Рон Пол требовал в комитете по международным делам отчета администрации о средствах, переданных украинским НГО для финансирования предвыборной кампании Ющенко. Назвав в каче-

¹Цитата по стенограмме на [http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/17671/smart power](http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/17671/smart%20power).

²Dobriansky, L.E., 1971: USA and the Soviet Myth, The Devin-Adair Company, Old Greenwich, Connecticut.

стве примера семь миллионов долларов, переданных в Украину на «укрепление национального законодательства», Р.Пол подчеркнул: «Существует столько субреципиентов грантов, что мы совершенно не имеем представления, сколько денег правительство потратило в Украине, а главное, на что они были потрачены»¹. Надо сказать, назывались и более впечатляющие цифры российских вложений в предвыборный фонд Януковича. В начале в американской и европейской печати, а затем и в монографиях были названы суммы от 200 до 600 млн. долл., якобы переданных «Газпромом»².

Что касается российской ноодипломатии, то ее состоянием на 2004 г. попросту не существовало, хотя слабые потуги и были. Так, в сентябре 2004 г. в Киеве было торжественно объявлено о создании неправительственной организации «Российский клуб». На церемонии присутствовали глава администрации президента РФ Д. Медведев и премьер-министр Украины В. Янукович. Как говорили выступающие губернаторы из двух стран, организацию создали «представители российской и украинской общественности (...), решить проблему «дефицита общения» России и Украины (...), покончить с различными предрассудками». Российские гости не скрывали, «что самый лучший вариант для России – президент Янукович»³. В дальнейшем «Российский клуб» не отметился какой-либо публичной активностью (было лишь сообщение о взрыве авто возле его здания в центре Киева, а результаты расследования так и не появились), а после выборов вообще исчез из поля зрения, освободив помещение⁴.

Обозреватели уже отметили, что с середины 2000-х годов Россия стала вести собственную публичную дипломатию, во многом копируя зарубежный, в частности, американский опыт – например, создание телеканала Russia Today и Института демократии и сотрудничества в Европе (явный аналог американского Freedom House).

Что касается Украины, попыткой создания собственной сети НГО можно считать действия российского посольства осенью 2008 г. по координации деятельности пророссийских организаций – от этнокультурных до политических – в рамках Всеукраинской конференции организаций российских соотечественников, приняв положение о «Всеукраинском координационном сове-

те российских соотечественников» (ВКСРС), Конференция избрала делегатов на Всемирную конференцию в Москве. Выступление там одного из делегатов депутата Верховной Рады из партии регионов Януковича Вадима Колесниченко вызвало потом лавину критики в пророссийской прессе Украины, прежде всего, его предложения «назначить куратора «русского проекта в Украине» из числа первых помощников Президента РФ», содействовать созданию коалиции политических организаций в рамках этого проекта, создать фонд из средств российских госструктур и бизнеса для финансирования «русского проекта». Самая влиятельная пророссийская газета Украины «2000» назвала Колесниченко «отцом Гапоном», обвиняя его в сознательном провоцировании преследования властью пророссийских организаций, поскольку украинское законодательство запрещает зарубежное финансирование политических организаций⁵.

Олигархи как агенты влияния

Начнем несколько издалека. Что же подвигло президента Кучму во время своего второго срока сделать работу по «евроатлантической интеграции», предназначенную для уже определенного Западом будущего президента Ющенко? Здесь видится личный, можно сказать, семейный фактор. Зятем Кучмы уже был Виктор Пинчук, не входивший в список олигархов на момент объявленной им войны послом Пайфером в 1999 г. (годом позднее, сообщали американские источники, вице-президент Э.Гор передал Кучме «черный список» олигархов с требованием «устранить их от влияния на принятие важных политических решений», но уже в последующие два-три года занявший почетное место в списке самых богатых людей Восточной Европы по ежегодному рейтингу польского издания Wprost. Американская политика по отношению к «жирным котам» кардинально меняется к 2003 г. Если годом ранее Стивен Пайфер, ставший к тому времени помощником заместителя госсекретаря США, и новый посол Карлос Паскуаль распространили в украинских СМИ совместную статью со следующим пассажем: «Олигархи, которые не ощущают особого энтузиазма по поводу реформ, играют чрезмерную роль в политической жизни Украины», то уже в 2003 г. посол Паскуаль публично на-

¹Цит. по www.icps.com.ua/about/supervisory_board.html.

²Так, цифра в 600 млн дол. фигурирует у MacKinnon, 2007: *The New Cold War: Revolutions, Rigged Elections and Pipeline Politics in the Former Soviet Union*, Toronto.

³Независимая газета, 08.09.04

⁴Президент «Российского клуба» российский гражданин М.Курочкин в дальнейшем фигурировал в сообщениях о спонсорстве мелких политических партий на парламентских выборах, попытках силового захвата собственности в Крыму, затем состоялся его арест и суд в Киеве, в ходе которого он привлек внимание медиа неадекватным поведением, наконец, был застрелен снайпером при конвоировании во внутреннем дворе суда.

⁵2000, 7-13 ноября 2008.

зывает зятя президента своим личным другом наряду с Ющенко и охотно рассказывает об американском опыте XIX ст. превращения алчных капиталистов в меценатов¹. В кратчайшие сроки Пинчук учреждает собственный фонд борьбы со СПИДом, руководимый женой – дочерью Кучмы, получает место в попечительском совете International Crisis Group (член которой экс-президент Финляндии М.Ахтисаари подготовил известный план по отделению Косово от Сербии), а также учредил собственный «мини-Давос» – ежегодное собрание политических деятелей, бизнесменов, экспертов разных стран в Крыму под названием «Ялтинская Европейская стратегия» для, как заявлено на официальном веб-сайте, «обсуждения и разработки политических и экономических стратегий для Украины, Европы и мира», и на которых уже отмечались Б.Клинтон, Т.Блер, Г.Шредер, Ш.Перес и др.²

Проведенная из Вашингтона гражданская реабилитация и легитимизация Пинчука, к тому времени уже одного из самых главных доноров политических партий и спонсоров выборов в стране, завершила возрастную смену элит в самой Украине. Выражаясь газетно-публицистическим сленгом, «комсомольцы» сменили «коммунистов». И их внешнеполитическая ориентация существенно отличалась. На президентских выборах 1994 г. за Кучмой стояли «красные директора», доказывавшие электорату необходимость теснейших хозяйственных отношений с Россией, а за Кравчуком – бывшая компартийная номенклатура во власти. На выборах 1999 г. Кучму поддерживали олигархи, источником обогащения которых были махинации с поставляемым российским газом (крылатым стало признание одного из них – И.Бакая – о том, что все богатые люди в Украине стали таковыми благодаря российскому газу). Тогда как бизнес-интересы Пинчука были уже на европейском рынке³. Во время предвыборной кампании 2004 г. телеканалы Пинчука вели активную агитацию за Януковича и соответственно контрагитацию против Ющенко. Но уже во время «Майдана» в Киеве (беспрерывном многодневном митинге на главной площади столицы) Пинчук появляется там, чтобы сказать приглашенным по этому случаю западным журна-

листам, что полностью разделяет чаяния собравшихся. В европейской прессе появляются статьи и интервью с его предложениями урегулирования: Янукович – президент, Ющенко – премьер-министр. В итоге после «революции» Пинчук вышел хотя и с потерями (реприватизация «Криворожстали», которую он заполучил вместе с Ахметовым незадолго до выборов), но с личной свободой (одно из обещаний Ющенко было таким: «Эти ребята, укравшие за одну ночь «Криворожсталь», будут отвечать по закону») и с сохраненной репутацией на Западе⁴. В дальнейшем стал членом попечительского совета американского Brookings Institute, где вице-президентом экс-посол Паскуаль. Время от времени в западной прессе публикуются хвалебные статьи о Пинчуке как интеграторе Украины в Европу и имеющем «важных друзей в ЕС»⁵.

Спустя два года подобную процедуру «оцивилизации олигарха» (термин немецкого политолога А.Пара, ставшего, по его словам, для этого советником Пинчука) прошел самый богатый человек Украины, по общему признанию, хозяин Донбасса Ринат Ахметов. После победы Ющенко Ахметов выехал в Монако, где и встретил известие о реприватизации «Криворожстали». По возвращении имел проблемы с «революционным» министром внутренних дел Ю.Луценко, который через СМИ вызывал его на допросы. Чудесное превращение в «цивилизованного олигарха» состоялось не без участия американского главы американского Фонда Карнеги Андерса Аслунд, который с декабря 2004 г. принялся лоббировать Ахметова в Вашингтоне. Годом спустя в прессу попадает аналитическая записка Аслунда об Ахметове, которого он характеризует как «настоящего республиканца». В условиях информационной войны против «социализма Тимошенко» (так были названы попытки реприватизации олигархической собственности) Аслунд сообщает о готовности Ахметова, фактического хозяина в партии регионов, создать парламентскую коалицию со вчерашними врагами – «Нашей Украиной» Ющенко. Позднее в прессу попадают подробности предложений Ахметову со стороны США о возможностях продвижения его бизнеса в обмен на коалицию⁶.

¹Персонал плюс, №18, 2003.

²Масс-медиа разных стран сообщали о том, что Пинчук вносит солидные взносы в Фонд Клинтона (этот вопрос возник позднее в Сенате США при утверждении его супруги Хиллари на пост госсекретаря), выделяет 300 тыс. дол. в год в фонд экс-президента Польши Квасьневского, а в 2008 г. передал в качестве подарка Израилю к 60-летию основания 500 тыс. дол.).

³В декабре 2008 г. украинские экономические издания сообщили, что Еврокомиссия увеличила квоту предприятиям Пинчука на ввоз металлопродукции.

⁴Сенатор Р.Лугар рассказал, что во время его пребывания в Киеве в декабре 2004 г. к нему прибежал Пинчук узнать, объявили ли его персоной нон-грата в США. Оказалось, что такое решение приняли в отношении другого олигарха, близкого к Кучме, – Г.Суркиса. (Свобода, 18.03.05).

⁵Например, заголовок „Зять экс-президента бизнесмен Виктор Пинчук прилагает большие усилия, чтобы приблизить Украину к ЕС», Die Presse (Австрия), 03.08.06.

⁶2000, 4-11 августа 2006.

Кандидаты в президенты 2009: бэкграунды и ориентиры

Виктор Ющенко. Несмотря на устойчивый (и признаваемый им самим) рейтинг в 2% публично заявляет о возможности собственного переизбрания на второй срок. Интересно вспомнить, что в начале президентства его личные отношения с российским руководством выглядели весьма дружескими. В марте 2005 г. во время визита в Киев на совместной с Ющенко пресс-конференции В.Путин сказал: «В текстовке, которую мне приготовили для выступления была фраза «Конечно, у нас есть проблемы...» Знаете, я ее вычернул!»¹

Но вскоре другие задачи овладели Ющенко, поскольку в Вашингтоне его победу считали звеном в целой цепи «цветных революций», запланированных как на территории бывшего Советского Союза, так и на Ближнем Востоке (тезис «Большой демократической революции» К.Райс). Не случайно Ющенко и Саакашвили учреждают «Содружество демократий». Вопреки ожиданиям, «оранжевая революция», откровенно рекламируемая Вашингтоном как американский проект, испугала многих на Ближнем Востоке. «Администрация Буша (...) осуществляет проникновение в арабские неправительственные организации и политические партии. Похоже, что Украина стала своеобразным образцом, по которому США намерены распространять свободу и демократию в арабском мире», – писал заместитель редактора египетского издания «Аль-Ахрам» Салама А.Салама². Не приняли «украинский образец» и в Ливане, где произошла своя «революция кедров»³. Совместная декларация Буша-Ющенко в апреле 2005 г. о «продвижении свободы на Кубе и в Беларуси» обернулась скандалами в двусторонних отношениях (по имеющимся источникам, этот тезис был вписан в согласованный текст уже в самолете на Вашингтон по настоянию тогдашнего министра иностранных дел Б.Тарасюка). Разумеется, что с постепенным провалом американского плана «продвижения демократии» погасла и такая активность Ющенко.

Сказать, что Ющенко был движущей силой вступления Украины в НАТО, было бы преувеличением. Он выполнял все указания своего непосредственного куратора Брюса Джексона (кстати сказать, ставшего частым гостем в Киеве еще в период Кучмы сразу после скандала с «Кольчугами»), представляемый руководителем неправительственной организации «Проект переходных

демократий», члена проекта «Новый американский век» и личного друга заместителя министра обороны Пола Вулфовица, который первым из администрации еще в ноябре 2004 г. заявил о необходимости вступления Украины в НАТО. Именно Джексон, как считают, успешно пролоббировал в европейских столицах вступление в НАТО стран Восточной Европы и стран Балтии⁴. Помимо НАТО, Джексон занимался и амбициозным проектом создания военно-энергетического коридора от Каспия до Балтики, в котором Румынии была определена роль регионального лидера. Цинизм Джексона по отношению к опекаемым засвидетельствовал «слитый» в украинскую прессу внутренний документ из секретариата президента Украины, в котором сообщалось, что во время ужина с американским послом Джексон говорил: «ГУАМ (объединение Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы, созданное президентами в 1999 г., как было объявлено, для совместных экономических и транспортных проектов и поддержанное США – И.С.) – это паровозик, которым Украине дали поиграть, и она с ним с удовольствием играет». Таким образом, провал плана предоставления Украине ПДЧ (Плана действий по обретению членства) на Бухарестском саммите 2008 г. следует считать, в первую очередь, провалом самого Джексона, не сумевшего победить скептицизм Германии и Франции, равно как и преодолеть российское сопротивление.

«Евроинтеграционные амбиции», по словам Ющенко, свелись, по сути, к ультимативным требованиям к Брюсселю объявить дату вступления Украины в ЕС и шантажу с угрозами немедленно подать заявку на такое вступление, что, разумеется, ничего, кроме раздражения, вызвать не могло.

Уместно отметить и личные качества Ющенко, который во всей своей карьере был ведомым. Он легко попадает под влияние других, но, потеряв интерес или комфорт общения, ищет третьих. Свидетельства тому – тесная дружба с Саакашвили в первые годы президентства, фактически оборванная сегодня, и резкий поворот к Лукашенко, частота встреч с которым в последний год его президентства была сопоставима с количеством встреч с Саакашвили ранее. Не будет преувеличением сказать, что поведи себя Москва гибче и снисходительнее к Ющенко, он не оказался бы в итоге загнанным в угол и вынужденным повторять все то, что поощряла предыдущая амери-

¹Цит. по Комерсантъ, 21.03.05.

²Al Ahram, 18.02.05.

³«Не ждите в Ливане «оранжевую революцию» по украинскому образцу», Arab News, 02.05.05

⁴Euromoney, 01.12.03.

канская администрация, и чего уже не желала нынешняя.

Юлия Тимошенко. Действительно, самый непредсказуемый политик Украины, с легкостью меняющий взгляды и на пепелище поражения строящий основание будущей победы.

Получив обещанный на Майдане пост премьер-министра, она незамедлительно начала состязаться с Ющенко за лидерство. Уже во время визита Путина в Киев в марте 2005 г. откровенно заигрывала с российским премьером в вопросах, близким гостю. Так, воспользовавшись тем, что месяцем ранее в Москве Ющенко отверг проект ЕЭП, Тимошенко объявила Путину о своем интересе в создании такого образования. Нельзя не вспомнить, что в то время российская пресса активно напоминала о «скелете в ее шкафу» – уголовном деле, заведенном российской прокуратурой против нее по таинственным сделкам с чиновниками Минобороны РФ еще во времена ее работы с Лазаренко.

Во время своего премьерства Тимошенко подверглась яростной атаке в западной прессе, обвинявшей ее в реприватизации и национализации олигархической собственности. Понятно, что организаторами кампании были обиженные олигархи (другие, например, Живаго, Фельдман уже перебежали к ней от Януковича). Подключились и американский Heritage Foundation, и упомянутый выше Андерс Аслунд, обвинившие ее в «социализме» (слово бранное в американском политическом дискурсе). Казалось, что ее реноме на Западе полностью подорвано. Но в начале 2007 г. Тимошенко развивает бурную деятельность с целью убедить американскую администрацию в собственной лояльности. Перед визитом в Вашингтон она посещает Тель-Авив, где произносит все необходимое, чтобы понравиться Израилю, а следовательно, и неоконсерваторам в Вашингтоне: поддерживает «борьбу Израиля против терроризма», клеймит Иран (в бытность премьером Тимошенко объявляла о намерении построить газопровод из Ирана), наконец, объявляет об идеологическом родстве с израильскими правыми в лице Б.Натаньяху. Еще до выхода номера в свет широко распространяется статья Тимошенко под названием «Сдерживая Россию» в американском издании Foreign Affairs с полным воспроизведением всех претензий и обвинений в адрес России со стороны американской администрации¹. В комментарии МИД РФ 16 апреля 2007 г. статья Тимошенко была названа «заказной» и «антироссийским манифестом». Поставленная цель политической реабилитации в Вашингтоне была успешно достигнута. Но уже спустя два года Тимошенко сменила

позицию на диаметрально противоположную, активно (и успешно) позиционируя себя сторонницей сближения с Россией. В условиях объявленного Москвой бойкота Ющенко Тимошенко не упускает ни единой возможности встречи с российским коллегой Путиным, убеждая электорат, что именно она является главным игроком в российском направлении. Вся история политических метаморфоз наглядно демонстрирует, что Тимошенко движут не какие-либо идеологические воззрения, или политические убеждения, а личные интересы.

Виктор Янукович. Как ни парадоксально прозвучит, но по личностным качествам Янукович весьма схож с Ющенко. Он, как и Ющенко, не обладает ни эрудицией, ни знаниями и также предрасположен быть в роли ведомого. Примечательный штрих: во время визита уже в качестве премьер-министра Украины в 2007 г. в Совет Европы во время протокольной церемонии записи в книге почетных гостей Янукович достал из кармана заготовленную «шпаргалку» и аккуратно списал с нее две строчки казенных слов. Казалось бы, после победы Ющенко Януковича ожидал уход с политической сцены. Но неспособность «оранжевых» руководить страной (уже летом в 2005 г. в европейской и американской прессе появляются статьи с заголовками типа «Оранжевая революция не оправдала надежд»), расколы и войны в стане бывших соратников дают Януковичу второй шанс. Он становится лидером протестного движения, выступая на новых, уже «антиоранжевых майданах». Вновь став премьер-министром уже при Ющенко, он ничем не отличился во внешнеполитических делах, старательно избегая делать резкие заявления, тем более движения. Позиционируя себя в стране как противника вступления в НАТО, в Брюсселе, тем не менее, на вопрос «в лоб» он отвечал очень расплывчато, ссылаясь на «отсутствие широкой поддержки населения». Более того, он, казалось, имел все возможности воспользоваться уже проведенной «черной» работой коммунистами и другими партиями, собравшими необходимое число подписей для проведения референдума по вопросу о вступлении (отрицательный прогноз результата такого референдума никто не оспаривает) и имеющее судебное решение, обязывающее президента назначить такой референдум. Но Янукович и его партия избегали и избегают реализации этого варианта. Причина этого видится в особой позиции в партии регионов могущественного Ахметова, проанализированная выше. В предвыборной риторике Янукович касается исключительно внутренних экономических проблем, от-

¹Containing Russia, Foreign Affairs, May/June 2007.

давая право комментария вопросам внешней политики другим людям в партии (см. выше комментарии по поводу встречи Януковича с Байденом).

Арсений Яценюк. «Киндер-сюрприз», как его называют в украинском политикуме. Первый пример выдвижения во власть и продвижения по властной вертикали своего управленца влиятельными бизнес-структурами. Пребывание Яценюка в первой пятерке предвыборного списка блока Ющенко на парламентских выборах 2007 г. создали ему репутации «евроатлантиста». Теперь же чутко держащий нос по ветру молодой политик старательно избавляется от этого реноме. В этом он очень схож с Тимошенко, повторяя ее зигзаги. Показательно, как часто он использует студию прозападной радиостанции «Эхо Москвы» для посылки месседжей российскому истеблишменту. Так, в одном из интервью он фактически дезавуировал свою подпись в бытность председателем Верховной Рады под скандальным письмом троих (скандальным, потому что о письме публика узнала не от подписантов, а от американского сенатора Лугара) – Ющенко, Тимошенко, Яценюк – от 11 января 2008 г. генсеку НАТО с просьбой предоставить Украине ПДЧ. «Я подписал письмо не о вступлении в НАТО, а о присоединении Украины к альянсу (...) Я тогда настоял, и в этом письме была фраза, что решение о вступлении мы примем по результатам референдума (...) Мы не готовы сегодня вступать в НАТО, а НАТО нас не готово принять. Точка». В другом интервью Яценюк заявил, что Ющенко сам дал Москве основания обвинять его в антироссийской направленности.

Владимир Литвин и Сергей Тигипко. Председатель Верховной Рады Владимир Литвин и экс-глава Национального банка Сергей Тигипко не получили какого-либо стойкого стереотипа в определении их внешнеполитических ориентиров. К тому же они оба избегают заявлений на эту тему, сосредотачиваясь на внутренних проблемах. Памятуя о длительном периоде работы Литвина главой администрации Кучмы, можно утверждать, что он при нынешних обстоятельствах реанимирует (но в других терминах, поскольку является профессиональным политологом) «многовекторную внешнюю политику», которую декларировал Кучма.

Подытоживая, можно прогнозировать следующее.

В случае победы ни один из нынешних кандидатов не сможет рассчитывать на консолидацию личной власти и будет вынужден считаться с конкурентами, которые, в свою очередь, будут постоянно решать, создавать ли с ним временный союз, или пребывать в оппозиции. Таким образом, внешняя политика будущего президента

вынуждена будет считаться с оппозицией (надо отметить, весьма непостоянной, конъюнктурной) основных политических игроков.

Настроения населения и дальше будут весьма контрастными и регионально дифференцированными: от требований «идти» в НАТО и ЕС до требований создания союза с Россией. Можно также ожидать, что известная «усталость от Украины» в ЕС, уже ощутимая отстраненность США, равно как «заслуга» Дж.Буша в росте анти-американских настроений в Украине, значительно сократит количество нынешних сторонников «евроатлантической интеграции». В то же время очень важным будет фактор сохранения привлекательности России, уже созданный и поддерживаемый во многом благодаря российскими медиа, в первую очередь, российскими телеканалами, ретранслируемыми в Украине, а также личной харизме премьер-министра В.Путина, чей имидж весьма привлекателен для значительной части украинского населения. Но неудача российского руководства в преодолении кризиса может значительно снизить такую привлекательность. Наконец, значительная часть населения в условиях затяжного кризиса попросту утратит интерес к внешнеполитическим вопросам, образно говоря, требуя «не союза, а хлеба».

Будущий президент будет искать поддержки у тех коллег по странам СНГ, чей опыт управления покажется ему привлекательным, а личная харизма будет для него притягательной, а то и пленительной. Таким может оказаться президент Казахстана Н.Назарбаев, чья амбициозная и активно рекламируемая в Украине программа «Путь в Европу» уделяет особое место Украине, президент Азербайджана И.Алиев, единственный из всех участников, верящий в реализацию проекта ГУАМ и не утративший веры в перспективу реализации с Украиной энергетических проектов, прежде всего, трубопровода Одесса-Броды, или даже президент Беларуси А.Лукашенко, отношение к которому резко изменилось в положительную сторону в 2009 г. Наконец, поддержка кого-то из таких влиятельных лидеров понадобится украинскому президенту для решения проблемных вопросов (а такие, разумеется, обязательно будут на повестке дня) с Россией.

Внешние факторы, с которыми вынужден будет считаться будущий президент:

Администрация президента Обамы по причине многообещающей «перезагрузки» отношений с Россией, вследствие фиаско украинского проекта предыдущей неоконсервативной администрации, под тяжестью бремени оставленных той же администрацией нерешенных проблем (Афганистан, Иран, Северная Корея и т.д. и т.п.) пока-

зательно дистанцируется от Украины. Похоже в Госдепартаменте США уже согласились с рекомендациями доклада экс-посла С.Пайфера Совету по внешним отношениям под названием «Предотвратить кризис в Украине» весной с.г. Пайфер откровенно предостерег, что дальнейшее форсирование вступления Украины в НАТО отнюдь не принесет ожидаемого результата, а раскол страны территориально, а в Крыму – в случае вмешательства России - это может и вовсе привести к катастрофическим последствиям, которые «затмят результаты конфликта между Россией и Грузией 2008 года». Пайфер советует администрации дать четко понять украинскому руководству всячески избегать любых конфликтов с Россией. Вопрос о членстве в НАТО и, следовательно, американская поддержка такого шага, считает Пайфер, могут возникнуть только тогда, когда идея вступления в НАТО «получит поддержку среди элит и широких слоев населения». Киеву не следует также «преждевременно ставить вопрос о пребывании Черноморского флота РФ в Крыму до истечения соглашения в 2017 г.» Что важно отметить, Пайфер советует сосредоточиться на работе с местными элитами тех регионов, где доминируют пророссийские настроения. Таким образом, американская публичная дипломатия, прежде всего, ноодипломатия должна сосредоточиться на создании и финансировании сети организаций с соответствующей задачей на юго-востоке и в Крыму. Эта рекомендация вполне созвучна упомянутому мастер-классу Дж.Ная, Р.Армитейджа, данному в Конгрессе США, о необходимости «долгосрочных инвестиций» в публичной дипломатии.

Европейский союз уже четко дал понять Украине, что пределом мечтаний любого «евроатлантиста» в Киеве может быть «политическая ассоциация и экономическая интеграция» без всякого намека на реальную перспективу членства. Более того, в Брюсселе не тешат себя иллюзиями в отношении любого победителя на президентских выборах, о чем откровенно сказал Верховный представи-

тель ЕС Хавьер Солана, выступая в сентябре с.г. в Гарвардском университете: «Они об этом знают, что я ощущаю фрустрацию по поводу Украины. То, как они руководили страной с того времени (после «Оранжевой революции» 2004 г. – И.С.) по сегодня, действительно не было блестящим, мягко говоря». Брюссель уже определил три главные проблемы, над решением которых он хочет работать с Киевом: создание зоны свободной торговли, миграция, обеспечение бесперебойных поставок российского газа в Европу через украинскую территорию.

Наконец, отношения с Россией в случае победы любого кандидата, кроме Ющенко (его переизбрание можно будет назвать «чудом на Днепре»), поразительно напомнят «эпоху Кучмы». Разумеется, исчезнет такой раздражитель, как угроза вступления Украины в НАТО. Киев выразит готовность рассмотреть привлекательные предложения России о пролонгации соглашения о базировании Черноморского флота. Участие, точнее, неучастие Украины в ЕЭП уже предрешено готовящимся подписанием соглашения с ЕС о свободной торговле. Внешне доброжелательные собеседники, говорящие о совместном историческом прошлом и нерушимости связей (возможно, вернется и формат «встреч без галстуков»), будут решать проблемы по мере их поступления, в первую очередь, цены на газ и транзит. Особо проблемными будут вопросы участия российского бизнеса в украинской приватизации. Пример борьбы за Одесский припортовый завод осенью 2009 г. тому подтверждение. Именно здесь можно ожидать столкновение интересов России и Евросоюза. Словом, картина вырисовывается довольно благостной. Хотя жизнь, непременно, внесет свои неожиданности. Не стоит забывать об «уроке Тузлы», когда во время «самого пророссийского» президента Кучмы две страны очутились на грани вооруженного пограничного конфликта.

Материал поступил в редакцию 26. 10. 2009.

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 681.32

© Стюгин М.А.
Styugin M. A.

ЗАЩИТА СИСТЕМ ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ

PROTECTION OF SYSTEMS FROM RESEARCH

Аннотация. В данной работе проанализированы информационные ограничения, которые формирует исследователь при построении идеальных объектов реального мира, на основании чего сделана классификация моделей исследователя и описаны методы защиты систем от исследования.

Annotation. In article autor pays special attention to the main tendencies in the development of the present military technologies of Pentagon and the transformations of army sectors dealings with information, intelligence and adaptation in occupied areas, based on field experience in Iraq and Afghanistan. In second part of research the author also emphasizes the question of revision of the conception of net-centric war-fare and current shifting of the attention from technologic to social issues into U.S. military community. Publication may be interested for the researches in the field of geopolitical studies, international relations as well as for statesmen and military experts.

Ключевые слова. Защита систем от исследования, параметрическая невидимость, функциональная невидимость, модель исследователя.

Key words. Protection of systems from research, parametrical invisibility, functional invisibility, model of the researcher

Проблема, с которой неизбежно сталкивается любой исследователь – это необходимость выделить из среды идеальный объект. Любая формулировка физического закона или юридических терминов работает с идеальными объектами. Вводя упрощенную модель процесса, мы в дальнейшем не можем выйти за ее рамки при описании систем. Такая ситуация естественна для любых наук, где точность модели отражает ее предсказательные возможности. Для социальных систем моделирование носит уже не столь однозначный характер. Представим, что на рынке существуют несколько компаний, руководствующихся едиными общепринятыми экономическими моделями ценообразования и менеджмента. Допустим теперь, что одна из компаний формирует принципиально иную модель и следует ей,

при этом действия данной компании будут казаться другим субъектам нелогичными и несоизмеримыми с какой-либо конкретной целью. Именно эта стереотипность мышления, невозможность переключиться на иную схему привычных процессов позволяет одному из субъектов конфликта быть непонятным и даже «невидимым» для других. Любые модели реального мира требуют стереотипных (идеальных) формулировок для возможности построения цепочек логических суждений, и это закладывает основу нового направления в области информационных войн – защита от исследования систем. Предметом его исследования является использование информационных ограничений, которые формирует исследователь при построении идеальных объектов, для получения преимущества в конфликте.

Стюгин Михаил Андреевич – аспирант Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева, тел. 334-91-91.

Styugin Michail Andreevich – a post-graduate student of Siberian State Aerospace University named after academician M.F. Reshetnev, Russia, Krasnoyarsk, tel. 334-91-91.

Объект исследований

Основная проблема, с которой неизбежно приходится сталкиваться – это то, как обозначить в исследовании объект, модель которого представить нельзя? Какие бы параметры объекта мы не выбрали, мы сформулировали идеальную модель, что недопустимо, ведь мы работаем с объектами реального мира.

Обычные кибернетические модели определяются на конечном множестве. Например, определим множество состояний S некоторого объекта

$$S \in \{a, b, c, d\}.$$

На данном множестве можно определить отношения подобия или «неразличимости», например

$$f_{\equiv} : S \rightarrow S \quad \langle a = c, b = d \rangle.$$

В результате мы свели множество состояний исходного объекта к двум. Это классический подход в кибернетике. Всегда определено конечное множество и отношения подобия можно формулировать только на нем. В реальных системах, когда мы определили множество S из четырех элементов, мы сформулировали идеальную модель и тем самым уже задали бесконечное множество отношений эквивалентности.

Состояние исходного объекта можно сколько угодно конкретизировать и уточнять, формулируя новые состояния, например, состояние a можно разбить на состояние a_1 и a_2 .

$$S_1 = \{(a_1, a_2), b, c, d\};$$

$$f_a : S_1 \rightarrow S \quad \langle a_1 \equiv a, a_2 \equiv a \rangle.$$

В свою очередь каждый из элементов a_1 и a_2 также можно разбить на множество состояний, конкретизирующих исходное

$$S_2 = \{(a_1, (a_{21}, a_{22}), b, c, d\};$$

$$f_{a_2} : S_2 \rightarrow S_1 \quad \langle a_{21} \equiv a_2, a_{22} \equiv a_2 \rangle.$$

Определяя свойства объектов реального мира, нам приходится вводить бесконечное количество таких «уточняющих» параметров. Очень показательный пример для этого рассмотрен в книге И.Лакатоса [1] на примере введения понятия правильный многогранник, для которого справедлива теорема Эйлера о соотношениях количества граней, сторон и углов. Бесконечные попытки определить понятие такого «правильного многогранника» привели к мысли, а не считать ли правильным многогранником именно тот, для которого верна теорема Эйлера¹.

В дальнейшем отношения эквивалентности вроде $f_{a_2} : S_2 \rightarrow S_1 \quad \langle a_{21} \equiv a_2 \rangle$ будем называть стереотипной

схемой для множества S_j . В результате, определяя некое конечное число параметров реального объекта, мы на самом деле определяем бесконечное множество стереотипных схем.

$$S = \{a, b, c\};$$

$$f_a : S_a \rightarrow S \quad \langle a_1 \equiv a, a_2 \equiv a, \dots \rangle;$$

$$f_{a_1} : S_{a_1} \rightarrow S \quad \langle a_{11} \equiv a_1, a_{12} \equiv a_1, \dots \rangle; \quad \dots$$

$$f_b : S_b \rightarrow S \quad \langle b_1 \equiv b, b_2 \equiv b, \dots \rangle;$$

$$f_{b_1} : S_{b_1} \rightarrow S \quad \langle b_{11} \equiv b_1, b_{12} \equiv b_1, \dots \rangle; \quad \dots$$

$$f_c : S_c \rightarrow S \quad \langle c_1 \equiv c, c_2 \equiv c, \dots \rangle;$$

$$f_{c_1} : S_{c_1} \rightarrow S \quad \langle c_{11} \equiv c_1, c_{12} \equiv c_1, \dots \rangle; \quad \dots$$

Проиллюстрируем это на примере налоговой системы РФ. Юридическое лицо может находиться на обычной системе налогообложения (a) или упрощенной (b)².

$$S = \{a, b\}.$$

Не все налогоплательщики подходят под требования «упрощенца», что вынуждает их платить больше налогов. Однако никто и не вынуждает платить все налоги, поскольку параметр a является лишь формулировкой идеального объекта, о котором пишут в учебниках по налогообложению, а в реальности определяет бесконечное множество стереотипных схем. Раскрывая эту схему, мы расширяем пространство для принятия решений.

Например, сотрудников фирмы можно оформить как ИП и оплачивать их услуги как предпринимательские, обозначим этот параметр как a_j . Тем самым предприниматель снижает ставку налогов с доходов сотрудников с 13 до 6%. Заключение трудовых договоров с сотрудниками оставим как параметр a_2 .

$$S = \{(a_1, a_2), b\}.$$

Множество можно расширять дальше, например, расписываем состояние a_j , как a_{j1} и a_{j2} . При этом a_{j1} – когда предприниматель оформляется как ИП и арендует сам себе офис в счет доходов компании (избавляемся от дохода на прибыль 24%), a_{j2} – выплата зарплаты как «упрощенцу». В результате получаем более приятное для предпринимателя множество для принятия решений о выборе системы налогообложения

$$S = \{((a_{j1}, a_{j2}), a_2), b\}.$$

При этом по параметру a_{j1} налоги можно практически не платить, если правильно сопоставить доходы компании и величину арендной платы. Однако налоговики, считая параметр a_{j1} прямым уклонением от налогов, вводят еще две стереотипные схемы: a_{j11}

¹На самом деле это и есть исходный принцип для определения бесконечного множества S в данном случае.

²Множество, конечно, не является полным.

– участие в схеме аффилированных лиц и a_{112} – подделка официальных документов¹. В результате получаем множество стереотипных схем, по которому принимает решение УМНС²

$$S = \{((a_{111}, a_{112}), a_{12}), a_2, b\}.$$

Проблема невидимости в процессе исследования

Поскольку целью исследования является определение зависимости одних переменных от других, то тем самым невидимость может быть параметрической или функциональной.

Для рассмотренного примера множество параметров S является параметрами функции налоговых отчислений $f(S) = f(a, b)$. Множество этих параметров мы расширяем до множества S' (рис.1)

$$f(S') = f(a_{111}, a_{112}, a_{12}, a_2, b).$$

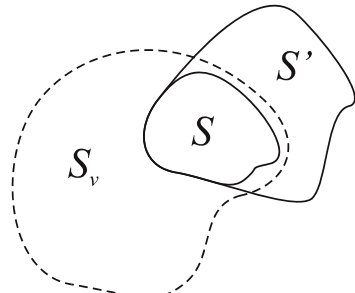

Рис. 1. Параметрическая невидимость

Для каждого исследователя мы можем ввести множество параметров, изменение значений которых он может наблюдать во всем диапазоне – S_v . Это есть *область параметрической видимости*. Для случая УМНС очевидно, что $a_{111} \notin S_v$, так как невозможно выявить аффилированность лиц, если предприниматель не совершает откровенно глупых ошибок³.

Аналогично для любого исследователя можно определить область функциональной видимости в данный момент времени – $\{f(S_v)\}$ (рис.2).

$\{f(S_v)\}$ – это множество всех значений функции по параметрам в пределах множества S_v ;

$$\{f(S_v)\} = \{f(s) : s \in S_v\}.$$

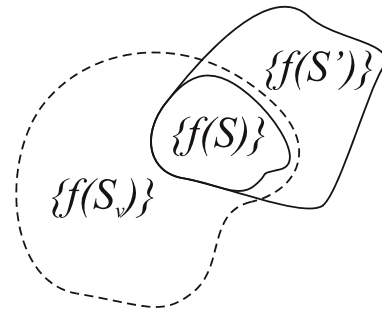

Рис. 2. Функциональная невидимость

Для примера с УМНС затруднительно привести пример функциональной невидимости, так как сумма налоговых отчислений всегда является наблюдаемой. Исключением является только зависимость данной функции от времени. Если функция от времени не является цикличной, то она всегда функционально невидима. Примером может являться множество схем рефлексивного управления, где, например, текущее значение получаемой выгоды является лишь способом привлечения к конкретным действиям (формирование положительного имиджа, подписание соглашения о сотрудничестве и пр.)⁴.

По-другому функциональную невидимость можно сформулировать следующим образом. Функции, выходящей за область функциональной видимости, всегда можно сопоставить функцию с меньшим числом параметров, находящейся в области функциональной видимости

$$\forall \{f(\mathbf{par}, \mathbf{par}')\} \not\subset \{f(S_v)\} \quad \exists \{f(\mathbf{par})\} \subset \{f(S_v)\} : f(\mathbf{par}, \mathbf{par}') \equiv f(\mathbf{par}), \quad (1)$$

т.е. для данного агента значение функции $f(\mathbf{par}, \mathbf{par}')$ и $f(\mathbf{par})$ при одних и тех же значениях параметров \mathbf{par} тождественны. Это кроет в себе значительную проблему для исследователя. Если в случае параметрической невидимости исследователь всегда может наблюдать несоответствие своих представлений и реальной функциональной структуры системы, то в случае функциональной невидимости это невозможно. Агент всегда может найти более простую гипотезу относительно структуры системы, что не склоняет его к дальнейшему исследованию. Выше это было показано на параметре времени.

¹Практика российского законодательства отличается размытым и неопределенным формулированием таких стереотипных схем, что дает возможность выдвигать обвинения даже по тем схемам, которые при написании закона не предполагались. В данном случае нигде в законах не определено, что такое официальный документ и каковы признаки взаимозависимости (аффилированности) лиц.

²На самом деле это множество имеет значительно больше параметров, определить которые можно, наверное, только собрав все постановления ФАС.

³Все попытки доказать аффилированность компаний являются абсурдными с юридической точки зрения и, как правило, заключаются в поиске различных признаков сходства между организациями. Например, по делу Михаила Ходорковского судьи упирали на то, что новая компания подконтрольна той, откуда пришел ее директор, что старались подкрепить различными признаками сходства: общими учредителями, счетами в одном банке и т.д. (Родионов А.А. Налоговые схемы, за которые посадили Ходорковского. – М : 2006 – с. 23)

⁴Для любого процесса рефлексивного управления обязательными условиями являются необходимость данной информации для принятия решений агентом и функциональная невидимость.

Модель исследователя

Любое исследование строится на основе модели черного ящика. Перебирая значения входных параметров и наблюдая значения «выхода» – функции черного ящика, мы тем самым можем определить функцию исследуемой системы. В реальных системах мы, как правило, не можем знать, что является для черного ящика входом и выходом, поэтому исследователю приходится строить гипотезы относительно функциональной структуры ящика. Такая гипотеза, по существу, есть предположение относительно множества параметров (\mathbf{par}), от которого зависит целевая функция системы – f .

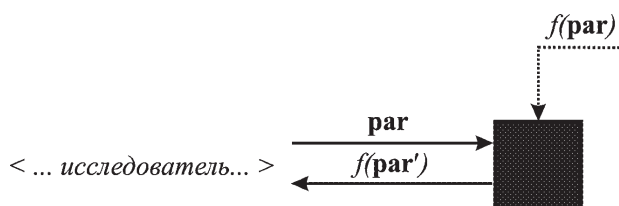

Рис.3. Модель исследователя

Имея некую гипотезу относительно функциональной структуры черного ящика – $f(\mathbf{par})$ и перебирая¹ множество входных параметров \mathbf{par} , исследователь наблюдает значение функции – $f(\mathbf{par}')$.

Описанная модель исследователя может принадлежать одному из четырех классов.

Класс 1. $\mathbf{par} = \mathbf{par}'$, $\mathbf{par}' \subset S_v$, $\{f(\mathbf{par}')\} \subset \{f(S_v)\}$.

Эта классическая модель исследования черного ящика. Для определения функциональной структуры черного ящика достаточно перебрать входные значения и сопоставить их со значением функции выхода. Здесь стереотипная схема (гипотеза) исследователя соответствует действительности.

Класс 2. $\mathbf{par} \neq \mathbf{par}'$, $\mathbf{par}' \subset S_v$, $\{f(\mathbf{par}')\} \subset \{f(S_v)\}$.

Неинформативная обратная связь. В силу неверной гипотезы относительно функциональной структуры системы исследователь не может найти функцию черного ящика. Здесь стереотипная схема (гипотеза) уже не соответствует действительности. Задача исследователя при данных условиях путем перебора гипотез добиться информативной обратной связи и свести тем самым систему к первому классу.

Класс 3. $\mathbf{par} \neq \mathbf{par}'$, $\mathbf{par}' \not\subset S_v$, $\{f(\mathbf{par}')\} \subset \{f(S_v)\}$.

Невозможно добиться информативной обрат-

ной связи от исследуемой системы. Параметры целевой функции черного ящика не входят в область параметрической видимости исследователя. Исследование в таких условиях бессмысленно. Необходимо расширение области параметрической видимости и привести тем самым модель ко второму классу.

Класс 4. $\mathbf{par} \neq \mathbf{par}'$, $\mathbf{par}' \not\subset S_v$, $\{f(\mathbf{par}')\} \not\subset \{f(S_v)\}$.

Невозможность постановки задачи исследования. Как уже было замечено, в утверждении (1) в такой ситуации исследователь может сопоставить с моделью черного ящика более простую функциональную структуру. Поскольку нет какого-либо диссонанса в рамках наблюдаемых величин, то и невозможна постановка задачи исследования. Перевести модель к третьему или второму классу можно только путем расширения области функциональной видимости².

Методы защиты от исследования систем

Только для модели первого класса можно строго сформулировать принцип получения новых знаний, для всех остальных классов это невозможно. Защищая систему от исследования, нам необходимо перевести ее в один из классов 2-4. Каждому из этих классов можно сопоставить метод защиты от исследования систем.

1. Добавление нефункционального преобразования системы по дополнительным параметрам

Суть этого метода в переводе исследователя к модели второго класса, т.е. $\mathbf{par} \neq \mathbf{par}'$. В реальных ситуациях просто изменить процесс и сделать его принципиально другим невозможно, поэтому, чтобы добиться неравенства (несоответствие исходной стереотипной схемы), мы вводим дополнительные параметры, бессмысленные с точки зрения целевой функции системы. При этом необходимо, чтобы целевая функция системы оставалась неизменной.

$$f : \mathbf{par}' \rightarrow \{f(\mathbf{par}')\}. \quad (2)$$

Поскольку исследователю необходимо будет добиться равенства $\mathbf{par} = \mathbf{par}'$ простым перебором гипотез, то, следовательно, и сложность исследования можно ввести как разность мощности этих множеств

$$\mu = |\mathbf{par}'| - |\mathbf{par}|.$$

Усложняя процесс, мы представляем его как ком-

¹Нет необходимости в прямом переборе значений параметров, исследователь может наблюдать лишь значения входных параметров, не имея возможности их корректировать, как например, функцию ценообразования услуг конкурирующей компании от объема рынка.

²Для моделей четвертого класса характерно то, что исследователь в таких условиях просто не стремится ничего исследовать, так как не видит что «что-то не так». Если ассоциировать данные классы с процессом получения научного знания, то 4-й класс – это когда проблема еще не обозначена. Расширение области функциональной видимости в данном случае это, как правило, увеличение точности измерений, наблюдение за новыми явлениями и т.п. 2-й и 3-й классы – это когда проблема уже сформулирована, например, обозначен какой-то парадокс, но при этом не найдены условия, при которых такой парадокс возникает. И, наконец, 1-й класс – точно определены существенные параметры для построения модели процесса.

позицию двух функций

$$f = f_1 \circ f_2;$$

$$f_1 : \mathbf{par}' \times \mathbf{par_d} \rightarrow \{f_1(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})\};$$

$$f_2 : \{f_1(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})\} \times \mathbf{par_d} \rightarrow \{f(\mathbf{par}')\}.$$

В результате сложность исследования характеризуется количеством введенных в процесс дополнительных параметров

$$\mu = |\mathbf{par_d}|.$$

Соответственно каждую из функций f_1 и f_2 можно представить в виде функциональной декомпозиции и т.д.

По такому принципу можно создавать эффект «функционального шума» [2, 3], когда исходный процесс «зашумляется» множеством бессмысленных с точки зрения преследуемой цели процессов. Другим примером могут служить системы аутентификации или опознавание «своих», если одну из составляющей процесса (например, подфункцию f_2) возложить на человека. В результате, модифицируя все процессы в организации по такому принципу, можно ввести некий аналог иммунной системы [4]. Получая уникальные процессы, мы легко можем распознавать активность по стереотипным схемам без учета нефункциональных преобразований.

Множество $\mathbf{par_d}$ можно расширять бесконечно, вплоть до полного хаоса для стороннего наблюдателя.

2. Увод процесса в область параметрической невидимости

Соответственно приводим систему к третьему классу, где система находится в области параметрической невидимости субъекта. Примером может служить изменение бизнес-процессов организации в соответствии с ноу-хау, сохраняемом как коммерческая тайна.

Все это относится к области защиты информации и не составляет определенную нами в начале область исследования: «информационные ограничения, которые формирует исследователь при построении объектов идеального мира». Здесь мы привели данный метод, чтобы не терять системность изложения материала, однако именно защита информации общепринято воспринимается на сегодняшний день как единственный метод защиты от исследования систем.

3. Увод процесса в область функциональной невидимости

Суть данного метода в приведении системы к четвертому классу. Для этого необходимо в исходную функ-

цию (2) ввести дополнительные параметры, но при этом преобразование не является обратимым, а расширяет множество значений целевой функции

$$f' : \mathbf{par}' \times \mathbf{par_d} \rightarrow \{f'(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})\}.$$

Новые значения функции выходят за область функциональной видимости исследователя, вследствие чего он наблюдает исходную функцию черного ящика. Это определяет отношение эквивалентности между исходной и полученной функциями системы.

$$\forall p' \in \mathbf{par}', p \in \mathbf{par_d} : f(p') \equiv f'(p', p).$$

В результате мы получаем отношение эквивалентности (неразличимости) по значениям функции f'

$$\equiv : \{f'(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})\} \rightarrow \{f'(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})\};$$

$$\forall p' \in \mathbf{par}', p_1 \in \mathbf{par_d}, p_2 \in \mathbf{par_d} : f'(p', p_1) (\equiv) f'(p', p_2).$$

В соответствии с утверждением (1) исследователь всегда может сопоставить функции $f'(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})$ более простую функцию $f(\mathbf{par}')$. Это делает невозможным постановку задачи исследования по подбору гипотез относительно вида функции $f'(\mathbf{par}', \mathbf{par_d})$. Можно рассматривать этот метод как некий «абсолютный» вид защиты, так как скрытой становится сама проблема исследования. Однако он имеет очень ограниченную область применения для случаев, когда мы можем расширить функционал системы.

Такое расширение очень удобно для технических систем, когда мы легко можем расширить ее функционал в пределах «невидимости» пользователя. По такому принципу строится система HoneyPot, представляющая собой «приманку» для злоумышленника, пытающегося совершить атаку в компьютерной сети. Аналог данной системы можно рассматривать для любых систем безопасности. В частности, это проект «Reflexion Web»¹, целью которого является разработка систем безопасности сайтов, позволяющих настраивать концепцию уникальности (параметры $\mathbf{par_d}$) в области функциональной невидимости злоумышленника [5]. Это не дает ему возможности исследовать реальные уязвимости сайта.

Для рыночных конфликтов такая функциональная невидимость в подавляющем большинстве случаев строится на основе стереотипных схем, а не на реальной неспособности увидеть целевую функцию конкурента². Например, конкурент может добавить в реальную функцию ценообразования на свои услуги дополнительные параметры, учитывающие специфику бренда. При этом его целью является не увеличение продаж, а охват нового

¹Проект «Разработка систем безопасности на основе технологий защиты от исследования» - <http://infosafety.ru>

²Это ставит проблему разграничения стереотипных схем по целям и по параметрам их достижения. Попытка такой классификации была сделана в статье Стюгина М.А. [3].

сегмента рынка, т.е. борьба за «завтрашних» покупателей. Реальные истории успеха, как правило, часто придерживаются такой схемы, поскольку расширить область своей функциональной видимости конкурентом удается уже слишком поздно.

Заключение

Конфликты в активных системах всегда требуют информации, и, следовательно, формируют задачу исследования. Таким образом, защита от исследования становится актуальной прикладной задачей, научный

фундамент которой пока еще не сформирован. В данной работе удалось системно проанализировать информационные ограничения исследователя, исходя из которых построена классификация моделей исследователя. Сформулированы основные методы защиты от исследования, где наглядно видно, сколь незначительную область составляет проблема защиты информации, традиционно рассматриваемая как единственный метод защиты от исследования систем.

Литература

1. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. – М.: Наука, 1967.
2. Стюгин М.А. Информационное противоборство на уровне функциональных структур // Проблемы регионального и муниципального управления. Труды IX международной конференции. - Москва. РГГУ, 2008
3. Стюгин М.А. Планирование действий в конфликте на уровне функциональных структур // Информационные войны – №2, 2009.
4. Стюгин М.А. Иммунная система информационной безопасности // Проблемы регионального и муниципального управления. Труды X международной конференции. – Москва. РГГУ, 2009.
5. Семенкин Е.С., Стюгин М.А. Повышение информационной безопасности веб-сервера методом защиты от исследования // Программные продукты и системы – № 3, 2009.

Материал поступил в редакцию 30.09.2009.

V. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 130.2

© Косов А.В.
Kosov A.V.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ МИФСОЗНАНИЯ SOCIAL STRATIFICATION AND FORMATION MYTHICAL CONSCIOUSNESS

Аннотация. Массовое социальное поведение является плодотворной почвой для мифотворчества, так как подразумевает необходимость вычленения ориентиров-ценностей как для индивида, так и для массы. Оно закономерно, подвластно действию определенных социальных законов и управляемо, в первую очередь, с помощью мифов как моделированной реальности. Мифы, являясь порождением ментальности различных классов и слоев общества, обслуживают свои социальные зоны, территории, ниши, и, в зависимости от культуральных особенностей среды, более или менее эффективно выполняют свою основную функцию – формируют социальную картину мира для своего носителя и потребителя.

Annotation.

Ключевые слова. Принцип, социальная стратификация, классификация, принадлежность поколению, ценностная ориентация, традиция, нормативный путь.

Key words. The principle, social stratification, classification, association generation, values, tradition, a normative way.

Классификации, используемые для описания объективно существующих социальных групп, представляют собой либо одно-, двухмерные иерархии, либо многомерные структуры, которые в силу своей сложности не могут выступать отражением существующих в сознании людей принципов стратификации общества, поэтому на роль классификации, репрезентирующей представления большинства, может претендовать лишь двухмерная модель.

В профильной литературе отмечается значение культурно-статусного различия для социальной стратификации. Анализ оценочных суждений (оценивались окружающие индивида люди) показывает, что в сознании людей сложились четкие представления о наиболее ярких типах описанных и оцененных в современных мифах и формах фольклора, а в качестве наиболее важных критериев деления людей на «своих» и «чужих» выступают уровень образованности, принадлежности к тому или иному поколению и сходство/различие в ценностных

ориентациях. Принадлежность к тому или иному поколению, как косвенная характеристика возраста, является, скорее, социологическим параметром, в то время как тесно связанные уровень образованности и сходство/различие в ценностных ориентациях могут быть сгруппированы в социально-психологическую характеристику принадлежности к какой-либо социальной группе, свидетельствующую об общем уровне культуры ее представителей. Зрелость индивида предполагает его социализацию, культуру и знаковую репрезентацию («конструирование» реальности – объективной и субъективной).

В воздействии на процессы общественного структурирования сплетаются традиции и новации, ожидания и реальные факты. В определении российской стратификации становятся центральными проблемы поиска и предложения, ориентира и нормативного пути, реформаторских иницилирующих влияний, идентификационных оснований, статусных позиций и приоритетов, де-

Косов А.В. – кандидат психологических наук, доцент КГПУ им. К.Э. Циолковского, тел. (495)543-36-76.

Kosov AV - kandidat psychological sciences, associate professor KSPU them. KE Tsiolkovsky, tel. (495)543-36-76.

монстрационного и имитационного социального имиджа. Для социальной стратификации населения современной России наиболее существенными оказываются шкалы: «материальное благополучие», включающий в себя материальную обеспеченность (советский стереотип «квартира-машина-дача»), уровень доходов, характеристику уровня власти, выражающую степень независимости субъекта от обстоятельств и способность управлять ими, а также «уровень культурного развития», приблизительно определяемый через уровень образованности. Ни тот, ни другой уровни не имеют четкого и однозначного формального выражения и могут быть установлены на основе создания гендеров из образующих их признаков.

Люди со схожими характеристиками образуют типы, причем избранные критерии оказываются достаточно удобным средством дифференциации основных групп представленного полярного распределения:

«Элита» – финансово-промышленная, политическая [1], культурная верхушка, обладающая высоким социальным статусом, реальной властью [2], достатком по достоинству своей квалификации, хотя ее представители не склонны афишировать свою принадлежность к этому уровню. Функциональная роль этой группы в формировании психологической структуры общества выражается в осуществлении социального влияния, реализации социальной власти.

«Интеллигенция» – компетентные специалисты, чья квалификация вознаграждается обществом не столько через материальное поощрение, сколько через признание престижа их профессиональной деятельности (инженеры, врачи, учителя, представители творческих профессий и т.п.). Функция этой категории населения в жизни общества состоит в формировании социальных норм, причем оценки всему происходящему в обществе определяются мнением большинства представителей именно этой категории.

«Новые русские» – те, чье материальное благополучие обусловлено совпадением, обстоятельствами и не подкреплено соответствующей квалификацией (удачливые предприниматели, административно-хозяйственные чиновники, представители теневой экономики, члены семей «элиты», не успевшие получить достаточно высокого образования и т.п.). Функция этой категории в обществе выражается в формировании моделей поведения – потребительского поведения, иерархии потребительских ценностей, паттернов «уличного» (повседневного) поведения, современного тезауруса и др. Скорость роста этого социального строя связана с общим ростом благосостояния и невозможностью столь же быстрого

роста культурного уровня, а также с тем, что формируемые этой группой модели поведения становятся привлекательными для естественного резерва общества – молодежи.

«Социальное дно» выполняет функцию «золотого» эталона – точки социального отсчета, предела, ниже которого невозможно «упасть», причем уровень этот может изменяться, сохраняя свое эталонное значение точки отсчета шкалы социального благополучия.

«Резерв» – самая многочисленная в настоящее время группа (положение определяется преобладанием «среднего» образования и среднего уровня доходов). Сюда может быть отнесено большинство представителей сельского населения и неквалифицированных городских рабочих и служащих и, хотя для их характеристики чаще употребляется определение «рабочие и крестьяне», они не представляют собой реальную социальную группу и в общественном сознании представлены в виде диффузной «средней» массы ввиду несоразмерности их доходов и неодинаковости культурного уровня, иными словами – ввиду неопределенности их социального положения. Более интенсивно социальный резерв пополняет слой «новых русских» и «интеллигенции».

Таким образом, человек, с этой точки зрения, сам целиком предстает как артефакт, продукт культурного производства; создается обратная перспектива: люди образуют «среду», «случайный» фон, контекст общества, которое существует как система воспроизводства культуры, которая, в свою очередь, может быть рассмотрена, таким образом, как относительно автономная от индивида система трансляции коллективного опыта, поток сообщений, передающих социальную информацию, причем общество, как воспроизводящаяся коммуникация, предполагает возможность наследования символов, сотворенных людьми, их значений и смыслов, не только внутри мимолетных человеческих ассоциаций, но и в социальном пространстве и времени. В этом смысле становится возможным рассмотрение процессов социальной ассимиляции, «культурного подражания» низших слоев образу жизни элиты (например!), колониального развития, устойчивого воспроизводства системы духовных паттернов в цивилизации, трансформаций в культурных феноменах российского общества.

Изучение массового социального поведения диктуется потребностями общества, так как любое общество нуждается в стабильности, а людей всегда интересуют причины социальных потрясений. При этом учитывается, что в центре внимания философии находятся социальные факторы: социальное положение, социальное

пространство, экономическая и политическая ситуация, влияние СМИ и др., кроме того, философия, пользуясь статусом генерализирующей науки, нередко в построении собственных объяснительных моделей использует достижения других наук.

На сегодня существуют два подхода к объяснению массового социального поведения: конфликтологический (социальные потрясения - неизбежны, что подразумевает сама сущность социальной организации, а поскольку каждое общество содержит элементы напряжения, будут и социальные потрясения) и функционалистский (параллель между обществом и человеческим телом, социальные катаклизмы – исключение, временно нарушающее общую гармонию, социальные конфликты - болезни общества по аналогии с заболеваниями живого организма). Тем не менее отождествление массового социального поведения с какими-либо потрясениями методологически неверно потому, что это, прежде всего, образ жизни и действий большого количества людей, оказывающий существенное влияние на социальную жизнь и стабильность общества. К субъектам массового социального поведения обычно относят массы, толпу, публику и отдельных индивидов, а также их микрообъединения (семью, микрогруппы и пр.).

Термин «массы» рассматривается обычно в широком и узком смыслах, причем в широком смысле, когда мы имеем дело с людьми, которых либо в силу их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе (политические партии [3], профессиональные и иные организации). С другой стороны, массы - потенциальная сила, при определенных условиях переходящая от пассивного состояния к активному и становящаяся субъектом массового социального поведения: из статической массы толпа превращается в динамическую совокупность людей с едиными установками. В узком смысле «масса» – совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу, не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, не связанных каким-либо общим интересом, причем они более активны и более организованы, чем массы в широком смысле.

«Толпа» – контактная, внешне не организованная общность, отличающаяся высшей степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующая крайне эмоционально и единодушно. Если масса инертна по своей сути, то толпа всегда активна и в ней наиболее явно демонстрируется социальный феномен огульного мышления. Выделяют несколько разновидностей толпы: слу-

чайная (толпа, которую составляют зеваки, собравшиеся около места происшествия), экспрессивная (группа людей, объединенных какой-либо эмоцией, либо выражающая кому-либо или порицающая кого-либо), конвенциональная (группа людей, поведение которых укладывается в установленные для данных ситуаций нормы, но выходит за рамки обычного поведения), действующая (толпа, осуществляющая активные действия относительно конкретного объекта). Действующая толпа подразделяется на агрессивную, спасающуюся, стяжательную и экзотическую.

«Публика» – большая группа людей, объединенная общими интересами, находящаяся в ситуации, затрагивающей указанные интересы, причем публика появляется вместе с появлением предмета общего внимания (событие, личность, научное открытие, предмет искусства и пр.) и в отличие от толпы в публике возможны элементы рациональной дискуссии, критики и борьбы мнений.

Всякое общество – динамическое единство двух факторов: меньшинств (личности или группы индивидов специального достоинства, которые являются субъектами массового социального поведения постольку, поскольку их действия, формально несогласованные во времени и пространстве, ведут к серьезным социальным последствиям) и масс, так, например, решение отдельных семей по поводу того, иметь (и сколько именно) или не иметь детей, может привести к демографическому взрыву или демографической катастрофе. Если единичные поведенческие акты приняли массовый характер, приходится говорить о массовой поведенческой реакции, следовательно, и о массовом социальном поведении, причем очень важно классифицировать его виды, которые в зависимости от масштабности и степени организации тех или иных поведенческих актов можно подразделить на социальные движения, коллективное поведение и социальные действия. Все сказанное выше чрезвычайно важно при формировании в массовом порядке определенных типов общепринятого и социально поощряемого поведения (к каковому, по нашему мнению, относится толерантное поведение) по отношению к обществу вообще, меньшинствам и частным сообществам, в частности.

Термин «мифология» чаще всего подразумевает рассмотрение, во-первых, глобальной совокупности мифологических текстов; во-вторых – науку, изучающую возникновение, содержание, трансляцию и тиражирование мифов. Мифология является одной из символических форм строения реальности, универсальной системой гуманитарного освоения мироустройства. Так как миф порождается социумом и потребляется им же (та-

ким образом изначально социален), то и процесс мифологизации/ремифологизации рассматривается нами как социальный феномен. В связи с этим необходимо рассмотрение социального расслоения носителей и потребителей мифов. Под социальной стратификацией нами (в соответствии со сложившимися понятиями) понимается характеристика структуры общества в целом, а также отдельных социальных групп, делимых на таковые в зависимости от вычленимых признаков. Социальная стратификация общества всегда целенаправлена, поэтому для эмпирических моделей картина сильно упрощается.

Так, человек, в зависимости от своего эмоционального состояния, может делить окружающих на три типа – «хорошие», «плохие» и «все остальные», причем для него эта модель будет истинной и не будет требовать последовательных доказательств на право существования, поскольку служит ему ориентиром при формировании установок, стереотипов, целей и норм, объяснений и оправданий событий, происходящих вокруг, имеющих и не имеющих к нему прямого отношения (хотя для всех остальных будет во многом мифологичной). Требования обоснованности выбранного критерия и полноты набора типов отходят на дальний план. Отечественная социально-философская и психологическая литература содержит немного эмпирических классификаций, хотя теоретические основы социальной стратификации имеют длительную историю и высокую степень разработанности: подробно рассмотрены критерии структурной организации общества, исследованы принципы расслоения и неравенства, описан образ жизни больших социальных общностей, плодотворно разрабатываются другие фундаментальные вопросы. Тем не менее рабочей классификации, применимой для сегментирования населения в рамках социального мифа с целью прогнозировать и формировать предсказуемое поведение, последовательного внедрения социальных программ пока не существует, попытки же прямого калькирования зарубежных моделей фактически не приносят результата из-за специфики культурно-исторических условий и «феноменологии» русского характера. Новые модели конструируются для получения возможности уточненной целевой адресации и адекватной подачи социального влияния (в нашем случае через социальные мифы), влияния в связи со спецификой отражения объективных параметров действительности в массовом сознании и учетом функций, выполняемых различными группами в формировании социально-психологической структуры общества. Этот подход не преследует цели объяснения универсальности механизмов формирования реальных социальных

групп, что освобождает исследователя от необходимости привязывать эмпирическую модель к сложившимся (структуралистскому или функционалистскому) подходам, к распределению приоритетов между естественным образованием общественной структуры и подчинением структурной организации требованиям распределения функциональных ролей между разными группами. Социальная стратификация в этом случае выводится из представлений членов общества о собственной социальной идентичности и механизмов межгруппового восприятия.

Коллективное поведение – относительно стихийное и неорганизованное поведение группы людей, реагирующих на неопределенную или угрожающую ситуацию. Первые теоретические разработки данной проблемы Гюставом Лебоном [4] относятся к концу XIX в., причем он не видел различий между массой и толпой, считая толпу основным субъектом коллективного поведения, и отмечал [5], что поведение человека определено врожденными и приобретенными факторами, а, попадая в толпу, человек регрессирует, т.е. возвращается к более ранним стадиям развития. Замечая, что скопление людей в интеллектуальном отношении ниже отдельного индивида, Г. Лебон утверждал также, что масса людей (толпа) самим фактом своего образования получает и «коллективную душу»: «В коллективной душе умственные наклонности индивидов и, следовательно, их индивидуальность, ступшеваются, а обыкновенные качества, т.е. бессознательные, господствуют» [5].

Г. Лебон сформулировал закон психического единства толпы, суть которого состояла в сведении людей к одному уровню, вследствие чего создается однородная масса, и возникает т.н. «средний характер» массовых индивидов с качествами, которыми ранее они не обладали. По его мнению, масса импульсивна, изменчива и возбудима, ею почти всегда руководит бессознательное: «Индивиды толпы действуют гораздо более под влиянием спинного мозга, чем головного. В этом отношении она приближается к совершенно первобытным существам» [5]. Среди главных отличительных признаков массы (толпы) им выделены: легковёрность и некритичность; податливость влиянию; властность [6]; консервативность и нетерпимость; неспособность к наблюдению (раз индивиды находятся в толпе, то и невежда, и ученый одинаково не способны наблюдать [6]); высокий эмоциональный накал и др. Указанные свойства образуются вследствие действия трех основных механизмов: анонимности, заражения, внушаемости:

1. Анонимность (чувство неодолимой мощи, что побуждает поддаваться подавленным влечениям и по-

зывают: «При анонимности и безответственности масс совершенно исчезает чувство ответственности», причем каждый считает, что любые действия относятся к толпе, а не к нему лично).

2. Заражение (Г. Лебон под «заражением» понимал распространение психических состояний одних людей на других).

3. Внушаемость (механизм, направляющий поведение людей, проявляется в некритическом восприятии индивидами любых стимулов и призывов к действию и способности совершать акты, находящиеся в полном противоречии с их сознанием, характером и привычками: «Индивид, находящийся некоторое время в лоне активной массы, впадает, вследствие излучений, исходящих из нее, в особое состояние, весьма близкое к зачарованности. Сознательная личность совершенно утеряна, воля и способность различения отсутствуют, все мысли и чувства ориентированы в направлении, указанном гипнотизером. Индивид больше не осознает своих действий» [6]. В связи с этим социальную философию сегодня все больше интересует проблема воли [7].

Людьми, по мнению Г. Лебона, овладевает неистовство и в результате взаимодействия друг с другом сила внушения резко возрастает. Коллективное поведение не соответствует определенным стандартам, но может постепенно утрачивать свою необычность и становиться привычным. Ему сопутствует ощущение приближающейся опасности, имеющее место в определенном социальном контексте (высокий уровень безработицы, низкая квалификация населения, тяжелое социально-экономическое положение и пр.). Коренными отличиями между толпой и массой служат наличие и отсутствие непосредственной близости друг к другу. Коллективное поведение, как правило, отмечается на уровне толпы, может происходить в массовом масштабе, а иногда наблюдается одновременно на обоих уровнях. Выделяются три основных типа эмоций, присущих коллективному поведению (страх, враждебность, ярость), которые с различной силой ощущаются и выражаются толпами и массами людей.

Таким образом, на коллективное поведение можно воздействовать, управлять им, причем, чем меньше логики в том, что декларируется, тем лучше. Главное в работе с массами – работа на объединение: массовые шествия (в поддержку или против чего-либо), листовки, огни - символами и ритуалами можно формировать поведение помимо логики, напрямую через подсознание, принимающее как данность любые фантазии. Победить лидера – значит победить толпу. Толпа жаждет экстаза и не прощает поражений своим вожакам, так как толь-

ко возбужденная толпа легко управляема, а апатия массы является формой самозащиты, протеста. Управление коллективным поведением предполагает воздействие на его субъекты, переориентация внимания ее участников.

Социальные движения – организованные, коллективные, многообразные усилия больших групп людей, способствующие или препятствующие социальным переменам, которые могут быть систематизированы в соответствии с характером перемен, к которым стремятся проводящие их в жизнь люди, так как одни движения пытаются изменить поведение своих членов, другие – изменить общество; кроме того, существуют политические, религиозные, этнические, экологические движения, движения за реформы, движения сексуальных меньшинств и пр [8]. Социальные движения могут быть классифицированы и в соответствии с их целями. По мнению Н. Смелзера [9], все социальные движения возникают в связи с чувством недовольства заведенным порядком вещей, всегда возникающим в результате несоответствия между объективными условиями и виртуально-идеальными, которое, однако, само по себе, не является главной причиной социальных движений. Необходимо осознание несправедливости существующего положения дел, его несоответствия нормам и ценностям общества, причем должна присутствовать уверенность в бездействии и некомпетентности властей. Кроме того, недовольство может возникнуть внезапно: в результате возросшей социальной чувствительности, а также под влиянием СМИ.

В стабильных обществах социальные движения возникают редко. Мощные социальные движения – следствие социальной дезорганизации, которая проявляется в том, что люди теряют ориентиры, в первую очередь, нравственные. По мнению Р. Мертона [9], членам нестабильных изменяющихся обществ присущи следующие характеристики:

- чувство того, что те, кто управляет государством, равнодушны к чувствам и стремлениям рядовых членов;
- чувство того, что рядовой член общества не может достичь основных целей, провозглашаемых этим обществом, которое видится ему как непредсказуемое и беспорядочное;
- общее ощущение тщетности и бесполезности приложения усилий;
- убеждение в том, что невозможно рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны данного общества.

Другим важным фактором возникновения социальных движений является социальная неудовлетворенность – общее недовольство людей условиями жизни и системой отношений в обществе, в которой выделяют

три основных компонента: относительную неудовлетворенность (выражающуюся в том, что люди не удовлетворены тем, что они имеют, и тем, что они могли бы иметь, причем, чем больше разрыв между ожиданиями и возможностями их реализации, тем больше относительная неудовлетворенность), ощущение несправедливости (субъективно переживаемое чувство, свойственное любому человеку, способное вовлечь человека в социальные движения) и статусную неудовлетворенность (развивающуюся в том случае, когда кто-то один имеет несколько статусов противоречивого ранга: высокий образовательный статус и вынужденное выполнение неквалифицированной работы). Люди с устойчивой статусной неопределенностью наиболее часто ощущают неудовлетворенность.

Исследования показывают, что наличие у человека трех факторов социальной неудовлетворенности ведет к тому, что он испытывает потребность присоединиться к какому-либо социальному движению. Социальные движения могут возникать и в стабильных обществах, в которых они выливаются в культурные течения (процессы, в которых небольшие деформации медленно изменяют способы жизнедеятельности людей, но результат действия этих перемен очевиден: эмансипация, расовая сегрегация).

Необходимым условием развития социальных движений является наличие лидера. Даже самый могущественный лидер должен пользоваться поддержкой приближенных к нему людей, они и составляют руководящую группу, вокруг которой сосредотачиваются последователи. В процессе развития социальных движений требуются разные типы лидеров. Учитывая тот факт, что социальное движение проходит четыре этапа в своем развитии, каждому из них присущ свой тип лидера: этап социальных волнений (типичным является лидер-агитатор, человек, побуждающий к действиям); этап всеобщего возбуждения (необходим лидер-пророк, идейный вдохновитель, вызывающий энтузиазм у последователей); этап образования формальной организации (требуется администратор, контролирующий разделение труда, определяющий требования к членам организации); этап институционализации (необходим политический деятель, понимающий сущность политических процессов, способствующий укреплению движения и достижению его целей) [2]. Иногда все эти качества сочетаются в одном человеке, но чаще всего на разных этапах необходимы различные лидеры, в связи с чем в социальных движениях часто наблюдается раскол, вызванный конфликтом в руководстве, при этом основоположник, как правило, концентрируется на первоначальных замыслах движения. Определенную часть участников социальных движе-

ний составляют изолированные от общества личности и группы. Чаще участвуют в социальных движениях люди, которые потеряли или могут потерять собственный статус. В результате неудачной социальной мобильности они ощущают ненависть к другим группам, что ведет к возникновению установок на насильственные действия. Рекрутированию в социальные движения способствуют утрата семьи и личная неустроенность [10].

В большинстве социальных движений основная часть представлена людьми, принимающими их идеи, но стремящимися достичь с помощью этих движений своих собственных целей. Принадлежность к группе снижает чувства страха, беспомощности и изоляции, поэтому в социальных движениях немало невротиков, неустроенных, неуравновешенных и психопатических личностей, которых привлекают не идеи, а поиски единения с собой подобными. Толерантность (терпимость) при широком толковании этого термина и одобрение властей, как правило, способствуют исчезновению социального движения, как, впрочем, и слишком жесткое противодействие, причем необходимо учитывать, что каждое социальное движение сопровождается контрдвижением и, если побеждает социальное движение, оно становится частью социальной структуры общества.

Социальное действие представляет собой простейшую единицу, элемент любого вида социальной деятельности, причем даже такие социальные процессы, как общественные движения, крупные конфликты, мобильность социальных слоев, состоят из отдельных действий индивидов, связанных между собой в сложные цепи и системы. Социальное действие – более значимая форма массового социального поведения, чем все остальные его формы, вместе взятые. Если в социальных движениях и коллективном поведении принимают участие тысячи людей, то социальные действия совершает сознательное население планеты.

Каждый поведенческий акт, осуществляемый в социальной среде, – социальный, но не каждый социальный акт – социальное действие: поведение человека выражается либо в действии, либо в бездействии. «Действием, – писал М. Вебер, – мы называем действие человека (независимо от того, носит оно внешний или внутренний характер, сводится ли к вмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [11]. Таким образом, под соци-

альным действием М. Вебер [11] (который и ввел эту категорию в научный оборот) понимал действие индивида, сознательно ориентированное им на прошедшее, настоящее и будущее поведение других людей. Под «другими» он подразумевал как отдельных лиц (знакомых или незнакомых), так и неопределенное множество совершенно незнакомых людей. Социальным действие становится при наличии следующих условий:

- если это сознательное действие;
- если оно ориентировано на фактическое или возможное поведение других людей.

Ориентация на поведение других выражается в ожидании возможной реакции на совершенный поступок. В отличие от поступка или поведения как совокупности поступков, которые могут быть как осознанными, так и неосознанными, социальные действия всегда являются преднамеренными. Это осмысленный комплекс поступков, предпринятых для достижения определенных целей с помощью соответствующих средств. Субъектами социальных действий могут выступать как личности, так и социальные общности, правда, не всегда можно провести четкую границу между осознанной и неосознанной ориентацией индивида; она достижима лишь в рамках теоретической конструкции. Поэтому Вебер разработал классификацию социальных действий в зависимости от степени их осознанности и рациональности, выделив четыре типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное.

Целерациональное действие характеризуется ясностью и однозначностью осознания действующим индивидом своей цели, а также средств ее достижения. Рациональность действия заключается в разумности цели и обоснованности избираемых средств - это идеальный тип социального действия, представляющий собой скорее мыслительную конструкцию, чем реальный поведенческий акт. Подобный тип действия предполагает рациональный расчет действующего субъекта на реакцию окружающих и использование их поведения для достижения своих целей.

Ценностно-рациональное действие основано на безусловной вере в ценность данного вида поведения, независимо от того, к какому результату оно приведет, его смысл заключается не в достижении какой-либо цели, а в его собственном характере (религиозном, этическом, эстетическом, юридическом), самим фактом подобного действия утверждается абсолютность определенной ценности. Ценностно-рациональным образом действует лишь человек, который, несмотря на последствия, следует религиозным заповедям, своим представлениям о дол-

ге, чести, правах человека и пр. М. Вебер считал, что такое действие реализуется в редчайших случаях, поэтому он называл этот тип поведения «пограничным» [[11]].

Традиционное действие целиком основывается на привычке и имеет почти полностью автоматический характер. Оно находится на границе того, что может быть названо осмысленным поведением, по существу, это привычная реакция на раздражение в русле однажды усвоенной установки, а значимость подобного типа поведения связана с тем, что к нему близка большая часть обыденного поведения людей. Аффективное действие основано на эмоциональной реакции индивида. Главное в таком действии - стремление к немедленному удовлетворению страсти, владеющей индивидом (стремление отомстить, желание снять напряжение, вожделение и т.д.) и находящейся на грани осмысленного поведения [12].

В основе современной классификации социальных действий лежит веберовская концепция, творчески развитая Т. Парсонсом [13], для которого эта теория сыграла решающую роль в становлении собственных теоретических построений «системы общечеловеческого действия», включающей наряду с «системой личности», «социальной системой» также «систему культуры». Классификация Вебера была дополнена рядом других классификационных систем.

По своему содержанию социальные действия могут быть подразделены на три вида: репродуктивное действие - действие, направленное на сохранение и поддержание нормального функционирования социальной системы (объекта, института); социальное отрицание - действие, нацеленное на упразднение системы или какого-либо ее элемента (революция, геноцид, критика); социальное творчество (действие по созданию новых форм социальных отношений и развитию общественного сознания). К основным элементам структуры социального действия обычно относят цели действия, средства, условия, нормы, причем последние занимают наиболее важное место. В современной литературе распространено понимание этой категории как предела, меры допустимого - «социальная норма» определяет исторически сложившийся в данном конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп и организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются как результат отражения в сознании людей, а также в их поступках объективных закономерностей функционирования общества. Социальная норма может соответствовать законам общественно-

го развития и тогда являться «естественной». Вместе с тем она может отражать эти законы недостаточно адекватно, а порой и находиться с ними в противоречии, тогда сама норма будет аномальной, нормальными же будут отклонения от нее. Нормы, юридически закрепленные в основных документах, т.е. институционализированные нормы, направлены на формирование определенного типа личности, в то же время активный элемент личности сам предъявляет определенные требования к обществу, выражая их через отношение к собственной деятельности, через различные формы социальной активности. Нормы - ограничитель реакции индивида, ставящий его в зависимость от других людей и ориентирующий на них. В социальном действии происходит переработка внешних влияний и в нем самом заложена реакция на ожидания других людей. Основными условиями социального действия являются учет и восприятие ожиданий. Каждый человек живет в мире других людей, которые ожидают от него определенных действий, определенного поведения, и каждый должен учитывать эти ожидания.

По существу, весь комплекс действующих мотивов можно определить как отражение в сознании индивида объективно важных состояний действительности, определяющейся, с одной стороны, стимулами, идущими от органических (естественных) и социальных потребностей, а с другой – осуществляющейся под влиянием нормативного аспекта (с точки зрения допустимости). При этом человеку предоставляется возможность выбора, так, приступая к какой-либо деятельности, он может выбрать:

- 1) между действием и ничегонеделанием;
- 2) способ действия, если решил действовать:
 - различная степень эмоциональной включенности;
 - выбор между личным и общим интересом; - вы-

бор между «достижением» и «предписанием».

Кроме того, необходимо решить проблему специфики и диффузности собственного выбора. Ценности, которыми руководствуется человек, представляют собой не только строго определенную иерархию, но и сложные системы, которые принято называть «этическими», из которых обычно выделяют две. Первая преобладает в тех сообществах, где большинство личностей негативно оценивают соединение добра и зла и предпочтение отдается человеку, стремящемуся к компромиссу. В тех культурных сообществах, где соединение добра и зла оценивается позитивно и предпочтение отдается личности с бескомпромиссным поведением, преобладает вторая этическая система (выяснению доминирования той или иной этической системы у различных людей и их сообществ было посвящено исследование В.А. Лефевра [14], проверявшего, в первую очередь, метаустановки (исходные, основополагающие).

Таким образом, массовое социальное поведение является плодотворной почвой для мифотворчества, так как подразумевает необходимость вычленения ориентиров-ценностей как для индивида, так и для массы. Оно - закономерно, подвластно действию определенных социальных законов и управляемо, в первую очередь, с помощью мифов как моделированной реальности. Мифы, являясь порождением ментальности различных классов и слоев общества, обслуживают свои социальные зоны, территории, ниши, и в зависимости от культуральных особенностей среды более или менее эффективно выполняют свою основную функцию – формируют социальную картину мира для своего носителя и потребителя.

Литература

1. Водолагин А.В. Экзистенциально-онтологический анализ политики. // *Социальная теория и современность*. Вып. 9. – М., 1993.
2. Водолагин А.В. Патология власти // *Национальные интересы*. – М., 2004. – № 5.
3. Водолагин А.В. Политическая коррупция как угроза государственной безопасности России. // *Румянцевские чтения. Модернизация России: торгово-экономический, правовой и социальный контекст*. – М.: РГТЭУ, 2003.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 316 с.
5. Лебон Г. Психологии толпы. – СПб.: Лань, 1996.
6. Водолагин А.В. Феномен массовой власти // *Социальная теория и современность*. Вып. 10. – М., 1993.
7. Водолагин А.В. «Последняя воля» Фридриха Ницше // *Ф. Ницше. Воля к власти*. – М., 1993.
8. Водолагин А.В. Концепция устойчивого развития как экполитическая утопия XX века // *Васильевские чтения. Национальные традиции в торговле, экономике, политике и культуре*. – М.: РГТЭУ, 2003.
9. Смелзер Н. Социология. – М., 1994.
10. Водолагин А.В. Патология власти // *Национальные интересы*. – М., 2004. – № 5.
10. Moscovici S. *The phenomenon of social representations* // *Soc. Representations / Eds. R.M. Farr, S. Moscovici*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 3 – 69.
11. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. – М., 1999. – С. 603.
12. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М., 1995. – С. 17, 76 – 80.
13. *Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы.* / Под ред. Т. Парсонса. – М.: Прогресс, 1972. – 420с.

Материал поступил в редакцию 6.05.2009.

© Збруева Н.А.
Zbrueva N. A.

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

AN ACTION OF PRINCIPLES OF ADDITIONALNESS AND VAGUENESS IS IN THE GLOBAL CULTURAL-CIVILIZATION SYSTEM

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые аспекты культурно-цивилизационного контекста современного мира с точки зрения действия основополагающих принципов дополнительности и неопределенности для прогнозирования будущего в пространстве культуры.

Annotation. In work some aspects of in a civilized manner-civilization context of the co-temporal world are considered from point of action of fundamental principles of additionalness and vagueness for prognostication of the future in space of culture.

Ключевые слова. Культура, принцип дополнительности, неопределенность, глобальная система, метафизическое понимание, феномен культуры.

Key words. Culture, principle of additionalness, vagueness, global system, metaphysical understanding, phenomenon of culture.

Принципы дополнительности и неопределенности обычно воспринимаются нами как основополагающие принципы в естествознании. Учитывая место естествознания в самом феномене культуры и амбивалентной ему категории цивилизации, целесообразно рассмотреть применение принципа неопределенности и принципа дополнительности для осмысления метафизического понимания современного процесса глобализации как одной из последовательных стадий или ступеней развития феномена культуры в целом.

Как известно, Нильса Бора к формулированию принципа дополнительности подвигли представления о многообразии языков¹. В основе этого принципа лежит представление об описании объекта или феномена раз-

ными наблюдателями, чьи описания являются не противоречащими, а взаимодополняющими, при этом соответственно возрастает роль субъективного начала. Что же касается принципа неопределенности, сформулированного немецким физиком Вернером Гейзенбергом, то из него следует, что невозможно с одинаковой точностью определить сопряженные характеристики какого-либо объекта микромира, так как уточнение отдельных значений приводит к потере точности в определении других.

Принимая условность разнообразных дефиниций культуры, тем не менее, выделяем одну системообразующую характеристику: автономность мира культуры как мира человеческого существования. Произошедшее в XVII-XVIII вв. осознанное выделение феномена цивили-

¹ Подавляющее число языков содержат в своем составе элементы, полученные из других языков, им предшествующих или в разное время вливших на них. Иначе говоря, при передаче языковых сообщений из поколения в поколение происходит перекодирование с частотным искажением (подобно генетической мутации при передаче генетической информации). Для лингвиста, если в кодировании согласно модели Шеннона (1963 г.) участвуют два разных кода, то это является предпочтительной моделью для описания изменения языка во времени.

Збруева Наталья Александровна – кандидат культурологии, профессор кафедры философии и общих гуманитарных дисциплин Российского нового университета, тел. (495)543-36-76.

Zbrueva Natalia Aleksandrovna – a candidate of kulturologii, professor of department of philosophy and general humanitarian disciplines of the Russian new university, tel. (495)543-36-76.

зации как некоего состояния человеческого сообщества, создало в дальнейшем прецедент либо противопоставления культуры и цивилизации [1] либо их полного, органичного, взаимообусловленного сочетания [2].

В этом проявилась потребность объяснения иного восприятия новых пространственно-временных координат окружающего мира, возникших благодаря научным, информационным, коммуникационным, промышленным, революционным изменениям середины XIX – конца XX столетия. Несмотря на полисемантическую терминологию термина цивилизация, наиболее важным оказалось то, что сущностная природа данного явления, как и феномена культуры, связана с автономностью мира человеческого существования. Но вместе с тем цивилизация проявляет и другие акценты человеческого бытия системного характера: определяет в качестве субъекта действия государство, а не индивида; порождает право как основной регулятор отношений в обществе, а не этические нормы, сформированные развитием культуры; руководствуется жестким расчетом, а не эвристическими наклонностями или интуицией и так далее. В определенной степени объяснению противоречий при сравнительном анализе культуры и цивилизации способствовало перенесение на мир культуры принципа дополнительности квантовой физики, применение которого позволило раскрыть новые возможности и представления о человеческом мире с субъективных позиций разных наблюдателей. Их восприятие с разных позиций дало возможность обосновать новое состояние культуры и ее исторический магистральный путь развития – цивилизованный путь.

В то же самое время терминологическая многозначность интерпретации понятий культура и цивилизация, существующая и в настоящее время, демонстрирует действие принципа неопределенности. Многочисленные попытки выделить наиболее значимые характеристики этих двух сопряженных явлений приводят к выводу, что «практически все относящееся к культуре является в то же время цивилизацией, как и наоборот – все относящееся к цивилизации в то же время является культурой» [3]. Иными словами, в современном понимании динамики мировой общественной системы приемлемым становится осмысление культурно-цивилизационного контекста ее реализации, полагающего ценность каждого культурно-исторического типа человечества, специфичность цивилизационных течений разных народов и поливариантность возможного общественного развития.

Простительными в известной степени являются искренние заблуждения в прогнозировании социально-экономического будущего в силу недостаточно обосно-

ванного или исторически устаревшего представления о путях развития человеческого сообщества. Гораздо более существенными и имеющими более трагичные последствия являются намеренные искажения фундаментальных оснований общественных отношений, навязывание в мировых масштабах доминирования конкретной цивилизационной модели существования и развития как единственно оправданного будущего.

Манипуляции терминологическими единицами почти всегда имели успех с точки зрения целевого воздействия на определенный социум. Подобные иллюзионистские технологии приобретают особое значение в современных условиях эволюционных изменений культурно-цивилизационного социума планетарного масштаба. В связи с возможностями глобальных трансформаций на нашей планете инициаторы или генераторы этих манипулятивных действий, отдавая себе отчет или нет, связывают себя ответственностью перед всем человечеством нарастающими экологическими проблемами характера, демографическими и климатическими изменениями, угрозами экономического характера.

К примеру, построение единой модели развития для разных регионов земного шара, игнорируя принципы дополнительности и неопределенности, носит авантюрный характер сомнительного толка и, как показывает действительность, преследует интересы определенной социальной группы или социума более крупного масштаба. Какими бы «благородными» целями или устремлениями они не оформлялись, но игнорирование самобытности и культурно-цивилизационной целесообразности путей развития для разных государств неизменно приводит к трагическим последствиям, что продемонстрировано, например, военными вторжениями в Чехословакию, Афганистан, Югославию, Ирак, Палестину. В этом смысле проект мировой вестернизации, а затем проект золотого миллиарда, парадокс однополярности мира и тому подобное явились предтечей создания нового мирового интернационала, синтезирующего глобальные политические и экономические механизмы определенным образом, но с весьма жестким проведением основной линии своего мирового доминирования – глобальной централизации капитала в США. А.С. Панарин предупреждал, что этот процесс затягивает национальные элиты в мировую ловушку, отрекая их от интересов своих народов.

В самой динамике социальных систем уже заложена неопределенность. Исторические факты позволяют наблюдать культурно-цивилизационные изменения как результат действия принципа неопределенности и принципа дополнительности. Одним из самых ярких

проявлений подобных изменений стал кратковременный по продолжительности в масштабах Древнего мира шестисотлетний период осевого времени в соответствии с моделью Карла Ясперса. В разных частях земного шара при отсутствии эффективных средств коммуникации возникают близкие по духу и содержанию нравственные каноны, философские воззрения, научно-технические решения и т.п. Появляется иное осмысление человека как личности в земном пространстве – золотое правило нравственности, это уже признаки одной из трансформаций культуры, в будущем XX в. получившей именование – глобализация. После великих географических открытий человечество сталкивается с ощущением фрагментарности в планетарных масштабах, с существованием других форм человеческого бытия, отличных от привычных. Благодаря этому формируется осмысление физической глобальности и одновременно автономности человеческого существования. В век Просвещения идея глобального мира получает дальнейшее развитие, но уже как идея права всемирного гражданства, как «... необходимое дополнение неписанного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру» [4]. Последнее является весьма убедительной иллюстрацией принципа неопределенности, так как у самого И. Канта отсутствует представление, каким путем этот «человек вообще» будет вырабатывать сопричастность идее мирового гражданства. В результате мощного культурно-цивилизационного прорыва, благодаря научно-технической и информационной революциям, социальным процессам XX в. становится явной неизбежность глобальных катаклизмов, которые, реализуя потребности формирующегося центра капитала, оформляются как эпоха мировых войн. Сначала они носят межгосударственный характер, затем поднимаются на религиозно-цивилизационный уровень (согласно С. Хантингтону, происходят по цивилизационным разломам) и, наконец, превращаются в глобальные социально-экономические вторжения, которые определяются претензиями нового мирового гегемона.

Культурно-цивилизационный контекст развития человечества, казалось бы, позитивно ориентированный на множественность цивилизационных стратегий развития в рамках единой мировой системы, заменяется социал-дарвинистским подходом, который, возможно, позволит наиболее радикальным способом решить актуальные демографические, экологические и политические проблемы этапа глобализации.

Увы, принципы дополнительности и неопределенности в этом случае перестают рассматриваться как основополагающие принципы автономии культуры – пространства человеческого существования. Исходя из теории «процесса рационализации» М. Вебера и его последователей, целерациональность позволяет отбросить все особенности человеческого существа как личности, экспрессивно реагирующей на знак или знаковую систему; существа, помнящего и следующего культурной традицией своих предков; существа, чье личностное мировосприятие оформляется как система ценностных ориентиров, нравственных норм и этнокультурных традиций. Приветствуется лишь одно качество: действие, направленное на эффективное достижение цели, прагматически расчетливое и утилитарное, но защищенное юридическим правом либерального мира. Мира, в котором нет места субъективным наблюдателям, имеющим иной взгляд на объект, миром, который идеологически однозначно детерминирован: капитализм американского образца – единственное верное, а потому и вечное¹.

Однако, если рациональность рассматривать в качестве функции организации деятельности или как свойство социальных отношений в рамках определенной социальной системы, то множеству иных социальных систем будут присущи адекватные им локальные типы рациональности, то есть должно проявляться признание несводимых друг другу, но равноценных структур рациональности в культурно-цивилизационном континууме [5]. Но, например, в настоящее время практически отвергнута идея социалистического развития как своеобразного общественного договора, в котором возможен компромисс между равенством и осознанной несвободой, идея социализма, которая присуща, порой неосознанно, миропониманию большинства людей. Не рассматривается идея коэволюции Природы и человеческого сообщества, именуемая эпохой ноосферы, в которой ответственность человека и Разума связывается с направляемым развитием биосферы и общества.

Создается впечатление, что развитие культурно-цивилизационной системы должно обретать форму глобализации согласно параметрам одного цивилизационного пути – западного прогресса, которому суждено, видимо, стать счастливым концом истории. Правда, здесь имеются некоторые оговорки и допущения, а также и недопущения в это счастливое, либеральное будущее (в соответствии с теорией невозможности Г. Дали) 4/5 населения Земли в связи с тем, что ресурсов планеты для

¹ Как ни странно, это напоминает наивное устремление революционеров раннего периода Советского Союза к мировой революции, но оно диктовалось совсем другими общественно-политическими условиями выживания во враждебном окружении.

всеобщего процветания не хватит. Следовательно, совершенно естественно, что в эволюционном процессе неизбежно приходится кем-то жертвовать...

Согласно К. Попперу [6], познание начинается с проблемы. А новые проблемы, как правило, зависят от старых лишь незначительно, так как новая проблема в смысле ее рассмотрения в иной физической среде или других условиях становится действительно новой, так как раньше ничего подобного не было. Так, проблема рациональности из числа высших ценностей культуры, связанных с осознанием необходимости адекватного отношения к действительности (как механизма внешней гармонизации, так и механизма внутреннего совершенствования), в новых условиях может стать и активно превращается в усеченный вариант рациональности в интересах определенной модели развития мира.

Проблема прогнозирования будущего в XXI в. как культурологическая проблема просматривается, по мнению А.С. Панарина [7,8], в разворачивании новой мировой войны с 1998 г., хотя и естественной в эпоху мировых войн, но протекающей в условиях становления информационного общества.

Информационное общество предполагает не только пользование техническими средствами в области распространения и обмена информацией, но и возрастающую роль процессов информационной природы в развитии биосферы через накопление знаний об окружающем мире, что имеет объективный исторический смысл. В условиях информационной модели общественного развития порождаются такие связи и отношения, в которые объективно втягиваются все страны и народы мира. Определяющим фактором становится совпадение устремлений науки и управленческих структур (творческого меньшинства по А. Тойнби) в прогнозировании приближения возможных кризисных ситуаций в обществе и подготовке таких ответов, которые бы способствовали уменьшению или даже устранению негативных последствий уже в масштабах Земли. Но нередко этот процесс упрощенно интерпретируется как направленный на унификацию духовных и материальных ценностей и неизбежно приводящий к предельной форме интеграции научно-технических и социально-экономических форм развития.

Следует заметить, что технические революции в области коммуникативных связей превращают наше планетарное сообщество в информационную систему. В идеале эта самоорганизующаяся система может, по

мнению Н.Н. Моисеева, породить феномен Коллективного Разума планетарного масштаба, в котором человечество будет взаимодействовать с природой как одно целое [9]. При этом кризисы могут проходить без войн и катастроф как необходимых условий эволюции.

Этот же феномен может оказаться в руках небольшой группы людей, заинтересованных в проведении политики захвата интеллектуальной и природной собственности в планетарных масштабах. В таком случае возникает реальная возможность развития новой более жесткой формы тоталитаризма, системы для обеспечения благополучия стран золотого миллиарда, в которых скапливается все богатство планеты. По существу, развязывается превентивная война богатых против бедных. Ведется она с использованием информационно-технологических приемов СМИ и массовой культуры как наиболее эффективного средства насаждения выгодной «хозяевам сегодняшнего мира» картины мира, направленной на разрушение возможной социальной солидарности глобально притесняемых.

Одним из важнейших направлений является разрушение и подмена основных понятий социальной онтологии и аксиологии, что реализуется через информационные потоки СМИ и проявления массовой культуры, опробовавших и успешно закрепивших в своих технологических приемах формирование мазохистских самооценок, комплексов неполноценности, искажения исторических фактов, уничижительных для страны в целом и определенной социальной группы. Как подчеркивал А.С. Панарин, необходимо, чтобы социальная энергия возмущения целиком ушла в личные комплексы и породила чувство, что униженным и обездоленным некого винить, кроме себя. А протекающие процессы невиданного, скоростного расслоения общества на сверхбогатых и экономических изгоев должны осмысливаться как объективная историческая неизбежность¹. Деграция современной массовой культуры на постпространстве нашей страны наглядно демонстрирует диаметральный переворот ценностных ориентиров в зрелищной области: в кинематографе, в театре, на эстраде, в культурных аспектах телевидения. Основой деятельности новой пропагандистской, манипулятивной технологии информационного толка является нагнетание негативной информации, избытие насилия, крови, разрушений и катастрофических катаклизмов, разжигание национальных противоречий, исчезновение сострадания и глубокого

¹ А.А. Зиновьев подчеркивал невиданный дисбаланс потребляющих и производящих продукцию в нашей стране в начале XXI века: 80 % потребляют около 12% ВВП, в то время как 20% принадлежат оставшиеся почти 90% валового продукта.

сочувствия как национальной черты. С другой стороны, происходит сентиментальное расцветивание жизни богатых, успешных, оборотистых как недостижимых, привилегированных, общественно значимых слоев общества, новых аристократов. Не менее важными становятся технологии формирования зыбкого образа реальности через навязывание определенной интерпретации происходящего в мире. Все это способствует легковесному восприятию любых сообщений, быстро возникающих, также быстро исчезающих, а потому мало доступных для проверки их достоверности. Кроме того, гипертрофированные объемы поступающей информации, насыщенной малозначимыми фактами и событиями, отсутствие времени для размышления и осмысления ее, примитивность эмоционально возбуждающих информационных технологических приемов приводят значительные слои населения к устойчивому эффекту «неграмотного», готового воспринимать только то, что ему нравится, или что стереотипно вводится информационными источниками как единственно приемлемое. В «Докладе о развитии человека 2007/2008» говорится о том, что «...СМИ порождают мощный стереотип поведения по принципу: «живи сегодня – умри завтра», который затеняет долгосрочные последствия» ущерба развитию человеческого потенциала в результате глобальных климатических изменений, «грозящих преобразить человеческую и физическую географию нашей планеты». Развитие внешних факторов -рисков и социально-политических факторов-уязвимостей в существующем мире неравенства более всего затрагивает беднейшие слои населения, а также отразится на будущих поколениях XXI в. [10].

Достижения по погружению основной массы населения в состояние тревожной апатии, отчаяния и безнадежности наиболее выразительно продемонстрировала информационная подготовка населения нашей страны к «предстоящему кризису» (на самом деле активно развивающемуся и фактически пропагандируемому). Откровенное усыпление общественности некими виртуальным мифическими пассажами, освещающими некомпетентные меры противодействия, и биржевые игры с индексами внутри страны и вне ее, информационно оформлены таким образом, что явно напоминают некие несерьезные, игрушечные курьезы, и подавляющее большинство, отвыкшее слушать и анализировать, с удовлетворением заглатывает подаваемые ему тексты, как «сладкую манную кашу» в рассказе «Казнь» Ф. Кафки.

Итак, объектом воздействия информационных технологий воздействия является массовый человек, способный воспринимать реальную жизнь через призму виртуальных мифов, порожденных массовым сознанием, идеологическими схемами и харизматическими речами лидеров. Находясь под постоянным прессингом агрессивного в отношении его личности информационного пространства, он становится *homo credens* – человеком верующим, в результате возникает парадоксальный феномен, названный К. Юнгом маской коллективной психики, отражающей то, что вырабатывает коллективная психика, но при этом уверенной в собственной индивидуальности¹.

Таким образом, человек как индивид, как личность должен раствориться в массовом человеке, стать жертвой унификации и стандартизации. Такой Человек, являясь неотъемлемой частью современных систем массовой коммуникации, становится управляемым в пространстве всеведущего, верно служащего мира политтехнологий или пиара. Приходится констатировать, что целевая установка последних направлена не на развитие аналитических структур мышления человека, а на притупление его критической рефлексии: социально анемичный и апатичный, индивид должен будет подготовлен к тому, чтобы принять все решения, которые будут ему предложены. И тогда возникает возможность, используя «рациональный» фактор, рассматривать массового *homo* с позиций целесообразности существования его в мире нового глобального порядка при его молчаливом согласии... Никаких принципов дополнительности и неопределенности в такой модели глобализованного общества не может быть.

Кто может или возьмется определять судьбы массового человеческого нецелесообразного «материала», по существу, одного из проявлений грядущего общепланетарного кризиса? К 50-60 гг. XXI в. прогнозируется демографический кризис, обусловленный тем, что ресурсы планеты смогут поддерживать жизнедеятельность 1,5-2 миллиардов человек. Следует не забывать, что большая часть 6,5-миллиардного населения Земли, активно увеличивающаяся за счет высокого уровня рождаемости, остается вне западного культурно-цивилизационного контекста развития и представляет собой беднейшие слои населения. Западный мир не видит иной альтернативы для сохранения нынешней «цивилизационной ниши потребления», нежели чем сокращение численности населения Земли до разумных пределов (употребляя деликатное сокращение как совре-

¹ Следует заметить, что современное киберпространство позволяет его пользователям опосредованно вступать в личностную коммуникацию, создавая особое «виртуальное Я», нередко не имеющее ничего общего с реальным человеком.

менный эвфемизм слова уничтожения). Опытной площадкой для отработки данного социал-дарвинистского сценария в настоящее время является черная Африка, после кратковременного периода антиколониальных преобразований значительная часть представителей этого континента ввергнута в состояние андеграунда истории. Затем к ним можно присоединить Южную Америку и Азию... Следуя этой идее, становится объяснимой озвученная М. Тэтчер мысль о том, что в пределах европейской части достаточно и рационально оставить миллионов 30 населения нынешней России.

Не менее эффективным средством сокращения численности населения Земли может стать надвигающаяся угроза глубоких климатических изменений на нашей планете. В упоминаемом «Докладе о развитии человека 2007/2008» развернута убедительная иллюстрация социал-дарвинистского исхода: безусловно, климатические изменения затрагивают всех людей во всех странах, но в первую очередь отражаются негативно на беднейших слоях населения, «превращают риск в уязвимость и препятствуют усилиям бедных продвинуться в человеческом развитии». Глобализация создала для одних беспрецедентные возможности, другие оказались обреченными: в настоящее время около 1 млрд. человек существует на грани выживания (потребление на уровне одного доллара США в день), а еще 2,6 млрд. живут в два раза лучше – на два доллара в день! При этом на них приходится около 4% мирового дохода, в то время как на 20% самых богатых землян приходится более 75% мирового дохода. Впрочем, в странах, в которых сосредоточено до 80% населения планеты, диспропорция в распределении доходов нарастает, усугубляя неравенство в более широком плане: от возможностей здравоохранения до получения образования, доступа к информационным источникам и способности интеллектуального осмысления (в смысле аналитического и критического подхода) получаемой информации для принятия неких решений. Такова либеральная действительность – перспективы устойчивого человеческого развития после 2015 г., сформулированные в Декларации тысячелетия (цели развития), оказались футуристическими изысками, так как не учитывали принцип дополненности, который проявляется в глобальных экологических, климатических и политических рисках, связанных с пониманием хрупкости равновесия физического мира и нравственных принципов существования человечества. Видимо, нужна

Декларация выживания человечества, в которой бы целевыми установками стали фундаментальные вопросы социальной справедливости и сохранения непрерывности человеческой истории.

Прогноз в виде пределов роста благосостояния для стабильного развития был озвучен на международном форуме в Рио-де-Жанейро почти полвека назад, в 1962 г. Следует отметить, что ответ на этот важнейший вопрос культурно-цивилизационного контекста существования человечества сильные мира сего так и не могут сформулировать в моральной и практически эффективной форме. Если же кризисное состояние гипотетически приведет к выделению общества избранных, то и оно также обречено распасться в силу неравновесности социальной системы, возможно, в результате чудовищных социальных катаклизмов и изменения направления развития системы. Иными словами, передел мирового социума по устаревающей модели золотого миллиарда может привести к подпиливанию «ветки, на которой восседает» мировое сообщество.

Следовало бы обратиться к осмыслению принципа дополненности не только с учетом мнений на этот счет современного Китая или исламских стран, но и с позиций, которые отразились в призывах Махатма Ганди, Мартина Лютера Кинга-мл., А.С. Панарина, Н.Н. Моисеева, С.П. Курдюмова, И.Пригожина, С.П. Капицы и многих других ученых: человечество должно определить новую нишу своего существования, перестроить свой образ жизни, перестроить свои потребности, нравы в соответствии с принципами коэволюции с окружающей природой. Необходима глобальная мировоззренческая трансформация, которая связана со стратегией выживания человечества. Она потребует деятельности международных элит, качественно отличных от нынешних¹. Увы, время, которое отведено для этого, чрезвычайно ограничено (возможно, несколькими десятилетиями); пространство, где это может происходить тем более – это наша планета. Но самой сложной системой является человеческая личность, и для понимания необходимости будущего человеку нужно «преодолеть чувство смирения и бессилия» [11] для того, чтобы, по словам И. Пригожина, суметь найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного многообразия, «между насилием и политическими методами решения проблем, между культурой войны и культурой разума».

Пока же гедонистическая позиция развитых стран

¹ К примеру, основной установкой выхода из современного системного кризиса становится восстановление докризисного уровня потребления в наиболее развитых странах.

Европы и США проявляется в тех же специфических реакциях на развитие современного экономического кризиса, в пагубном стремлении бездумно расходовать природную ренту, принадлежащую не обществу или конкретному человеку, а являющуюся частью некоего единства, при котором сохраняется целое. В этом находит отражение принцип неопределенности, положенный в основу культурно-цивилизационного развития современного глобализующегося мира. Маловероятно в бескризисном варианте одновременно разрешить задачу сохранения статуса мирового доминирования США в политическом и экономическом аспекте и определения места

существования политического, экономического андеграунда в «планетарном гетто». Даже в условиях информационной планетарной Сети, позволяющей не только манипулировать сознанием массового человека или целых социумов, но жестко контролировать их действия или изменять военную силу.

«Суровая и драматичная эпоха ожидает нас в будущем... Потребуется люди совсем иной формации – способные к высочайшей самодисциплине, аскетизму и жертвенности... Необходим другой тип личности, пробудившийся к планетарной ответственности» (А.С. Панарин).

Литература:

1. «Цивилизация – неизбежная судьба культуры, ... Органически-логическое следствие, как завершение, исход культуры». *Закат Европы*, М., 1993 Т1. С.161-169.
2. *Культура представляет собой «душу, кровь, лимфу, сущность любой цивилизации...» – Постижение истории*. М., 1991. С. 51–60.
3. Чумаков А.Н. *Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст*. М., 2006. С.454.
4. Кант И. *Цит. По: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб., 2001, С.293
5. Касавин И.Т., Лекторский В.А. Швырев В.С. *Рациональность как ценность культуры*. // *Вестник Российской Академии наук*, 2005, том 75, №11, с.1028-1037.
6. Поттер К. *Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия*, М., 2008.
7. Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. М., 2000.
8. Панарин А.С. *Стратегическая нестабильность в XXI веке*. М., 2003.
9. Моисеев Н.Н. *Универсум, информация, общество*. М., 2001. С. 182.
10. *Доклад о развитии человека 2007/2009. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире*. Пер. с англ. М.: *Весь Мир*, 2007, С.15.
11. Пригожин И. «Кость еще не брошена» <http://spkurdymov.narod.ru/pprigoj.htm>.

Материал поступил в редакцию 28. 05. 2009.

© Ракитянский Н.М.
Rakityansky N.M.

ФЕНОМЕН АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ ВЕРЫ

THE PHENOMENON OF ANGLO-AMERICAN MENTAL EXPANSION TO THE PSYCHOLOGY OF FAITH

Аннотация. В статье анализируются глубинные причины доминирования в современном мире западного типа менталитета.

Annotation. The article analyzes the root causes of dominance of Western-type mentality in the modern world.

Ключевые слова. Менталитет, ментализация, вера, догмат, субменталитет, реализм, номинализм, ментальная экспансия.

Key words. Mentality, faith, dogma, submentality, realism, nominalism, mental expansion.

Истинной науке полагается рассматривать объект своего исследования на максимально возможных глубинах прошлого и перспективах будущего [1]. В этом плане отечественной политической психологии необходимо не только предугадывать новые горизонты, но искать и находить понимание основ национальной субъектности, ментальной идентичности.

Решение этой задачи предполагает также изучение основ менталитета нашего извечного партнёра-оппонента – исторического Запада. Тем более, что некоторые современные авторы спешат предлагать свои рецепты по радикальному изменению «полуазиатского», «всеядного», «агрессивного» и прочего «российского менталитета» [2] по западному эталону, не подозревая, с какой толщей бытия предстоит иметь дело.

В чём причина того, что начиная с XVI столетия весьма незначительная часть человечества успешно осуществляет по всей планете ментальную экспансию, диктуя свою волю, внедряя свои образы и концепции, культурные и правовые нормы, прививая жизненные стандарты и поведенческие стереотипы, психологические установки и духовные ценности?

Менталитет и вера

Мы исходим из того, что феномен менталитета объясняется культурно-историческим, и в конечном счете – религиозным происхождением. Так, история менталитета русского этноса обусловлена принятием христианства непосредственно из рук ромейской цивилизации. В.В. Колесов пишет о том, что процесс древнерусской ментализации есть в основе своей перенесение на русскую почву через славянское слово основных символов христианской культуры [3]. Любой менталитет развивается на основе веры. Он проявляется в особенностях мышления, чувствования, волеизъявления и различных бессознательных установках людей. Дух народа, его религия являются, говоря словами А.А. Ухтомского, доминантой этнического менталитета [4].

Феномен веры как априорная форма познания и понимания материальной и метафизической реальности всегда был и будет одним из самых глубинных оснований менталитета. Вера в качестве базисной психической функции выступает своего рода стержнем, на который нанизывается вся структура национального менталитета.

Вера формирует смыслообразующие устремления

Ракитянский Николай Митрофанович – доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. 921 83 53.

Rakityansky Nikolay Mitrofanovitch – PbD of Psychology; Moscow State University of M.V. Lomonosov, nel. 9218353

человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки. Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет её содержанием. Более того, вера обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, её экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека [5].

Говоря о том или ином национальном менталитете, мы утверждаем, что в первую очередь он является религиозным менталитетом. В отличие от собственно национального менталитета, монотеистический менталитет содержит в себе всеобщие, универсальные установки. Так, в самом определении «русский» не содержится необходимых этических требований по отношению к другим национальностям, и наоборот. Но в определении «православный» подразумевается соблюдение неизменных этических норм – запрет обмана, воровства, убийства и т.д. по отношению к представителям всех конфессий и всех национальностей. Менталитет включает в себя все устойчивые характеристики преобладающих установок мышления, воли и бессознательного, а также устойчивые поведенческие характеристики, свойственные религиозным и секулярным группам, которые определяются преобладающим в них вероисповеданием [6].

В России психологические установки православия свойственны не только религиозным людям, а что весьма важно, большинству светских, мирских групп граждан. То обстоятельство, что многие десятки поколений наших непосредственных предков в своей жизни ориентировались на одни и те же высшие ценности веры, а затем и руководствовались ими, неизбежно сказалось на внутренней жизни или психике последующих поколений. Догматы православия стали фундаментом русского национального менталитета, который определил не только культурно-историческое своеобразие России, но и направление её политического развития.

Центральным и основополагающим содержанием религии выступает единый и трансцендентный Бог и Его правильное исповедание, выраженное в определенной форме, обозначенной догматически, непрерываемо и всеобще. Православие, католичество, протестантизм, ислам, иудаизм представляют собой такие формы исповедания единого Бога, которые и являются системными началами соответствующих ментальных типов. Каждый из таких менталитетов полагает свои установки веры непререкаемыми, абсолютными и не имеющими никаких границ в земном мире. Исходным пунктом, основанием

и критерием исповедания служит принятие Божественного Откровения, содержащее в себе положения, которые не могут быть получены в процессе естественного мышления человека, но апеллирующие непосредственно к его вере.

Таким образом, все монотеистические религии, являясь системообразующим началом соответствующих менталитетов, содержат кардинально различие структуры всеобщей веры, опираются на разные тексты Откровения, по-разному понимают и трактуют догматические основания своей веры. Так, иудаизм, например, отрицает текст Нового Завета, ислам опирается на текст Корана.

Вера и догмат

Если определить, чем религиозная установка психологически отличается от всех других установок, то это отличие сводится к общему для всех религий неогнитивному психическому феномену, а именно к вере. В христианстве вера определяется известным утверждением апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» [Евр. 11:1]. В монотеизме предмет веры выступает ценностью высшего порядка, и этот предмет находится вне природы, он трансцендентен.

Психологически религиозная вера имеет свою структуру. Эта структура, будучи неизменной в веках, имеет для масс людей всеобщий характер и выражена она понятием догмата. Именно догмат раскрывает те самые «невидимые вещи», как предметы для всеобщего и необходимого исповедания. Догматически определяемая структура веры раскрывает внутреннюю предметность менталитета. Именно к ней сводятся самые существенные различия, которые позволяют отличить один менталитет от другого.

Религиозный аспект менталитета не сходен с национальным аспектом менталитета не только границами своего распространения, но и своей внутренней структурой. Различные религии охватывают самые различные народы и расы. Так, все представители определённого типа менталитета в контексте христианской цивилизации, *верующие* и *неверующие*, непосредственно соотносят себя с общими ценностями, традициями, правилами, нормами и стандартами, независимо от своего языка, национальной или расовой принадлежности.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что любой менталитет *догматически* утверждается через *веру* и его основание не определяется ни через что иное.

Догматические основания менталитета

Многие поколения людей различного социального статуса: правители, элитные группы, обыватели и др. – ориентировались на догматические основания жизни. Это обстоятельство уже к концу XX века проявилось в факте радикального преобразования природной и социальной среды на планете, всего уклада жизни масс людей. Их психика или внутренняя жизнь в столь длительном процессе тоже не могла остаться незатронутой.

В нашей стране на протяжении десятилетий формировалась жёсткая отрицательная установка к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». Современное сознание воспринимает эти слова крайне негативно как олицетворение некой архаичной, окаменелой и заскорузлой церковной системы, которая состоит из сплошных ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности. Секулярное общество это очень не любит. Одно слово – догма (от др.-греч. *δογματιζω* – «мнение», «общее убеждение», «постановление», «утверждение») зачастую вызывает реакцию как минимум в форме настороженности и раздражения.

Но мало кто знает, что религиозные догматы говорят только о Боге. В христианстве, самой догматической религии мира, не существует догматов, которые регламентируют повседневное поведение человека или говорят о том, какой должна быть культура, право, наука, экономика или политический строй. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с Символом Веры. Он содержит краткое и точное догматическое изложение сущности христианского вероучения, которое выражено словесной формулой. По объёму Символ Веры умещается на одной странице текста [7]. Каждый человек, принявший христианство, обязан эти положения знать, принимать и исповедовать независимо от своих мнений и переживаний, чтобы по праву причислять себя к составу Церкви.

Христианство по своей догматической сути, как и любой монотеизм теоцентрично, оно не допускает никакого произвольного истолкования своих догматов. В других монотеистических религиях нет такого краткого и точного символа веры – *ортодоксии* (от греч. *orthos* и *doxa* – «правильное мнение или мышление»), но есть развёрнутый свод обязательных нормативных действий, правил, ритуалов и обрядов – *ортопраксия* (от греч. *orthos* и *praktikos* – «правильное делание»).

Для большинства религий характерен акцент на ортопраксии. Так, мусульманин в первую очередь должен соблюдать законы шариата (от араб. шариа: правильный путь к цели). Иудей должен следовать предписаниям

своего Закона в толковании мудрецов и раввинов. В иудаизме, например, представление о Боге и о других предметах веры конкретно не выражены, и каждый последователь иудаизма может верить, как хочет. Но, вместе с тем его жизнь и поведение жёстко регламентированы.

Догматическое богословие следует за важнейшими и всеобщими необходимыми положениями Божественного Откровения, которые сформулированы Церковью на Вселенских Соборах. Именно этими основоположениями или принципами, а не частными мнениями, должна определяться вера каждого человека. Секулярное же понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей повседневной мысли. Догмат формирует структуру *внеприродного* [8], *сверхсознательного* феномена [9], т.е. массовой веры, которая и является основой менталитета.

Исключительную значимость *догматического принципа* для развития культурной, научной, практической и других видов деятельности христианской цивилизации в отличие от других цивилизаций показал В.В. Можаровский. Он определял *догмат как установки веры*, которые утверждаются как всеобщие для всего исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью мышления. Иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями наличной логики.

Первая часть определения показывает отличие различных догматических установок веры внутри монотеизма, вторая его часть показывает несводимость базисной установки догматической веры к естественному языческому типу мышления [6].

Здесь мы делаем акцент на том, что догматы выражают конечный смысл существования человека, вводя его в строгий, обязательный для всех порядок взаимодействия с окружающим миром, который определяется не самим миром, а предзаданной догматической формулой, содержащей обетование абсолютного Бога.

Итак, догматические системы исповедания, повествуя только о Боге, в течение двух тысячелетий служат основанием менталитета, средоточием высших ценностей каждого человека, принимающего эти догматы. Само догматическое мышление как матрица или некая предзаданная структура, объединяла *религиозные*, а впоследствии и *секулярные* массы людей, которые жили в контексте преобладающего или длительного время преобладающего вероисповедания как в некоей гравитационной системе.

Догматическое мышление непреложно воспроизводилась в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия ценности, нормы, традиции, установки, стереотипы в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других — подсознательных, а также внеприродных или сверхсознательных — компонентов психики *верующих* и *неверующих* людей.

Ментальные особенности из поколения в поколение возобновляются и утверждаются их носителями — субъектами менталитета как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований.

Западный менталитет и субменталитеты

В современном мире доминирующая форма мышления представлена западным типом менталитета. Он выражает собой *неизменяемые* веками и *непререкаемые* в своих проявлениях сугубо *догматические* установки мышления, воли, бессознательного и веры, как феномена *сверхсознания*. Эти установки исторически формировались на массовом уровне в западном цивилизационном пространстве. Они непосредственно связаны с доминирующим и длительное время преобладающим в западной культуре исповеданием — христианством, которое стало единственным догматическим основанием западного менталитета. Предельная догматичность современного западного менталитета, которая для большинства людей является практически невидимой, неразличимой и непонятной, проявляется в политике, экономике, культуре в требованиях либерального обустройства глобального миропорядка.

Здесь мы сделаем весьма важное замечание. Отличительные черты западного менталитета характеризуется, во-первых, его *унифицированностью* или *всеобщностью*. Эти особенности предполагают принятие представителями менталитета неких всеобщих для всех постулатов. Обусловлено это тем, что исповедание догмата в монотеизме выдвигалось в непререкаемой и общеобязательной форме, а потому было усвоено подавляющим большинством.

Во-вторых — это *непреклонность* и *бескомпромисскость* в отстаивании своих позиций. Поскольку Бог исповедуется в монотеизме трансцендентным, а весь земной мир полагается сотворенным им, постольку монотеистами мир и природа воспринимаются заведомо *проницаемыми*. Ничто не может быть препятствием отстаиваемой ими абсолютной истине и связанных с нею

правовых, этических и социальных норм.

Третья характеристика вытекает из второй. Она означает ориентацию выразителей догматического менталитета на ценности, *превышающие природный порядок* действительности, т.е. её изначальная *неестественность*. Это объясняется тем, что сам источник ценностей в аспекте этой ментальности находится вне природы. Следовательно, все, что с ним наиболее тесно связано, а это в первую очередь человек как объект Боговоплощения и божественные заповеди, имеют уже не ситуативное значение. Напротив, сам человек и его обетования ценны сами по себе. Поэтому они могут и должны при необходимости изменить природный порядок согласно базисной ментальной установке [6].

В Западной Европе XIII – XIV веков в сфере инструментального богословия получили развитие три богословские системы, которые впоследствии сформировали установки веры, которые пронизывали собой всё позитивное знание, этику и бессознательное. Они полностью сохранились до настоящего времени. Эти богословские системы стали догматическим основанием трёх западных субменталитетов.

Первая из этих систем — ортодоксально-католическая. Будучи исторически первой, в позднем Средневековье она была связана с трансцендентальным методом инструментального богословия. Этот метод во всей полноте представлен в учении философа и теолога, доминиканского монаха Фомы Аквинского (лат. *Thomas Aquinas*, итал. *Tommaso d'Aquino*) (1225 – 1274 гг.), основателя томизма. Аквинат придерживался позиции умеренного реализма, считая, что чем выше духовность, тем выше степень познания. Он утверждал, что во взаимоотношении двух высших способностей человека — мышления и воли, приоритет принадлежит мышлению, поскольку воля с необходимостью следует интеллекту, представляющему для неё то или иное сущее, как благое [10].

Вторая система — континентально-протестантская, которая впоследствии, во времена Реформации вступила в непримиримый конфликт с католичеством. Она определялась имманентным методом постижения христианских догматов, характерным для богословия немецких мистиков. Основателем этого направления является немецкий теолог и философ, член доминиканского ордена, один из крупнейших христианских мистиков Майстер (Иоган) Экхарт (*Eckhart, Johannes*) (ок. 1260 г. – ок. 1328 г.). По концепции Экхарта, человек способен познать Бога, поскольку в человеческой душе есть «божественная искорка», частица Божества. Божественное бытие есть знание, и *мышление* есть бытие Бога. Поэто-

му мышление обладает божественной природой и в нём раскрывается сам Бог. Блаженство зависит от внутренней самодеятельности человека.

Экхарт в отличие от Аквината и тем более в отличие от Оккама придерживался позиции крайнего *реализма*. Он сформулировал такое отношение к таинству Церкви, которое допускает его реальность вне церковной иерархии. От всех предшествующих католических богословских школ Экхарта отличает догматический *антропоцентризм*, сформированный авторской интерпретацией основных христианских постулатов. Через двести лет М. Лютер сделает идеи Экхарта знаменем континентального протестантизма. Впоследствии идеи Экхарта оказали интеллектуальное влияние на И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше, К.Г. Юнга [11].

Третья богословская система — это английский номинализм или терминизм, представленный трансцендентным методом подхода к догматике. Наиболее ярко он выражен богословием раннего предшественника Реформации Вильяма (Вильгельма) Оккама (англ. *William of Ockham*) (ок. 1285 – 1349 гг.), английского философа, францисканского монаха из Оккама. Он считается одним из отцов современной эпистемологии и современной философии в целом, а также одним из величайших логиков всех времен. Номинализм Оккама признавал существование только индивидуальных вещей, а не общих понятий (универсалий). Оккам был скептически настроен к метафизике и содействовал развитию эмпиризма.

Первое и главное положение номиналистов — это утверждение об абсолютной непознаваемости ключевых догматов христианства. Оккам считал, что догматы есть сверхразумные постулаты, относящиеся не к разуму, а к *вере* и *воле*. И, как следствие этого, в его концепции воля обладает безусловным приоритетом перед *разумом*. По его учению абсолютная свобода Божественной воли означает, что в акте творения она не связана ничем, даже идеями. Так называемые идеи суть не что иное, как сами вещи, производимые Богом. Нет идей видов, есть только идеи индивидов, поскольку — индивиды единственная реальность, существующая вне ума как Божественного, так и человеческого. Исходным пунктом познания мира является знание об индивидах.

Этико-социальная доктрина У. Оккама представляла собой *индивидуалистическую* концепцию общества и морали человека. Реформация активно использовала идеи Оккама в борьбе с католической церковью, на него ссылался М. Лютер, его труды по логике и философии оказали влияние на великих эмпириков — Ф. Бэкона, Дж. Локка, Д. Юма [12].

Таким образом, три доминирующие богословские системы Запада в их редуцированном виде сформировались у масс людей в различных частях Европы *догматический* взгляд на внешний мир, на природу человека и на его роль в этом мире. На трёх метафизических основаниях образовались устойчивые субменталитеты внутри общего догматического менталитета. Это обстоятельство со временем повлекло за собой реальный раскол западного менталитета на католичество и две формы протестантизма — континентальный и английский протестантизм. Последний, генетически связанный с английским номинализмом, тотально определяет современный миропорядок и главенствующие в нём догматически утверждаемые ценности.

Реализм и номинализм

Эти понятия, известные со времён Античности, получили своё развитие в средневековой традиции христианского образования VIII-IX вв. Впоследствии они стали определять не только стратегии понимания мироздания и способы взаимодействия с действительностью, но и весьма существенные ментальные отличия.

С точки зрения христианского реализма общие понятия или универсалии (лат. *universalia sunt realia*) имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей. Такой реализм с другой точки зрения называется идеализмом. Платон в своём учении об идеях впервые дал решение философских проблем в реалистическом духе. Впоследствии реалисты всех времён видят в Платоне своего учителя, для которого понятие, то есть общее, составляет истинное бытие. Последняя общеизвестная крупная философская система, основанная на идее реализма, принадлежит Г. Гегелю.

У реалистов именование выступает в качестве основного акта познания. Ум и есть «словесная сила души». *Познать — значит выразить в слове подлинно существующее*, а не мнимое или кажущееся. Правильно определить вещь — значит почти разгадать ее природу [13]. Слово понимается как мост между земным и небесным. Слово содержит в себе весь мир, и *весь мир постигается именно в слове*. Задача мыслителя и состоит в поиске этого верного слова. Сущность вещи понимается как ее имя, а имя — как ключ к сущности [14].

Зрелый реализм, пишет А.М. Камчатнов [15], можно выразить формулой: *имя есть вещь, но вещь не есть имя*. Для раннего реализма имя есть вещь, то есть инструмент её объявления и осознания. Для зрелого реализма, который знает уже и вторую часть формулы — *но вещь не есть имя*, — имя становится символом, который является

не только орудием объявления и осознания вещи, но и орудием познания все новых и новых вещей. У реалистов слово есть выразитель сущности предмета, онтологически с ним связанный. Познание есть глубинное приобщение к сущности познаваемого и одновременно выражение его в слове. Всякая вещь имеет свое имя. Безымянная вещь просто не существует. *Познание есть толкование.* Человек от Бога получил способность видеть и постигать мир «как он есть». В своем знании он приобщается не к субъективному представлению о мире, а к реально существующему, сотворенному самим Богом. В этом отражается богоподобие человека. Согласно Библии, акт творения мира начинается божественным словом: «В начале было Слово» [Ин.1:1]. Акт творения — это акт именованья. Создавая мир, Бог выступает одновременно как установитель имен.

Оппоненты реализма, номиналисты, по мнению А.Ф. Лосева, выдвинули то новое учение, которое не без трудностей усваивается человеком, изучающим философию и вдруг сталкивающимся с такой предметностью, которая не есть ни утверждение бытия, ни его отрицание [16]. Номиналисты считали понятия лишь именами. Реально существуют только отдельные вещи с их индивидуальными качествами. Общие понятия, создаваемые нашим мышлением об этих вещах, не только не существуют независимо от вещей, но даже не отражают их свойств и качеств. Универсалии были представлены в номинализме только как имена или слова, которые разум сам подбирает и даёт вещам по их сходству и принадлежности определённым группам — родам и видам.

С точки зрения представителей крайнего номинализма, реально существуют только единичные вещи материального мира. Общие понятия — есть не более чем имена (лат. *nomina*), понимаемые к тому же не как единство плана выражения и плана содержания, но всего лишь как дуновения голоса (лат. *flatus vocis*). При таком подходе, когда единственной реальностью признается реальность эмпирическая, разговор об идеальных сущностях теряет смысл.

В номиналистической системе координат слово ничего собой не представляет, кроме условного знака. Реально существуют только единично чувственно воспринимаемые вещи. Номинализм, выраженный богословской концепцией В. Оккама, отличался крайне светским характером, именно он впервые отделил искусство от религии и сделал эстетический предмет самостоятельным и оригинальным.

Номинализм как религиозная доктрина практически разделил теологию и философию, веру и науку. Он

стал догматической, идейной и философской основой эмпиризма, позитивизма, прагматизма, индивидуализма, современной демократии и либерализма. По мнению самого К. Маркса, номинализм в средние века выступал «первым выражением материализма» [17].

Итак, реалистическая идея исходит из слова и ищет зависимость между идеей и вещью. Номиналистическая концепция исходит от вещи и пытается связать понятие со словом. Реалистическая и номиналистическая богословские системы стали догматическими основаниями формирования различных типов менталитетов. Из этого следуют важные для нашего предмета, заявленного в названии настоящей статьи, выводы.

Психологические различия и единство западных субменталитетов

Формирование и развитие в западном догматическом мышлении трех главных и относительно автономных друг от друга субменталитетов имеют свои истоки в начале XI века. Тогда догмат о *filioque* был впервые присоединён к Символу Веры в Риме на коронации германского императора Генриха II при папе Бенедикте VIII. Этот момент принято считать окончательным его введением в корпус догматов Римской Церкви. Сам раскол состоялся много позже и в значительной мере по причине различных трактовок *filioque*, которые были приняты западным христианством [18].

В каждом из трёх субменталитетов в течение веков были сформированы устойчивые антропоцентрические интенции, которые в значительной мере определялись индивидуализмом Возрождения. Они обусловлены самой структурой веры, которая выражена в формуле западного догмата. Вместе с тем в реалистических менталитетах — католическом и континентально-протестантском положении веры тесно связаны с сознанием и средоточием антропоцентрической установки выступают, соответственно, разум и мышление.

В номинализме же, где мышление и вера принципиально разводятся между собой, средоточием антропоцентрической установки выступает воля, как психологический феномен, который в отличие от других наиболее тесно связан с положениями веры. Таким образом, акцент был кардинально смещён на поведение, которое жёстко регламентируется заповедью и, как следствие — законом, моралью и этикой [19].

Это разделение, конечно, не означает, что субъекты реалистического менталитета безвольны и безнравственны, а субъекты номиналистического менталитета — неразумны. Естественно, речь идет о ментальных до-

минантах и конкретно о том, что считается субстанциональным началом человека: *разум* или *воля*, *мышление* или *поведение*.

Для английского номинализма разум изначально несубстанциален, т.е. он не является первоосновой бытия. Никакое абстрактное познание или отвлеченная система мысли не обладают в структуре этого менталитета самостоятельной ценностью. Но всякое знание вообще может быть ценным только как адекватная и *полезная в обслуживании интересов воли информация*. Это принципиально новая в истории человечества ментальная установка.

Так, для богословов реализма и философов континентальной Европы, опиравшихся на их учение, мышление соотносилось со сферой божественного. Для их древних предшественников: языческих мудрецов, восточных гуров, шаманов, колдунов и пр. – мышление соотносилось с космосом, солнцем, планетами, наконец, с духами земли, огня, воды, леса и пр. Но в номинализме *мышление* изначально полагается в качестве чего-то вторичного, что *обслуживает мотивы индивидуальной воли* и не более того. Таким образом, воля, обусловленная религиозной этикой номинализма, приобретает в контексте этого менталитета по-новому значимый и в итоге доминантный религиозный смысл.

Например, люди Средневековья и Ренессанса, которые находились в ментальной культуре преобладавшего тогда реализма, насколько можно об этом сейчас судить, были терпимы в своих нравственных оценках суровой действительности той эпохи. Но это не мешало им сознать себя искренне верующими христианами. Нравственной доминантой для этого типа менталитета выступало соблюдение церковных таинств — исповеди, покаяния и причастия, которые примиряли человека с его необходимо греховным существованием в мире.

Безусловное утверждение примата религиозной нравственности как конечной значимости христианской веры впервые было сформулировано номинализмом, который претендовал на то, чтобы сделать это направление доминантным в христианстве. Именно этика стала регламентировать у пуритан и других протестантов всю жизнь человека, со всей очевидностью соотносясь с иудаизмом, где поведение в значительной мере определено заповедью и законом.

Три концептуальные установки западно-христианского богословия вступили в противоречие между собой именно потому, что каждая из них выражала догматическую точку зрения, и потому притязала на абсолютность и всеобщность своих положений. В Европе эпо-

ха религиозных войн сменилась эпохой интеллектуального противостояния и борьбой за утверждение своих ценностей как единственных правомерных и непререкаемых.

В конфликтном взаимодействии трёх ментальных экспансий, номинализм оказался наиболее прочным, жизнеспособным и, опираясь на примат воли, наиболее экспансивным. Его главные отличительные характеристики — это догматически детерминированный волюнтаризм и этическая *нетерпимость* ко всем прочим несходным типам политического поведения.

Со временем богословские установки реализма по разным причинам утрачивали свои догматические основания на уровне государственной политики стран континентальной Европы. Самые крупные из них прошли болезненные процессы внутренней дезинтеграции, что влекло за собой модификацию и разрушение ментальности и, как следствие, самостоятельной политики, которая изначально предполагала утверждение своих непререкаемых систем ценностей.

Так, первой в конце XVIII в. пала Франция. Будучи самой крупной и мощной страной католического мира, она пережила катастрофу в результате атеистической революции, идейными вдохновителями которой были французские просветители, энциклопедисты и атеисты [20].

Столетие спустя, крупнейшее государство континентального протестантизма — Германия, поддавшаяся соблазну саморазрушения через отказ от христианства и принятие неоязычества в лице фашизма, была разгромлена Советским Союзом, руководители которого во время войны в известной мере опирались на православные ценности [21]. Усвоив уроки прошлого, Германия, одна из немногих стран послевоенного мира, стала позитивно решать проблему реставрации христианских ценностей, что позволило ей стать политическим и экономическим лидером современной Западной Европы. Вместе с тем она до сих пор не в силах противостоять номиналистической ментальной экспансии своего союзника — США.

По тем же причинам трагедия не обошла и Российскую империю как безусловного центра политики в православии, представляющем собой, хотя и догматически иную, но форму христианского реализма. Впоследствии в СССР разрушение православного догматического исповедания на протяжении десятилетий не могло в итоге не вызвать и деструкцию как советской государственности, так и всего общества. Атеистическое руководство страны было в принципе не способно сформировать духовный иммунитет у советского народа против «идеологической диверсии» и информационной войны со стороны догматической экспансии Запада. К началу «перестройки» боль-

шинство населения Советского Союза было заражено потребительскими установками. Постсоветская Россия под водительством, говоря словами известного писателя, «маньяков демократии» и идолов либерализма не получив от них внятных и позитивных трансцендентальных догматических установок, продолжает деградировать в духовном плане под аккомпанемент бесплодных разговоров о поиске «национальной идеи».

В каждом из новообразованных в XIX–XX вв. субменталитетов, по словам В. Можаровского, формировались новые установки мышления, в которых развивались уже отличные друг от друга *догмы атеизма*. Это — католический атеизм во Франции, соборный и догматический атеизм в советской России. В Англии и США началось развитие законнорожденного детища номинализма — индивидуалистического атеизма.

К концу XX- началу XXI века сложилась новая конфигурация геополитических ментальных противоречий. В современном мире при всём многообразии государств действует весьма ограниченное количество ментально единых политических субъектов, которые представлены группами и блоками стран. Они выражают свои интересы, ценностные ориентации и преследуют свои цели. Политика государств, союзов и блоков проявляется и реализуется в различных стратегических интенциях, опираясь на глубинные основания менталитета, который складывался в течение как минимум двух тысячелетий под воздействием догматических систем.

Единство веры как базисной религиозной установки обуславливает собой *единство геополитического образования*, с ней связанного. Например, с западно-христианской догматической установкой связано единство НАТО, ЕЭС и других геополитических структур в этом менталитете. Применительно к рассматриваемым менталитетам геополитическое единство не обязательно должно быть представлено реальным государством или территорией. Об этом можно судить на примере иудаизма, который в течение тысячелетий, не имея независимого государства, сохранял свою устойчивость и самостоятельное политическое существование благодаря неизменной базисной религиозно-ментальной установке.

Таким образом, три богословские школы позднего Средневековья выражают непререкаемые и общеобязательные установки мышления, сохранившиеся до нашего времени. Но, несмотря на свои противоречия, они связаны тем не менее с одним общим христианским догматом и образованным им единым религиозным менталитетом, который, в свою очередь, определяет их политику и характер ментальной экспансии.

Номинализм – догматическая основа и практика англо-американской ментальной экспансии

In god we trust.
One dollar.

Феномен веры в системе монотеизма всегда выступал как особое измерение власти. К сожалению, далеко не всегда в том позитивном значении, о чём пишет П.А. Сапронов [22]. Все монотеистические религии экспансивны по своей сути. Христианство не является исключением. «*И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари*» [Мар.16:15].

Проблема в том, как субъект того или иного христианского менталитета трактует и осуществляет эту заповедь. Номинализм в настоящее время, безусловно, остаётся самой доминантной и агрессивной религиозной системой в мире. Она обязана своим происхождением только монотеистическим постулатам и определённому инструментальному методу их постижения. Номиналистический принцип определил установку догматического мышления огромной части Западного мира: Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и пр. – при лидирующей и экспансионистской роли США [6].

Поскольку в системе номинализма вера непосредственно ориентирована на волю и мораль, а не на сознание, постольку основные положения веры формируют здесь устойчивый религиозный *волюнтаризм*, отчасти, как и в иудаизме, центром которого также выступает заповедь, апеллирующая, прежде всего, к практическому разуму [23]. Это два наиболее религиозно *волюнтаристических* менталитета. Причем под волей здесь понимается её практический позитивный момент, включающий в себя, прежде всего, совершенно уникальную систему права, гражданские свободы, либерализм, индивидуализм, прагматизм, личный успех и т.д.

В XIX веке христианские страны по преобладающему в них менталитету подчинили себе практически всю планету, «просвещали» и «цивилизывали» буквально все иные народы. Вместе с тем политическая неоднородность существовавшего тогда мирового порядка определялась особенностями самих христианских менталитетов и субменталитетов. Каждый из них отстаивал в политике свои собственные принципы и установки.

По мере подрыва внутренних догматических оснований веры посредством революций, войн и глобального противостояния систем такие лидеры своего времени, как католическая Франция, континентально-протестантская Германия и православная Россия, были ментально дезинтегрированы. В результате они утратили былой политической статус. В XX столетия это положи-

ло начало процессу безудержной и агрессивной англо-американской ментальной экспансии. Позже её политкорректно назовут глобализацией, проводимой теперь уже во главе с США на основании истин *a priori*, которые исповедуются как абсолютные, непререкаемые и, главное, не требующих никаких доказательств.

Если рассматривать ценности американского правящего класса в политическом контексте принципа номинализма, то выявляется чёткая догматическая структура, не допускающая никаких сомнений или компромиссов. Номинализм как базисная ментальная установка стал фундаментом, на котором произрастали и развивались такие социальные и политические феномены как либерально-демократическое общественное устройство, рыночная экономика, протестантская этика, эмпирическая наука, права человека, установка на знание как информацию и т.д.

В отличие от дореволюционной России, где имперской основой были самодержавие, православие и народность, американская ментальная триада базируется на либеральных ценностях, религиозном протестантском мессионизме и рыночной экономике. Операторы власти однополярного мира и элита «золотого миллиарда» утверждают эти ценности в процессе глобализации в качестве общеобязательных требований и неотъемлемых условий своего могущества. Действуют они, говоря словами А.С. Панарина, в духе мессианской самоуверенности, догматически-репрессивными, тоталитарными методами [24]. Они не останавливаются перед угрозой применения военной силы и собственно её применением. Достаточно вспомнить о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., о трёх миллионах вьетнамцев, погибших в результате американской агрессии в 60-е – 70-е годы XX в., о многочисленных государственных переворотах, организованных спецслужбами США, наконец, о бомбардировках Югославии и т.д. и т.п.

Важной особенностью современного этапа ментальной экспансии является встраивание американских спецслужб в систему наращивания американской «мягкой силы» (*soft power*). Об этом пишут многие исследователи, которые обращаются к проблемам имперских проектов США [25]. Дж. Най, председатель Национального разведывательного совета в администрации У. Клинтона, предложил ёмкое определение: «мягкая власть Америки – это способность заставлять других хотеть того, что хочет Америка» [26].

Ясно, что *способность заставлять* не может реализовываться без использования уникальных возможностей спецслужб. При этом актуализируется тема

скрытого участия американской разведки в деятельности многочисленных исследовательских, культурно-просветительских и образовательных центров по всему миру, проведения агентурной работы в информационных проектах, инспирирования публикаций в прессе и материалов телевидения, создания негласных структур в области распространения книг и видеоматериалов и многих других областях. Речь идет не только об оперативной работе ЦРУ и других ведомств разведки, но и о продвижении идей, *навязывании ценностных ориентиров* и создании новой *медиареальности*, отвечающей стратегическим планам США. В настоящее время спецслужбы США превращаются в ключевой элемент не только внешнеполитической, но и ментальной экспансии. Спецслужбы, являясь важным элементом силовой сферы, в известной степени интегрируют процесс обеспечения превосходства над другими государствами [27].

США в качестве государства существуют немногим более двух столетий и составляют весьма небольшую часть в населении земли. Но как реальное религиозно-ментальное образование они опираются на свои унифицированные истины, которые они предписывают всему глобальному миропорядку и всем иным государствам мира. Вместе с тем Китай, который существует четыре тысячи лет и по населению многократно превосходит Соединенные Штаты, на основании своего *дорелигиозного, языческого менталитета* никакой самостоятельной, а тем более общезначимой истиной *a priori* обладать не может. Следовательно, вместо «строительства коммунизма» он ускоренными темпами под руководством КПК строит общество потребления по заёмному образцу, но с китайской спецификой, принимая извне, *копируя* правовые, этические и ментальные нормы и стандарты.

Индия и всё дальневосточное язычество также представляет собой густонаселенные и, следовательно, *ментально инертные* образования. Это позволило им сохраниться, несмотря на разрушение других языческих культур догматической экспансией монотеизма. В результате этой экспансии и на дальнем Востоке, и в Индии установка естественной ментальности на подражание природным и космическим процессам сменилась установкой на подражание догматической цивилизации, прежде всего в её западно-христианском виде, номиналистическом варианте.

В этой сфере процесса глобализации происходит расслоение человечества еще по одному принципу. Субъект техники, основные ее разработки, ноу-хау и пр. неизменно сохраняются в США и в Западной Европе, выражая технократическую экспансию западно-христианского

менталитета. Но основные производственные мощности и обслуживающее население сосредоточиваются в бессубъектных политических образованиях, относящихся главным образом к тем менталитетам, где в значительной мере развит навык подражания и долгое время развивались естественные цивилизации. Прежде всего, это Дальний Восток, выполняющий объектную функцию в АТР и в глобальном «разделении труда» в целом [6].

В 60-е годы и позже мир поражался рывку тихоокеанского региона во главе с Японией. Но тихоокеанская эпопея, если не брать во внимание одни только технико-экономические показатели, на самом деле весьма банальна. Речь идёт всё о том же эпигонстве, заимствовании, *языческом подражании* атлантической догматической модели, императивно насаждаемой во время и после американской военной оккупации Японии в 1945 г. Японию не случайно сегодня числят в системе большой восьмёрки: она действительно является по избранной ею модели не столько тихоокеанской, сколько «евроатлантической», западнической страной [28].

Догматическое же мышление, опирающееся на исповедание трансцендентного Бога, начиная с иудаизма и включая все направления христианства, принципиально отрицает необходимость языческого подражания природному миру. Более того, целым рядом запретов, наложенных на естественные потребности человека, на питание и на проявление естественных животных функций, оно даже на обыденном уровне обязано было выделять себя из внешнего мира и противопоставлять себя ему. Если для дорелигиозного или языческого мышления целью является слияние с природной средой, с космосом в некоторой нерасторжимой гармонии, то для догматического религиозного мышления целью выступает переустройство всего внешнего мира, согласно обетованиям трансцендентного Бога. Или, как это стало происходить уже в эпоху Просвещения, т.е. в процессе секуляризации согласно своим непрерываемым предпосылкам. Это две совершенно разные и не сводимые друг к другу ментальные установки – религиозная и языческая со всеми вытекающими отсюда последствиями [6].

Казалось бы подавляющая часть человечества: Китай со всем Дальним Востоком, Индия и тропическая Африка – должны были бы представлять собой доминантную основу мирового сообщества. В действительности о них даже не идет и речи, так как основанием глобализации выступают только ментально структурированные и малочисленные политические образования.

Религиозно-ментальные основания политики субъектами ментальной экспансии постулируются таким

образом, что они не предполагают традиционные ценности других культур в качестве реальной политической основы государственных образований. Полагается, что они должны пронизывать все иные культуры и сообщества, придавая им единственно необходимые формы и способы развития в соответствии со своими принципами и примерами социальной и политической организации – демократии, либерализма, рыночной экономики и т.д.

Операторами ментальной экспансии осуществляется установка на полную проницаемость и видоизменяемость всех существующих культур и политических образований, включая и Россию. Считается, что подобный процесс унификации человечества приведет его к абсолютному благу. При этом специфические предпосылки номиналистического менталитета утверждаются не рациональной аргументацией, а на основании догматически структурированной веры.

Для сформированного в западном христианстве догматического мышления не существует пространственных границ. На всех континентах в мышлении целых народов отсутствовал тот элемент ментального иммунитета, который мог бы хоть чем-то противостоять догматичному христианскому самоутверждению. Достаточно было представителям самого отсталого народа Западной Европы – португальцам – только доплыть до чужих земель, и они покоряли себе практически неограниченные территории. Серьёзно противодействия не встретила и российская экспансия на Восток, достигнув берегов Тихого океана и даже осваивая Аляску и западное побережье Северной Америки [29].

Именно догматический тип мышления, в основе которого лежит монотеизм, способен добиваться невиданных позитивных результатов в сравнении с дорелигиозным, *подражательным* типом мышления в языке. Он выступает унифицированным, беспредельно экспансивным и по своим интенциям изменяющим природу началом.

Важно заметить, что современная ментальная карта США, как в целом и всего Западного мира имеет выраженный полиментальный характер [30], но если из всех ментальных особенностей нынешней Америки нужно было бы выбрать только одну, то этой особенностью была бы высокая религиозность нации. По процентному соотношению верующих (93%) Соединенные Штаты стоят ближе к исламским и развивающимся государствам (Филиппины, Мексика), чем к Западной Европе. В 2002 году 59% американских респондентов отвечали, что «религия играет очень важную роль» в их жизни – в сравнении с 27% в Италии и 12% во Франции. Половина аме-

риканских семей регулярно произносит молитву перед едой, а 69% американцев верят в существование дьявола. Протестанты в Америке составляют 63% верующих, из них 44% евангелисты; католики составляют 24%. Другие религии – 8%, из них 2% – иудейская, не религиозны – что не равноценно атеизму – 6% населения [31].

В южных штатах число убеждённых верующих стремится к 100 процентам – эта полоса почти в пол-Америки получила название «Библейский пояс» (the Bible Belt). «В такой пропитанной верой атмосфере, – пишет В. Крашенинникова, – возрастают самые убеждённые «рыцари демократии и свободы», каким был, например, конгрессмен Ч. Уилсон. Он практически единолично выстроил механизм поставок оружия афганским моджахедам в начале 1980-х годов в обход всех американских законов и процедур» [32].

Религиозное усердие вносит в американское общество, известное своей рациональностью и тем часто отличающееся от российского, существенный эмоциональный заряд. Вера – это самое близкое, самое личное из того, что есть у людей, она важнее политических убеждений [6].

Мы, конечно, можем усомниться и сказать, что реальная картина западной и, в частности, американской религиозной ментальности не такая благодатная. Но во всяком случае, она может говорить о ведущих ментальных тенденциях.

Здесь нельзя не сказать и о противоположных тенденциях. Животное человеческое естество не может у всех людей подряд и всё время быть под контролем религиозных догматов. Реальность жизни такова, что ни одно монотеистическое общество не имеет иммунитета против массовых эксцессов антидогматического бунта. У определённых категорий людей он будет прорываться [32]. Изначально в догматических предпосылках содержалась установка на прогрессивное нравственное совершенствование человека. Причем в отличие от языческой мудрости под этим совершенствованием понималось не большее соответствие природному, животному естеству, а, напротив, преобразование его посредством этики. Этический идеализм религиозных менталитетов состоял в том, что нравственная истина выдвигалась в качестве абсолютной. Человеческая же природа постулировалась сотворенной и, следовательно, полностью пронизываемой для этой истины. На основании непрерываемых нравственных установок виделось поступательное и постоянное движение общества к благодатному моральному совершенству. В конечном итоге предполагалось построение такого общества, где каждый человек и вся масса человечества в целом

выражали бы собой некие нравственные каноны и императивы, которые определяются заповедями, вместо своей врожденной, естественной животной сущности.

Но в действительности подобный нравственный идеализм вызвал совершенно непредвиденный в рамках непосредственного догматического взгляда реальный хаос массового бессознательного в той же протестантской Америке [6]. Тотальная акцентуация массовой культуры на культе секса, протестной музыки, наркотиков, контркультуры сексуальных меньшинств, мести, насилия и убийства совершенно не характерна для языческих цивилизаций. Наиболее этичное направление в христианстве, связанное именно с английским номинализмом, породило все эти феномены. Не Китай и не Индия выступают в современном мире производителями и адептами культуры бессознательной деструкции, а протестантские Соединенные Штаты, сохраняющие почти пуританский образ жизни. И дело здесь не только в том, что человек, как оказалось, не совсем умещается в предзаданных рамках догматической этики, и сама непрерываемая жёсткость этих установок является одной из причин нарастающей иррациональной реакции со стороны человеческого естества. Сама догматика протестантизма как «гражданская религия» Америки, выраженная в ценностях демократии, рыночной экономики, свободы, либерализма, культуры индивидуалистической самореализации, вступила в противоречие с изначальными христианскими ценностями.

Вместо заключения

Руководители государств Запада, вступая в должность, присягают на Библию. Это не ритуальное, это сакральное действие, наполненное глубоким смыслом. Это демонстрация незыблемости ценностных установок и интенций, берущих своё начало в христианской догматике.

Президенты России клянутся на тексте Конституции РФ, который писали консультанты, советники и прочие специалисты. При этом нетрудно догадаться, откуда они его переписывали. Кстати, сам этот факт также нами воспринимается исключительно догматически, т.е. так, что он не составляет для нас никакого вопроса как некая истина а priori. Именно поэтому для мышления каждого из нас, находящегося внутри менталитета, так трудно определить, в чём именно состоит его догматическая обусловленность.

Мы можем сколько угодно гипнотизировать себя рассуждениями о «секуляризации» Запада. Но, говоря словами американского классика, «слухи об этом сильно преувеличены». Даже по мере развития самого про-

цесса секуляризации, страны Запада будут следовать своим непререкаемым принципам, которые изначально формировались в эпоху христианства и наследуют ему. При всех известных противоречиях правящих элит «золотого миллиарда», при всех проблемах нынешнего экономического кризиса и неизбежных будущих мировых потрясений Запад консолидирован и *преисполнен мессианской решимости* осуществлять свою политику на основе традиционных религиозно-догматических

оснований при «руководящей и направляющей роли» англо-американского протестантизма, основой которого является принцип номинализма.

Проблема лишь в том, как нам всё это понимать и что нам со всем этим делать или что будет делать со всеми нами правящая элита, когда подойдет к острому дефициту ресурсов, а у нас устареет, сломается или будет окончательно и бесповоротно реформирован ракетно-ядерный щит.

Литература

1. *Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева.* – СПб.: Logos, 2006.
2. Монахова И. *Изменение менталитета / Монахова Ирина.* – М.: Старклайт, 2008.
3. Колесов В.В. *Философия русского слова.* – СПб.: ЮНА, 2002.
4. Ухтомский А.А. *Доминанта.* – СПб.: Питер, 2002.
5. Ракитянский Н.М. *Феномен менталитета в контексте психологии веры // Информационные войны.* 2009. № 2. – С. 22-32.
6. Можаровский В.В. *Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики.* – СПб.: ОБИЗО, 2002.
7. *Закон Божий, составленный по Священному писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни.* – М.: Сретенский монастырь, 1998.
8. Льюис К.С. *Пока мы лиц не обрели.* – Пер. с англ. – СПб.: Библиополис, 2006. – С. 382.
9. Владимиров В. *Смысл русской жизни.* – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 189-193.
10. Коплстон Ф. *История философии. Средние века / Пер. с англ. Ю.А. Алакин.* – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 249-281.
11. Хорьков М.Л. *Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика.* М.: Наука, 2003.
12. Курантов А.П., Стяжкин Н.И. *Оккам.* – М.: Мысль, 1978. – (Мыслители прошлого); *Уильям Оккам: Избранное: Пер. с лат. А.В. Аполонова и М.А. Гарнцева под общ. ред. А.В. Аполонова.* М.: Едиториал УРСС, 2002. (Bibliotheca Scholastica; Вып. 3.)
13. Колесов В.В. *Указ. соч.* С. 297.
14. Лескин П.Д. *Онтологический статус имени и слова в философской культуре Древней Руси* – <http://www.phil63.ru/files/3vLeskin.doc>
15. Камчатнов А.М. *Фундаментальное исследование о русском слове* – http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s4_18_12.pdf.
16. Лосев А.Ф. *Эстетика Возрождения.* – М.: Мысль, 1978.
17. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. в 30 т. Т. 2.* – С. 142.
18. *Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3.* – М.: 1995.
19. Гачев Г.Д. *Ментальности народов мира.* – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – С. 151-178.
20. Жискар д'Эстен В. *Французы: Размышления о судьбе народа: Пер. с фр.* – М.: Ладомир, 2004. – С. 151-156.
21. Панарин А.С. *Ревани истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке.* – М.: Русский мир, 2005. – С. 167.
22. Сапронов П.А. *Власть как метафизическая и историческая реальность* – СПб., 2001. – С. 281.
23. Любичев А.А. *Наука и религия.* – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 282.
24. Панарин А.С. *Искушение глобализмом.* – М., 2000. – С. 179.
25. Паренти М. *Власть над миром.* – М., 1990; Кеннеди П. *Вступая в XXI век.* – М., 1997.
26. *Цит. по: Единство Запада и трансатлантическая безопасность – перед лицом испытаний.* – Публикация № 4 Центра им. Дж. Маршалла. – М., 2002. – С. 53.
27. Семин Н.Л. *Спецслужбы США в 2001–2006 гг. (проблемы взаимоотношений с другими институтами государства и обществом): Автореф. канд. историч. наук.* – М.: ИСША и Канады РАН, 2008.
28. Панарин А.С. *Ревани истории.* – М., 2005. – С. 11–12.
29. Аверьянов В. *Природа русской экспансии.* – М. Лента-Пресс, 2003.
30. Семёнов В.Е. *Российская полиментальность, политическая и духовно-нравственная ситуация в современной России // Психология власти – 2008. Материалы Второй международной научной конференции 14–15 января 2008 года. Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева.* СПб.: Издательство С.-Петербургского гос. ун-та, 2008. – С. 106–111.
31. Крашенинникова В. *Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России.* – М.: Европа, 2007. – С. 4, 42–46.
32. Раушенбах Б.В. *Пристрастие.* – 2-изд. – М.: Аграф, 2000.

Материал поступил в редакцию 11. 09. 2009.

© Федоровская Е. О.
Fedorovskaya E. O.

ПРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ВЫБОР ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

MORAL GUIDELINES AND OCCUPATION CHOICE IN MODERN RUSSIA

Аннотация. В процессе личностного и профессионального самоопределения молодежи роль регуляторов социального поведения играют субъективные образы профессии и профессионалов. Субъективный образ профессий и их рейтинг зависит от информации о представителях той или иной профессии. Адекватное представление о своей профессии возникает только при включенности в реальную профессиональную деятельность и благодаря встречам с настоящими профессионалами.

Исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-06-59625 а/Ц.

Annotation. In the process of personal and professional youth self-determination the role of regulators of social behaviour is played by subjective images of a occupation and professionals. The subjective image of occupations and their rating depends on the information on representatives of this or that occupation. Adequate representation about the occupation arises only in real professional work and thanks to meetings with real professionals.

Researches are executed at sponsorship of RGNF, underback № 08-06-59625 a/C.

Ключевые слова. Культурно-социальный фон, профессия, информационное воздействие, духовные идеалы, материальное благополучие.

Key words. Cultural-social background, occupation, information influence, spiritual ideals, material welfare.

Культурно-социальный фон современной России играет решающую роль в профессиональном и жизненном самоопределении юношества. Особенности современного культурного фона таковы, что происходит замещение высоких духовных идеалов поиска призвания поиском материального благополучия. Нравственные ориентиры человека актуализируются при выборе профессии, часто находясь в оппозиции выбору человека. Наиболее типичным при выборе профессии является конфликт между «прагматическими ценностями» и «ценностями развития», т. е. между двумя различными способами существования «иметь» и «быть» (Э. Фромм). Выбор профессии – один из важнейших выборов, во многом определяющий весь жизненный путь человека, поэтому вопрос о научном понимании процесса выбора профессии приобретает все большее значение и актуальность. От правильного выбора профессии во многом зависит успешность и продуктивность профессиональной деятельности в дальнейшем, реализация личностных потенциалов и в результате удовлетворенность человека своей жизнью. Сущностью профессионального самоопределе-

ния является самостоятельное и осознанное нахождение смыслов выполняемой работы и всей жизнедеятельности в конкретной социально-экономической ситуации [1].

В процессе личностного и профессионального самоопределения молодежи роль регуляторов социального поведения играют субъективные образы профессии и профессионалов. Субъективный образ профессий и их рейтинг зависит от информации о представителях той или иной профессии. Адекватное представление о своей профессии возникает только при включенности в реальную профессиональную деятельность и благодаря встречам с настоящими профессионалами. Но до этого момента основным источником информации о профессиях и профессионалах являются СМИ, Интернет и кинематограф. Современные художественные фильмы зачастую создают противоречивые и негативные образы профессионалов. По данным научного журналиста ВВС Квентина Купера, особенно отталкивает образ ученого из мультиков, сериалов и блокбастеров, который угрожающе однообразен и депрессивен [2]. Примером негативных эталонов-образцов ученых могут быть их образы

в фильмах «Мой муж – гений», «Игры разума», «Гипербо-лоид инженера Гарина» и пр. Решающее значение для формирования отношения к профессии играет имидж профессионалов, чувственная и когнитивная информация об их социальной успешности. Рейтинг профессий является отражением мотивационных детерминант современного общества связанных с успешностью. Рейтинг профессий определяется для студентов чаще всего тремя показателями – зарплатой, социальной значимостью и престижем. Тем не менее независимо от этих показателей существенное влияние на рейтинг профессий оказывает телевидение. Так, американскими исследователями установлен факт повышения рейтинга профессии врачей после демонстрации сериалов о врачах [3]. Это социальное явление получило название прайминга - латентного научения, определяющего дальнейшее поведение в ситуации выбора.

Важность образа профессий и стереотипа как наглядного типажа профессионала для профессионального самоопределения молодежи очевидна, так как субъективный эмоционально окрашенный образ чего-либо или кого-либо выступает регулятором социальных выборов человека [4]. Субъективный образ ученого и предпринимателя (и других стереотипических типажей профессий и деятельностей) проходит путь формирования от отражения в чувственной ткани до системы значений с обретением личностного смысла [5, 6].

Старший юношеский возраст является решающим этапом в реализации социального и профессионального самоопределения, конструирования собственной идентичности [7]. В познании себя и других люди используют систему конструкторов-категорий, позволяющих различать людей и ситуации. Индивидуальные категориальные конструкторы являются полидетерминированными, обусловленными влиянием нескольких факторов. Ценностно-мотивационные структуры личности, ее представления о должном и значимом выступают в этом случае одним из таких факторов, поэтому каждый субъективный образ (профессий, социальных ролей, национальных особенностей, успешности и пр.) находит свою координату в мотивационно-категориальной системе человека. Для каждой культурной общности существуют свои системы эмоциональных эталонов - системы отношений к различным явлениям и характеристикам явлений, а также систем сценарных эталонов, являющихся системными образцами поведения в типичных бытовых и жизненных ситуациях [5, с. 18]. Под мотивационно-категориальной системой (МКС) в современной психосемантике понимается внутреннее семантическое пространство,

ядром которого являются ценностные основания культуры, связанные с глубинными архетипическими структурами, которые обязательно имеют эмоциональную модальность [8].

Восприятие социальной действительности при-страстно. Индивид «видит» внешние объекты, исходя из их мотивационной для него актуальности («валентности» по К. Левину) [4]. Создавая долгосрочные вероятностные программы и сценарии, индивид «размечает» реальность на основе мотивационно-потребностных приоритетов. В результате мир становится эмоционально, мотивационно, потребностно «расщечен» (А.Н. Леонтьев, А.Ш. Тхостов). Так формируется «образ мира» как особый комплекс следов деятельности (Е.Ю. Артемьева, А.Ш. Тхостов), сопряженной с удовлетворением потребностей [9, 10]. Именно мотивационная актуальность образов профессионалов требует исследования в настоящее время.

В процессе социального познания профессий и встреч с эталонными образами профессионалов происходит постоянная коррекция положения координаты субъективного образа в мотивационно-категориальном пространстве личности. При этом аксиологические (высшие мотивационные) основания личности образуют собственное пространство, являясь своеобразным фильтром. Потребности homo sapiens имеют видовой детерминизм, но в то же время все желания человека являются инвариантами опредмеченных потребностей, полиморфизм которых задается (средой) обществом и культурой, к которой он принадлежит [4]. Таким образом, общество - «машина, творящая желания». Ссылаясь на А.Н. Леонтьева, А.Ш. Тхостов пишет, что «...предмет становится мотивом, вступая в семиотические отношения с потребностью, означая ее...», и далее: «Семиотическая природа мотива позволяет... объяснить... влияние потребности на познание, порождающее его пристрастность...» [10, с. 137].

Каждый образ профессии оценивается, как исполняющий (или неисполняющий) желания, а значит соответствующий образу социальной успешности (через желаемое будущее) или не соответствующий. Субъективный образ профессионала переплетен с системой установок (готовностью действовать в определенном направлении) и мифологических сценариев, наличествующих в данном обществе. Поэтому можно предположить, что этот субъективный образ играет роль при выборе установок и мифологического сценария, хотя это утверждение в настоящее время еще требует экспериментальной проверки. Так, враждебное отношение к науке в бытовом сознании (весьма распространенный стереотип): «Деятельность ученых погубит мир» – может приводить к атрибу-

ции (присвоению) качества (значения) «вредитель» всем ученым вообще [11]. При этом образуется стереотипная склейка в сознании обывателя «ученые-вредители». Аналогично конкретная информация о непорядочности предпринимателя, может привести к генерализации и атрибуции качества (значения) «лживости, жадности» всем предпринимателям. Атрибуция также отражает пристрастный характер восприятия мира. Здесь тоже имеет место стереотипная склейка «предприниматель-богатый-лживый-жадный». При этом субъективный образ профессионалов «пульсирует» в мотивационно-категориальном пространстве, а его координата может влиять на социальные выборы человека. А человек постоянно примеряет этот образ к модели опережающего отражения – «образа будущего», непрерывно генерируя познавательные гипотезы [12,13] А.В. Запорожец выделяет функцию субъективного образа как «своеобразного условного подкрепления поведения» при его совпадении или не совпадении с имеющимся образом. Многочисленные исследования подтверждают, что важнейшей функцией образа является регуляция деятельности [13].

Смена акцентов в постсоветском пространстве породила новые желания (вторичные потребности), сместила акценты в системе ценностей и нравственных ориентаций, представления об успешности и имидже (эмоционально окрашенном субъективном образе) многих профессий. Образ ученого, обладавший большой аттрактивностью для молодых людей поколения 60-70 годов, сегодня вовсе не соответствует образу успешного человека, складывающемуся у современного студенчества, и не «исполняет» его желаний. При этом и сам образ ученого в обыденном сознании наполняется негативными значениями [14, 15]. В то же время у современных жителей России складывается амбивалентный, но привлекательный для многих образ предпринимателя.

Мы предполагаем, что престижность профессии, ее социальное признание связано с восприятием образов профессионалов в конкретных культурно-исторических условиях и играет важную роль в ситуации социальных выборов. Кроме этого, важен диалог профессиональных культур предпринимателей и ученых, так как от их социального восприятия зависит реализация стратегического развития России.

В проведенном исследовании изучалась связь образа профессии ученого и предпринимателя и аттитюдов с особенностями аксиологического пространства студентов разных вузов и специализаций.

Были использованы следующие методы: методы фокус-групп [16], стандартизированное экспертное ин-

тервью, анкетирование, беседа, методы психодиагностики личности – тест-опросник ценностей личности Ш. Шварца [17,18], методы экспериментальной психосемантики [5, 19, 20], методы математической статистики – факторный, корреляционный анализ, определение достоверности отличий переменных. Для обработки всех данных использовался пакет программ SPSS (версия 11).

В исследовании приняли участие 180 студентов 1- 2 курсов (18-20 лет) разных специализаций следующих вузов Калужской области: ОГТУАЭ (физики – 16 человек), КГПУ им. К.Э. Циолковского (психологи – 40 человек), СУГТИ (маркетологи, экономисты, психологи – 57 человек), филиал РГСУ в г. Обнинске (социальная работа, экономисты – финансы и кредит – 77 человек). Фокус-группы были проведены в мае месяце 2008 г., июнь-сентябрь 2008 г. – анкетирование и тестирование студентов.

Результаты исследования и обсуждение

1. Место профессии ученого и предпринимателя в рейтингах профессий у студентов Калужской области

Студентам было предложено назвать 10 самых престижных, по их мнению, профессий и присвоить каждой из них определенное место от первого до десятого в порядке убывания значимости. Было получено свыше 1300 высказываний от 138 студентов, при этом всего студентами было названо 43 профессии. Самыми часто упоминаемыми были: юрист (9,96%), менеджер (8,12%), врач (7,63%), экономист (6,27%), политик (5,29%), предприниматель (4,67%) учитель (4,55%), ученый (4,43%). В рейтинге профессии распределились в следующей последовательности: на первых трех местах профессии юриста, политика и экономиста, следующие три – менеджер, предприниматель, врач, третья тройка включила в себя – профессию директора (притом, что это должность!), инженера, программиста. Профессия ученого поставлена у восьми студентов (5,79 % выборки) и профессия учителя у шести студентов (4,34%) на первые места. Полученные данные были исследованы с помощью критерия согласия распределений Колмогорова-Смирнова, который показал, что распределение данных не соответствует равномерному ($\lambda = 9,026$ при $p \leq 0,01$), значит, оно не носит случайного характера.

При этом оказалось, что 27% студентов привели рейтинги профессий, включавшие менее престижные профессии, а именно те профессии, по которым они получают специальность – инженеры, психологи, учителя. Таким образом, рейтинги профессий у 73% выборки

можно назвать «рейтингами прагматической личности», а у 27% рейтингами «развивающейся личности». Для этих групп был проведен анализ иерархии ценностей по методике Ш.Шварца [17,18]. Было установлено, что группа студентов с прагматическим рейтингом – «юрист, политик, экономист, менеджер» достоверно отличалась от студентов с рейтингами - «инженер, ученый, учитель, психолог» по следующим ценностям: значения «Власть» были выше у прагматиков (критерий Стьюдента. $p \leq 0,040$), значения «Доброта» (критерий Стьюдента. $p \leq 0,016$) и «Универсализм» (критерий Стьюдента. $p \leq 0,047$) были выше у тех, кто выбирал развитие.

2. Особенности субъективного образа ученого и предпринимателя у студентов вузов Калужской области

С целью исследования особенностей образа ученого и предпринимателя было проведено анкетирование студентов, в котором участвовали 138 студентов. В первом вопросе анкеты необходимо было назвать известных ученых, которых не просто знают, а считают своеобразным эталоном ученого.

Анализ массива из 138 высказываний показал, что образом-эталом ученого для большинства студентов являются Д.И. Менделеев 18,18 % (25), А. Эйнштейн 18,18 % (25), А. Смит 9,02 % (12), представление о которых – синкретично и неадекватно. С этими учеными у опрашиваемых не было непосредственного контакта, представление о них опирается на несколько фотографий (или портретов, например, А. Смита) и коротких биографических справках, то есть «чувственная ткань» обеднена.

Следует отметить, что студенты-психологи чаще всего упоминали ученых-психологов, экономисты - экономистов, физики – физиков. Тем не менее только 3,76% назвали А.Д. Сахарова. И.В. Курчатова, С.П. Королева и только один студент назвал реально действующего современного ученого Ж. Алферова. Таким образом, мы видим, что реальный эталон-образ ученого современности у студентов отсутствует.

Во второй части анкеты студентов просили назвать отрицательные и положительные качества ученых и предпринимателей. Массив прилагательных (264 первичных высказываний) также подвергся категоризации, после чего были посчитаны семантические универсалии (частота встречаемости в массиве высказываний для каждого качества). На рис. 1 представлен образ ученого, построенный на основании значений семантических универсалий (частота встречаемости в массиве высказы-

Рис. 1. Профиль субъективного образа ученого у студентов (ваний).

Анализ высказываний об образцах-эталонах предпринимателей продемонстрировал совсем иную картину. Так, все высказывания касались наших современников. Для 19,56% (25) студентов образцами-эталонами являлись местные предприниматели, а для 4,69%(6) - собственные родители. Этот факт указывает на то, что источником информации служат реальные контакты с реальными людьми - предпринимателями, хотя на первое место среди указанных образов-эталонов вышла фигура Р. Абрамовича 31,24 % (31).

На рис. 2 представлен групповой профиль образа предпринимателя, в котором отражены значения семантических универсалий (весь массив высказываний 233 качества).

Преобладающее отношение к предпринимателям

Рис.2. Профиль субъективного образа предпринимателя у студентов

и ученым в студенческой среде представлено в табл.1 и 2 соответственно. Наиболее положительное отношение к ученым и даже симпатия к ним наблюдались у студентов физиков, а наиболее отрицательное – у студентов маркетологов. К предпринимателям физики относились ней-

Таблица 1

Отношение к ученым у студентов разных специализаций

Группа		Варианты отношения к ученым						
		Не лучше и не хуже чем к остальным	С восхищением	С симпатией	Группа	С уважением	Затрудняюсь ответить	С презрением
Психологи г. Калуга	Кол-во	4	0	1	9	5	2	0
	%	12,9%	0,0%	3,2%	29,0%	48,4%	6,5%	0,0%
Экономисты г. Обнинск	Кол-во	4	0	0	10	15	1	0
	%	13,3%	0,0%	0,0%	33,3%	50,0%	3,3%	0,0%
Психологи г. Обнинск	Кол-во	1	1	3	7	7	1	0
	%	5,0%	5,0%	15,0%	35,0%	35,0%	5,0%	0,0%
Маркетологи г. Обнинск	Кол-во	5	1	0	1	7	3	2
	%	27,8%	5,6%	0,0%	5,6%	38,9%	16,7%	11,2%
Физики г. Обнинск	Кол-во	2	2	5	3	4	0	0
	%	12,5%	12,5%	31,3%	18,8%	25,0%	0,0%	0,0%
Всего	Кол-во	16	4	9	30	48	7	2
	%	13,9%	3,5%	7,8%	26,1%	41,7%	6,1%	11,2%

Таблица 2

Отношение к предпринимателям у студентов разных специализаций

Группа		Варианты отношения к предпринимателям						
		Не лучше и не хуже чем к остальным	С восхищением	С симпатией	С интересом	С уважением	Затрудняюсь ответить	С презрением
Психологи г. Калуга	Кол-во	12	3	4	5	2	4	0
	%	38,7%	9,7%	12,9%	16,1%	6,5%	12,9%	0,0%
Экономисты г. Обнинск	Кол-во	10	3	6	4	6	1	0
	%	33,3%	10,0%	20,0%	13,3%	20,0%	3,3%	0,0%
Психологи г. Обнинск	Кол-во	7	1	1	2	1	6	2
	%	35,0%	5,0%	5,0%	10,0%	5,0%	30,0%	10,0%
Маркетологи г. Обнинск	Кол-во	7	1	0	4	2	3	1
	%	38,9%	5,6%	0,0%	22,2%	11,1%	16,7%	5,6%
Физики г. Обнинск	Кол-во	11	0	0	2	0	2	1
	%	68,8%	0,0%	0,0%	12,5%	0,0%	12,5%	6,3%
Всего	Кол-во	47	8	11	17	11	16	4
	%	40,9%	7,0%	9,6%	14,8%	9,6%	13,9%	3,5%

трально, все остальные с интересом.

Субъективный групповой образ профессиональных ученых, построенный на основе анализа высказываний 36 ученых (массив 260 прилагательных), существенно отличался от образов ученого у студентов. Сравнение семантических универсалий показало, что они совпадают только относительно интеллекта, креативности и трудолюбия ученых.

3. Исследование установок и социальных

стереотипов, связанных с предпринимательством и наукой. Изучение связи установок и стереотипов с ценностными ориентациями студентов

Со студентами разных специализаций была проведена фокус-группа [16], результаты которой позволили выделить основные установки (аттитюды), связанные с учеными и наукой, предпринимателями и бизнесом (табл. 3).

Социальными установками (аттитюдами) в современной социальной психологии принято считать

Таблица 3

**Выбор студентами основных аттитудов,
связанных с профессией ученого
и предпринимателя**

Аттитуды студентов		Всего	
Я думаю, что в нашей стране есть все условия для развития потенциала человека	не согласен	кол-во	28
		%	23,0%
	не уверен	кол-во	36
		%	29,5%
	согласен	кол-во	58
		%	47,5%
Если бы труд ученого высоко оплачивался, я выбрал бы эту профессию	не согласен	кол-во	48
		%	39,3%
	не уверен	кол-во	43
		%	35,2%
	согласен	кол-во	31
		%	25,4%
Я думаю, что занятие наукой часто граничит с безумием, а среди ученых много ненормальных	не согласен	кол-во	54
		%	44,3%
	не уверен	кол-во	35
		%	28,7%
	согласен	кол-во	33
		%	27,0%
Я считаю, что большая часть последних открытий в науке очень опасна для человечества	не согласен	кол-во	42
		%	34,4%
	не уверен	кол-во	41
		%	33,6%
	согласен	кол-во	39
		%	32,0%
Я считаю, что главным мотивом деятельности ученого является поиск истины и служение человечеству	не согласен	кол-во	7
		%	5,7%
	не уверен	кол-во	31
		%	25,4%
	согласен	кол-во	84
		%	68,9%
Мне нравится профессия предпринимателя, я бы выбрал ее	не согласен	кол-во	13
		%	10,7%
	не уверен	кол-во	41
		%	33,6%
	согласен	кол-во	68
		%	55,7%
Я считаю, что современное российское общество вполне могло бы обойтись без предпринимателей	не согласен	кол-во	64
		%	52,5%
	не уверен	кол-во	52
		%	42,6%
	согласен	кол-во	6
		%	4,9%
Я считаю, что большая часть предпринимателей достигла успеха нечестным путем	не согласен	кол-во	7
		%	5,7%
	не уверен	кол-во	41
		%	33,6%
	согласен	кол-во	74
		%	60,7%
Я думаю, что в современной России нельзя начать заниматься предпринимательством с нуля, так как нет возможности иметь начальный капитал	не согласен	кол-во	37
		%	30,3%
	не уверен	кол-во	31
		%	25,4%
	согласен	кол-во	54
		%	44,3%

«...устойчивое, латентное состояние предрасположенности индивида к положительной или отрицательной оценке объекта или ситуации, сложившееся на основе его жизненного опыта, оказывающее регулятивное, организующее влияние на перцептуальные, эмоциональные и мыслительные процессы, и выражающееся в последовательности поведения (как вербального, так и невербального) относительно данного объекта в данной ситуации» [21].

На основании данных табл. 3 была разработана анкета альтернативных выборов, что позволило провести корреляционный анализ связи аттитудов с ценностями. Для исследования ценностных ориентаций использовался тест ценностных ориентаций Ш. Шварца в обработке В.Н. Карандашова [17]. Очевидно, что личностные ценности формируются в процессе социализации и как источник индивидуальной мотивации, функционально эквивалентны потребностям, находясь с ними в сложном взаимодействии (потребность «толкает», ценность «притягивает»). Ценностные ориентации (ЦО) рассматриваются нами как система осознанных установок по отношению к существующим в обществе ценностям, как убеждение в том, что определенные цели существования и способы поведения предпочтительнее, чем иные, им противоположные. Таким образом, представления личности об основных ценностных альтернативах в обществе и о собственных ценностях обобщаются в понятии субъективное аксиологическое пространство. Анализ ценностных ориентаций выводит исследование к основным нравственным ориентациям студентов.

Особенности аксиологического пространства студентов исследовались методом факторного анализа, связь между установками и ценностями выявлялась методом корреляционного анализа (по Спирмену). Между группами студентов психологов, экономистов, маркетологов и физиков обнаружены существенные различия в выборе установок (критерий Крускала-Уолеса): Установки «если бы труд ученого высоко оплачивался, я бы выбрал эту профессию» ($p \leq 0,01$), «ученые высокоинтеллектуальные, психически здоровые, талантливые люди» ($p \leq 0,039$) значительно выше у студентов физиков. Установки «мне нравится профессия предпринимателя» ($p \leq 0,000$), «российское общество развивается благодаря предпринимателям» ($p \leq 0,051$), «главным мотивом деятельности предпринимателя является власть и богатство» ($p \leq 0,04$) преобладали у студентов всех других специальностей. По сути – это отличия между группами с социально прагматическим рейтингом профессий и рейтингом профессий, соответствующим выбору развития. Отличия

в выборе установок между этими двумя группами также достоверны (критерий Манна-Уитни, $p < 0,04$). Студенты, отнесенные к группе «выбор развития», преобладали среди физиков и психологов г. Обнинска, в эту группу вошло 75% студентов с рейтингами профессий, отличных от прагматического выбора «юрист, политик, экономист, менеджер». Отличия значений ценностей между пятью группами достоверны (критерий Крускала-Уолеса для нескольких независимых групп) для ценностей: власть ($p \leq 0,008$), гедонизм ($p \leq 0,002$), самостоятельность ($p \leq 0,009$), универсализм ($p \leq 0,007$), доброта ($p \leq 0,011$). Более наглядно выглядит положение пяти групп студентов в факторном аксиологическом пространстве. Проведенный факторный анализ (метод максимально правдоподобия, Варимакс-вращения с нормализацией по Кайзеру) ценностных ориентаций всей выборки студентов выявил два основных фактора: фактор «социальный прагматизм (стремление к социальному успеху, престижу, богатству, власти, наслаждению и поиску новых ощущений) и фактор «ориентация на выбор развития» (стремление к автономной регуляции, познанию, творчеству, построению гармоничных отношений с близкими людьми). Этот обобщенный ценностный конструкт содержательно перекликается с конструктом «иметь или быть» Э. Фромма. Эти данные схожи с данными, полученными на выборках студентов Краснодара [8].

Фактор, названный нами «выбор развития», составил 27% дисперсии и оказался биполярным, так как в него вошли следующие ценности: доброта (0,868), достижения (0,749), самостоятельность (0,640), универсализм (мудрость, мир во всем мире, гармония с природой) с отрицательным значением (-0,426). Униполярный фактор, названный фактором «социального прагматизма», объясняет 14% дисперсии и включает следующие ценности: безопасность (0,724), стимуляция (0,678), гедонизм (0,418), власть (0,401).

Как видно из рис. 3, возможна типология групп в пространстве этих двух факторов. Тогда первый тип характеризуется низким значением по оси «социальный прагматизм» и высоким по оси «выбор развития». К нему отнесена группа физиков, так как выбор профессии физика-ядерщика, инженера-атомщика и позитивное отношение к «ученым» связано с фактором – «выбор развития». Второй тип характеризуется высоким значением фактора «социального прагматизма» и средними значениями фактора «выбор развития» – маркетологи и психологи г. Обнинск. Третий тип характеризуется низкими значениями фактора «выбор развития» и средними «социального прагматизма» – у экономистов. Самый высо-

кий уровень фактора «социального прагматизма» наблюдался у студентов-маркетологов. И, наконец, четвертый тип, низкий уровень фактора «социального прагматизма» и низкий уровень фактора «выбора развития» наблюдался у студентов-психологов г. Калуга – они не испытывают симпатии, восхищения и интереса к ученым, так же, как и экономисты, маркетологи.

В этом исследовании обнаружена слабая достоверная корреляция фактора «социального прагматизма» с установками «наука поможет выжить человечеству в критических ситуациях, спасет от катастроф» - значение 0,176* ($p \leq 0,047$) и «мне нравится профессия предпринимателя» значение 0,186* ($p \leq 0,036$). С другой стороны, нами обнаружены достоверные корреляции между установками и ценностями, которые представлены в табл. 4. Во многих случаях одна установка зависела от сочетанного действия нескольких ценностей.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о сложном взаимодействии образа профессий с аттитюдами, ценностями и нравственными ориентациями. Глубинные ценностные и нравственные структуры архитипичны, но в реальности могут происходить всевозможные склейки, что, конечно, указывает на незрелость мотивационно-аксиологического пространства у студентов. Для большинства студентов очевидны неконструктивные склейки установки «Я считаю, что большая часть предпринимателей достигла успеха нечестным путем» у 60 % студентов, с установкой «мне нравится профессия предпринимателя» у 55%, которые имели положительную корреляцию с ценностями, включенными в конструкт «социального прагматизма», и отрицательную с ценностями универсализма и доброты. И, наоборот, выбор непрестижных профессий и установок

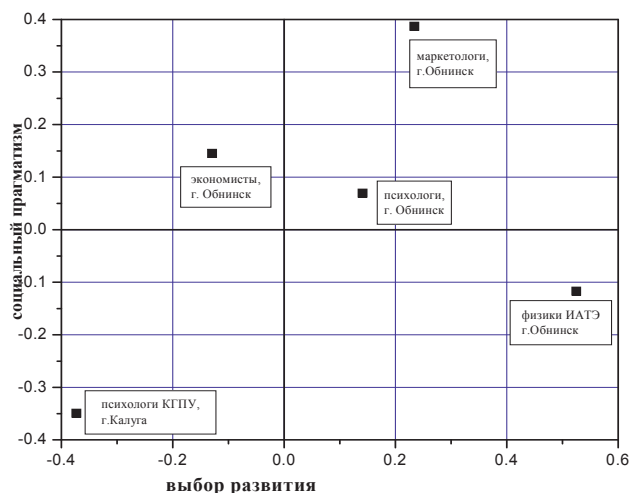

Рис. 3. Положение групп студентов в факторном пространстве «социальный прагматизм» - «выбор развития»

**Значение достоверных коэффициентов корреляции (по Спирмену)
между аттитюдами и ценностями**

№ п/п	Установки	Ценности	Коэффициент корреляции Спирмена (r_s)
1	В нашей стране есть все условия для развития потенциала человека и науки	достижения	-0,183*($p \leq 0,038$)
		конформизм	-0,218*($p \leq 0,013$)
2	Если бы труд ученого высоко оплачивался, я бы выбрал эту профессию	достижения	-0,208*($p \leq 0,019$)
		самостоятельность	-0,244**($p \leq 0,005$)
		работа	-0,198*($p \leq 0,029$)
3	Главным мотивом деятельности ученого является поиск истины и служение человечеству	зрелость	0,235**($p \leq 0,008$)
		универсализм	0,205*($p \leq 0,024$)
		гедонизм	-0,176*($p \leq 0,047$)
4	Главным мотивом деятельности предпринимателя является процветание своей Родины и народа	зрелость	-0,196*($p \leq 0,029$)
		власть	-0,178*($p \leq 0,044$)
5	Наука поможет выжить человечеству в критических ситуациях, спасет от катастроф	конформизм	-0,229**($p \leq 0,000$)
		работа	0,185*($p \leq 0,034$)
		стимуляция	0,290**($p \leq 0,001$)
6	Мне нравится профессия предпринимателя, я бы выбрал ее	гедонизм	0,195*($p \leq 0,028$)
		власть	0,253**($p \leq 0,004$)
7	Большая часть последних открытий в науке опасна для человечества	безопасность	0,229**($p \leq 0,000$)

«если бы труд ученого высоко оплачивался, я бы выбрал эту профессию» у 25 % студентов, положительно коррелирует с ценностями развития, а значит, и с иным конструктом индивидуальной нравственности.

Выводы

1. Анализ современных литературных данных позволил выдвинуть гипотезу о том, что субъективный образ профессионала переплетен с системой аттитюдов (готовностью действовать в определенном направлении) и мифологических сценариев, наличествующих в данном обществе. Субъективный образ профессионала помещается в субъективное аксиологическое и категориальное пространство сознания личности, образуя цельный конструкт, определяющий социальное поведение личности.

2. Методом направленных ассоциаций был создан групповой субъективный портрет ученого и предпринимателя у студентов и самих профессионалов. Студенты склонны приписывать профессионалам значительное количество негативных черт. Семантическое сходство

между субъективными показателями положительных и отрицательных качеств у студентов и ученых не совпадают. Автостереотип профессиональных ученых является полностью положительным и играет эгозащитную функцию для профессионала.

3. В рейтингах профессий ученые занимают 12–16 места, а предприниматели четвертое. На современном культурном фоне России нет реального образа ученого, но зато есть реальные образы предпринимателей и бизнесменов.

4. Были выявлены основные стереотипы в сознании студентов, связанные с учеными, и социальные установки, определяющие поведение молодежи в ситуации выбора. Установлена положительная корреляционная связь между выбором установок и системой ценностей.

5. У студентов-физиков выявлен высокий уровень ценностей развития по сравнению с группами экономистов, маркетологов и психологов, в которых наблюдался высокий уровень ценностей социального прагматизма.

Литература

1. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
2. Деградиация образа ученого. zip.org.ua.
3. Брайт Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.; СПб: Вильямс.-2004. – С. 432.
4. Виллюнас В. Психология развития мотивации. – СПб, 2006. – С. 364.

5. Серкин В.П. Методы психосемантики. – М.: Аспект Пресс, 2004.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х тт. – М.: Педагогика, 1983.
7. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.
8. Лузаков А.А. Личность как объект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных структур и ценностно-мотивационных структур. Автореф. дисс. д. психол. н. – Краснодар, 2007.
9. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Современные технологии и новые границы детерминации социокультурной нормы и патологии. // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. – М.: Изд-во ИП РАН, 2003. – С. 66–79.
10. Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002.
11. Налчатджан А.А. Атрибуция, диссонанс и социальное познание. М.: Когито-Центр, 2006.
12. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психологического отображения. – М.: Изд-во МГУ, 1985.
13. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. – М.: Педагогика, 1986.
14. Володарская Е.А. Имидж ученого современной российской науки. // PR в образовании. – М., 2003. – № 3. – С. 79-82.
15. Федоровская Е.О. Рейтинг и имидж профессий у студенческой молодежи. // Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. // www.sugi-obninsk.ru.
16. Мельникова О.Т. Фокус-группы. – М.: Аспект Пресс, 2007.
17. Карандашов В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. – СПб.: Речь, 2004.
18. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века. // Психологический журнал. – М., 2000. – № 3. – С. 73–87.
19. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М., 1999. – 448 с.
20. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – СПб., 2005.

Материал поступил в редакцию 11. 09. 2009.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА С 60-ЛЕТИЕМ

5 сентября 2009г. исполнилось 60 лет со дня рождения одному из основателей нашего журнала, члену его редколлегии, доктору технических наук, профессору **Цыганову Владимиру Викторовичу**

Коллектив научно-редакционного совета и редакционной коллегии журнала «Информационные войны» поздравляет Вас, Владимир Викторович, со знаменательной датой с 60-летием со дня рождения.

В 1972 г. Вы с отличием закончили Московский физико-технический институт по специальности «Теоретическая физика». Были первым студентом МФТИ в Институте теоретической физики Академии наук, сдавшим в полном объеме теоретический минимум им. Л.Д. Ландау.

С 1979 г. Вы работаете в Институте проблем управления им. В.А.Трапезникова Российской академии наук (ИПУ РАН). Занимали должности научного сотрудника, ученого секретаря по международным связям, заведующего сектором, заведующего отделом. В настоящее время Вы – главный научный сотрудник ИПУ РАН, автор более 250 научных работ и 10 монографий.

Ваше детище – теория эволюционных систем – теоретическое знание о механизмах управления эволюцией социально-экономических систем, овладении их капиталом и властью. Предмет этой теории – управление целенаправленной человеческой деятельностью в условиях быстрых изменений, характерных для нашего времени. Теория эволюционных систем использует формальные знания естественных наук и неформальные знания общественных наук. В свою очередь, математическую основу этой теории составляет разработанная Вами теория дальновидных адаптивных и самоорганизующихся систем, которая является частью общей теории управления, относящейся к естественным наукам.

Развиваясь на стыке естественных и общественных наук, теория эволюционных систем использует знания физиологии и психологии человека, социологии, экономики, политологии. Важное место в ней занимают концепции центра капитала, интеллектуальных механизмов, информационного менеджмента. Она является теоретической основой проектирования и внедрения механизмов управления эволюцией социально-экономических систем разной природы – от предприятия и банка до отраслей промышленности, силовых структур и мирового сообщества.

Вы – основатель научной школы эволюционных систем. Многие Ваши ученики стали кандидатами и докторами наук, используя разработанный Вами единый теоретический подход для создания механизмов управления эволюцией в разных областях человеческой деятельности. Под Вашим руководством разработаны и внедрены механизмы адаптивного управления промышленными предприятиями, финансовыми учреждениями, структурами обороны, безопасности и правопорядка, отраслями экономики, международными отношениями и др. В частности, разработана концепция и адаптивные механизмы функционирования интеллектуального предприятия, как центра капитала, которые внедрены на Экспериментальном заводе научного приборостроения со Специальным конструкторским бюро РАН. Концепция и адаптивные механизмы функционирования интеллектуального банка, как центра финансового капитала, внедрены в коммерческом банке.

Вами разработаны и внедрены интеллектуальные механизмы охраны и операций сил специального назначения, информационных операций и войн за овладение капиталом и властью. Комбинации этих механизмов и технологий использованы для проектирования и внедрения комплексных систем информационного менеджмента в социально-экономических системах разного масштаба.

Вы ведете большую научно-организационную деятельность. Владимир Викторович, Вы – основатель и председатель программного комитета международных конференций «Системы управления эволюцией организации», являетесь членом оргкомитета и руководителем секций международных симпозиумов «Пути улучшения международной стабильности», международных конференций «Информационные технологии в науке, социологии, экономике и бизнесе», «Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации, бизнесе», международных семинаров «Информатика и общество».

Вы по-прежнему полны сил и энергии, являетесь генератором множества плодотворных идей в разных областях науки.

Мы желаем Вам, уважаемый Владимир Викторович, крепкого здоровья и творческих сил на долгие годы.

Правила представления авторами статей для опубликования в журнале

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия журнала «Информационные войны» уведомляет, что в соответствии с решением ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации "О порядке формирования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук" с 1. 01. 2009 г. при представлении статей для опубликования в журнале необходимо соблюдать следующие правила.

Статья не должна быть опубликована в представляемом в редакцию виде в других изданиях.

Материалы статьи представляются в электронной и бумажной версиях, последняя должна быть подписана автором(ами) с указанием даты. Статья должна быть сопровождается экспертным заключением о возможности публикации ее в открытой печати.

Материал статьи должен быть изложен в следующей последовательности: 1) номер УДК; 2) инициалы и фамилия(и) автора(ов); 3) название статьи; 4) аннотация (объемом до 0,3 стр. машинописного текста); 5) ключевые слова (до 10 слов); 6) полные сведения об авторе(ах)(фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место (название организации) работы, контактный тел.); 7) основной текст с иллюстрациями; 8) краткие выводы; 9) литература. Сведения по пп. 2 – 6 должны быть изложены на русском и английском языках.

Текст статьи должен быть набран в формате MS Word шрифтом Times New Roman 10 размера без принудительных переносов слов с полуторным интервалом между строками, со ссылками на иллюстрации и библиографии. Его объем вместе с иллюстрациями и библиографиями не должен превышать 0,87 печ. л. (7 стр. формата А4).

Формулы, содержащие в себе одновременно верхний и нижний индексы, надстрочный или подстрочный символы, а также системы уравнений, матрицы, дроби, пределы, суммы, интегралы и т.д. должны быть набраны в редакторе формул Math Type без смешивания стилей. Размеры символов: обычный – 10 пт; крупный индекс – 60%, мелкий индекс – 50%, крупный символ – 150%, мелкий символ – 100% от обычного. Остальные формулы и переменные могут набираться в тексте шрифтом Times New Roman или в режиме вставки символов с использованием шрифта Symbol. Для математических обозначений в формулах должны употребляться наиболее простые символы и индексы (желательно числовые или латинские).

Графики, схемы должны быть выполнены в векторном редакторе.

При подготовке иллюстраций: фотографий и рисунков желательно использовать формат JPEG: разрешение для цветных – не менее 300 dpi; для черно-белых – 400 dpi.

Литература должна быть оформлена следующим образом.

- *Журналы*: Кузнецов В.З., Сабельников В.А. Особенности горения перемешанных газов в сильнотурбулентном потоке // Физика горения и взрыва. – 1977. – Т. 13, № 4. – С. 499-505.
 - *Книги*: Льюис Б, Эльбе Г. Горение, пламя и взрывы в газах. – М.: ИЛ, 1948. – 234 с. Физика взрыва / Под ред. К.П. Станюковича. - М.: Наука, 1975. – 442 с.
 - *Статьи в сборниках и трудах*: Ханефт А.В., Кригер В.Г. Механизм низкорогового инициирования азид свинца лазерным импульсом // Кинетика химических реакций: Материалы IX Всесоюз. сим. по горению и взрыву. / Под ред. Г.В. Степанова. – Черногловка: ОИХФ АН СССР, 1989. – С. 90–92.
 - *Диссертации*: Федотов С.П. Флуктуации и автоколебания в химически реагирующих системах: Дис... д-ра физ.-мат. наук – Екатеринбург, 1983. – 207 с.
 - *Авторские свидетельства*: Ас, 615098 СССР, МКИ. Способ получения полифенилхиноксанов / Коршак В.В., Берлин А.А. – опубл.19.02.74, Бюлл. № 33.
6. *Препринты*: Козаков А.С. Исследование структуры ударных волн. – Новосибирск, 1965. – (Препр. / РАН. ИТПМ; № 10.

Материалы представляются в редакцию по почте (141092, г. Юбилейный, мкр. 3, а/я 4) или курьером (Московская обл., г. Юбилейный, ул. Пионерская 1/4,3 этаж, ком.14). Электронная версия предварительно может быть выслана по электронной почте (bva_ps@list.ru или pva@sipria.msk.ru), тел.: 543–36–76.

При положительных результатах рецензирования статьи научно-редакционным советом, редакция журнала заключает с автором лицензионный договор о передаче авторских прав на публикацию, направляет ему рецензию и статья публикуется в журнале. В противном случае автору направляется мотивированный отказ.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре ЗАО ПСТМ

Подписано в печать 20.02.09. Формат 60х90/8. Усл. печ. л.9,5. Тираж 1000 экз. Заказ 9/09.

Адрес редакции: 141092, Московская область, г. Юбилейный, а/я 4. Тел./факс: (095) 543-36-76 Тел. 543-36-76, 543-36-77

E-mail: pva@cpsias.msk.ru, Site: www.cpsias.ru